

ХАНТЫ-МАНСИЙСКИЙ АВТОНОМНЫЙ ОКРУГ – ЮГРА

БУ ВО «СУРГУТСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

**«РОССИЙСКОЕ МОГУЩЕСТВО ПРИРАСТАТЬ
БУДЕТ СИБИРЬЮ...»**

**Сборник статей
Всероссийской научно-практической конференции,
посвященной памяти И. П. Захарова**

**Сургут
Издательский центр
2023**

УДК 94(571.1)(063)
ББК 63.3(2)
Р768

Издается по решению
Редакционно-издательского совета СурГУ

Редакционная коллегия:

Веселов Севостьян Игоревич,
ответственный редактор
канд. ист. наук старший преподаватель кафедры истории России
Сургутского государственного университета

Кирилюк Денис Валериевич,
канд. ист. наук, доцент заведующий кафедрой истории России
Сургутского государственного университета

Кузнецова Анастасия Александровна,
канд. ист. наук старший преподаватель кафедры истории России
Сургутского государственного университета

Прищепа Александр Иванович,
д-р ист. наук профессор кафедры истории России
Сургутского государственного университета,
заслуженный деятель науки Ханты-Мансийского автономного округа – Югры

Р768 **«Российское могущество прирастать будет Сибирью...»** : сборник статей Всероссийской научно-практической конференции, посвященной памяти И. П. Захарова / отв. ред. С. И. Веселов ; Сургут. гос. ун-т. – Сургут : ИЦ СурГУ, 2023. – 96 с.

В сборник научных статей включены результаты исследований студентов, магистрантов, аспирантов и известных ученых Тюмени, Сургута, Нижневартовска по широкому кругу вопросов истории Югры и Западной Сибири в XVI–XXI вв. – предпринимательском сословии, проблемах «кулацкой ссылки», историографии, промышленном освоении, политическом и этнокультурном развитии.

Издание адресовано научным сотрудникам, преподавателям, аспирантам, магистрантам, студентам, работникам архивных, музейных учреждений и всем, интересующимся историей Югры и Западной Сибири.

УДК 94(571.1)(063)
ББК 63.3(2)

© БУ ВО «Сургутский государственный университет», 2023

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Предисловие</i>	5
--------------------------	---

Раздел I

Сибирь с древнейших времен до начала XX века

<i>Задорожная О. А.</i> Обслуживание земских трактов на Обском Севере (XVIII – первая половина XIX вв.)	7
<i>Имасова К. Ю.</i> Бумажная фабрика и «вольная» типография тобольского купца В. Я. Корнильева	10
<i>Кленче А. К.</i> Благотворительная деятельность томских предпринимателей в области школьного образования во второй половине XIX – начале XX вв.	12
<i>Просвиркина В. В.</i> Об участии Ф. В. Корниловой и Е. И. Мельниковой в предпринимательской деятельности в Западной Сибири (вторая половина XIX – начало XX веков)	15
<i>Бауман Д. А.</i> Политика властей по вопросу немецкой колонизации Западной Сибири в конце XIX – начале XX веков	17
<i>Ищенко О. В.</i> Организация досуга воспитанников учебных заведений Сибири в конце XIX – начале XX вв.	21
<i>Меркулова Л. В.</i> Деятельность купцов в начале XX в. на примере тюменской Торговой биржи	25
<i>Тихонова О. А.</i> Сельский предприниматель Е. И. Рязанцев на Обском Севере в конце XIX – начале XX вв.	28
<i>Виту В. Ф.</i> Основные направления предпринимательской деятельности тюменских купцов последней четверти XVIII – первой четверти XIX вв.	30

Раздел II

Сибирь в первой половине XX века

<i>Алексеева Л. В.</i> Этапы ссылки на Север Западной Сибири и численность репрессированных крестьян (результаты исследования)	35
<i>Билль М. В.</i> Место Государственного арбитража Уральской области в системе органов государственной власти СССР	39
<i>Ермолаев А. В.</i> История становления спорта в Сургуте и Сургутском районе в 1918–1939 гг.	43
<i>Шилова К. Н.</i> Сургутский Сабантуй	47

Раздел III Сибирь во второй половине XX века

Гололобов Е. И. Развитие лесопромышленного комплекса ХМАО-Югры В 1950–1980-е гг.: достижения и проблемы	51
Прищепа А. И. Сотрудничество Беларуси и Ханты-Мансийского автономного округа – Югры в 1999–2022 гг.	54
Живаева А. А. Обеспеченность города Сургута спортивными сооружениями в период его нефтяного освоения	59
Чижик К. В. Пропаганда пенсионного законодательства в деятельности исполкома Совета депутатов трудящихся Ханты-Мансийского округа в 1964–1985 гг.	62
Магарамов А. А. Отражение истории развития системы продовольственной торговли в периодической печати и воспоминаниях современников (1965–1988 гг.)	65

Раздел IV Современные проблемы изучения российской и региональной истории

Магель А. А. Концептуальные основы «истории детства» и перспективы их применения в научно-исследовательской работе	69
Заикин Д. С. Визуальные образы в формировании региональной идентичности в Югре в постсоветский период	71
Сердюков Д. В. К вопросу о формировании договорного механизма межрегиональных отношений между Тюменской областью, Ханты-Мансийским автономным округом – Югрой и Ямало-Ненецким автономным округом	74
Вайветкина А. М. Совершенствование телеэфира «СургутИнформТВ»	78
Мартынов М. Ю. Социально-экономическая ситуация и государственная политика в Ханты-Мансийском автономном округе в начале 1990-х гг.	81
Веселов С. И. Условия создания и становления историко-культурного центра «Старый Сургут»: к проблеме сохранения исторической застройки (конец 1960-х – начало 2000-х гг.)	85
Ляхов М. И. Этнический аспект социально-политических преобразований: кейс Сургута. 1985–1995 гг.	90
Боровинская Д. Н., Медведев В. В., Пяткова С. Г. Управление этнокультурными проектами и геобрендинг как новое направление подготовки кадров для региона	93

ПРЕДИСЛОВИЕ

В сборник статей научно-практической конференции, посвященной памяти историка, краеведа, автора книг о Сургуте и Сургутском районе, Почетного гражданина города Сургута И. П. Захарова, включены результаты исследований ученых Тюмени, Сургута, Нижневартовска по широкому кругу неизвестных и малоизученных вопросов истории Югры и Западной Сибири в XVI–XXI вв.

Основу сборника составляют четыре тематических раздела. Исследования в разделе «Сибирь с древнейших времен до начала XX века» связаны с историей развития в этот период предпринимательства в Тобольской и Томской губерниях, государственной политики в отношении немецкой колонизации Западной Сибири. Статья кандидата исторических наук доцента СурГУ О. А. Задорожной – о природно-климатических, ландшафтных и экономических ограничениях транспортного освоения Тобольского Севера, о земских трактах Обского Севера и о том, что сосуществование сухопутного и водного путей сообщения способствовало вовлечению различных слоев в промысел ямской гоньбы. Доктор исторических наук профессор О. В. Ищенко посвятила свою статью организации досуга воспитанников учебных заведений Сибири в конце XIX – начале XX вв. и изучению противоречий в политике правительства империи и родительской общественности в вопросах воспитания учащихся гимназий, которые способствовали росту протестных отношений. Роль предпринимательского сословия (в основном тюменского и тобольского купечества) в социально-экономическом развитии Западной Сибири отражена в фундированных работах К. Ю. Имасовой, В. Ф. Виту, О. А. Тихоновой, Л. В. Меркуловой. Отдельно стоит отметить обобщающий характер исследовательских работ о благотворительной деятельности томских купцов, а также об участии женщин в деловой жизни Западной Сибири (А. К. Клепче, В. В. Просвиркина).

В разделе «Сибирь в первой половине XX века» публикуется историографическое исследование нижевартовского историка профессора Л. В. Алексеевой о ссылке и условиях жизни на Севере Уральской области репрессированных и предпринимается попытка уточнить их общее количество на территории Югры и Ямала по состоянию на 1933 г. В статье К. Н. Шиловой, научного сотрудника Сургутского краеведческого музея, представлено описание празднование Сабантуя как элемента праздничной культуры, который несет в себе не только развлекательно-досуговое содержание, но и является проявлением преемственности национальных традиций, имеет глубокие исторические корни, отраженные в нарративных источниках и исторической памяти сургутян. Здесь же обстоятельно проанализированы проблемы государственного арбитража (М. В. Билль) и развитие физической культуры и спорта в Сургуте и Сургутском районе в 1920–1930-е гг. (А. В. Ермолаев).

Раздел «Сибирь во второй половине XX века» начинается статьей доктора исторических наук профессора СурГПУ Е. И. Гололобова об истории лесопромышленного освоения Тюменского Севера во второй половине XX в. – от лесозаготовок, основанных на ручном труде сезонных рабочих, до создания лесопромышленного комплекса индустриального типа с активным использованием техники, механизмов и производственных линий. В ней отражены также проблемы истощения Ивдель-Обского лесозооэкономического района из-за лесных пожаров, естественного заболачивания, негативного влияния на территорию способов освоения нефтегазовых месторождений.

Истории российско-белорусских отношений на примере регионального сотрудничества Республики Беларусь и ХМАО-Югры, гармонизации экономических связей в области энергетики и научно-технической сфере, социальных и культурных связей в образовании и здравоохранении, а также работе с молодежью посвящена статья доктора исторических наук заслуженного деятеля науки Югры А. И. Прищепы.

Расширяет понимание социальной проблематики развития Югры в период нефтегазового освоения статья аспиранта кафедры истории России СурГУ преподавателя К. В. Чижик о региональных органах пенсионного обеспечения; магистрантов А. А. Живаевой – о формировании

сети спортивных сооружений Сургута, и А. А. Магарамова – о развитии системы продовольственной торговли Сургута по материалам в периодической печати и воспоминаниям.

В разделе «Современные проблемы изучения российской и региональной истории» публикуются статьи о политической и социально-экономической ситуации в ХМАО-Югре, а также ее культурном и этнокультурном развитии. Политические перипетии переговорного процесса и этапы формирования договорного механизма между ХМАО-Югрой, Ямалом и Тюменской областью по перераспределению государственных полномочий и поиску сбалансированной конструкции взаимоотношений в рамках сложнопостроенного региона – «тюменской матрешки» – описаны кандидатом исторических наук доцентом СурГУ Д. В. Сердюковым. Глубокий анализ результатов экономических и политических реформ в стране в начале 1990-х гг., из-за негативного влияния которых сократилась в эти годы численность занятого населения в ХМАО, дан в статье доктора политических наук профессора СурГУ М. Ю. Мартынова. Кандидат исторических наук старший преподаватель СурГУ С. И. Веселов проанализировал противоречия при реализации концепции сохранения традиционной культуры и мемориализации исторической застройки Сургута с учетом индустриального подхода руководства города и строительных трестов, ориентированного на выполнение задачи обеспечения горожан благоустроенным жильем в многоэтажной панельной застройке. Новаторскими являются исследования аспирантов и магистрантов кафедры истории России СурГУ, связанные с «историей детства» и детской повседневности (А. А. Магель), региональной идентичности (Д. С. Заикина), которые вызывают большой интерес среди зарубежных и отечественных историков, педагогов и культурологов в рамках междисциплинарных исследований. Этническому аспекту развития г. Сургута посвящена статья аспиранта СурГПУ М. И. Ляхова, где представлен историко-демографический анализ миграции, её причин в период «перестройки» и становления новой российской государственности. Отмечается целесообразность использования потенциала межнационального диалога культур на примере крупного северного города для реализации социально-экономических и культурных проектов в Югре. Взаимодополняющими процессами являются вопросы этнокультурного проектирования и этнокультурного образования в округе (Д. Н. Боровинская, В. В. Медведев, С. Г. Пяткова), связанные с использованием имиджевых и культурологических возможностей геобрендинга и потенциала этнокультурного проектирования в системной работе по подготовке кадров региона в целом.

Авторами представлены самостоятельные исследования и оригинальные статьи с учетом современных методологических подходов в области их научных интересов. Сборник статей «Российское могущество прирастать будет Сибирью...» адресован научным сотрудникам, преподавателям, аспирантам, магистрантам, студентам, работникам архивных, музейных учреждений и может быть рекомендован в качестве дополнительного учебного материала при подготовке лекционных и практических занятий по отечественной истории и краеведению.

Завершившаяся очередная Всероссийская научно-практическая конференция «Россия будет прирастать Сибирью» показала, что в изучении истории Северо-Западной Сибири продолжают сохраняться многочисленные «белые пятна» и спорные сюжеты. Это требует дальнейшего объединения усилий всего сообщества ученых-историков, этнографов, антропологов и археологов в деле воссоздания объективной картины прошлого нашего региона. Выражаем надежду, что в нынешнем году наша совместная работа в данном направлении продолжится в новых интересных проектах, исследованиях, конференциях и форумах. Мы всегда открыты для сотрудничества!

Редакционная коллегия

Раздел I СИБИРЬ С ДРЕВНЕЙШИХ ВРЕМЕН ДО НАЧАЛА XX ВЕКА

УДК 94(57)

Задорожная О. А.
Zadorozhnaya O. A.

ОБСЛУЖИВАНИЕ ЗЕМСКИХ ТРАКТОВ НА ОБСКОМ СЕВЕРЕ (XVIII – ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА XIX ВВ.)

THE MAINTENANCE OF ZEMSTVO TRACTS IN THE OB NORTH (XVIII – THE FIRST HALF OF THE XIX CENTURY.)

Развитие удаленных от центра регионов во многом зависело от состояния путей сообщения, способах перевозки грузов, передвижения людей. Политика Российского государства была направлена на включение всех территорий во всероссийский рынок и единую транспортную систему. Однако особенности социального состава на Севере Сибирской (Тобольской) губернии привели к тому, что государство «создало» слой профессиональных перевозчиков – ямщиков, которые и обслуживали возникающие тракты.

The development of regions remote from the center largely depended on the state of communication routes, methods of cargo transportation, and people's movement. The policy of the Russian state was aimed at including all territories in the All-Russian market and a single transport system. However, the peculiarities of the social composition in the north of the Siberian (Tobolsk) province led to the fact that the state «created» a layer of professional carriers – coachmen, who serviced the emerging tracts.

Ключевые слова: путь, ямщик, гоньба, Обский Север, ям, Демьянское село, Самаровское село, речные пути

Keywords: path, yamschik, gonba, ob north, yam, demyanskoeye selo, samarovskoye selo, river ways

Пути продвижения за Урал были известны со времен Древней Руси, когда новгородские торговцы, а затем русские переселенцы стремились закрепиться на новых территориях. Известный картограф С. У. Ремезов нанес на свои карты основные и региональные дороги продвижения русской колонизации начало XVIII в. Можно отметить, что направление большинства этих путей определялось движением торговых караванов, обозов переселенцев, беглых крестьян и т. д. Вначале в Сибирь шло три дороги – Ирбитская, Екатеринбургская и Шадринская, на которых появились узловые транспортные центры, откуда выходили региональные маршруты. Отметим, что Российское государство стремилось «закрыть» эти территории от проникновения иностранцев, что привело к более позднему их освоению. Но иностранцы (А. А. Виниус, Ф. И. Страленберг) стремились познакомиться с имеющимися картами Сибири разными путями.

Хотя единой программы транспортных путей в Российской империи не существовало, но здесь осуществлялась существующая модель административных центров разного значения: «столица – губернский город», «центр уезда – торговые пункты или пункты сбора ясака». Но в условиях сословной регламентации государство не могло заставить местное население нести на себе повинность по перевозкам, поэтому стали оформляться группы региональных ямщиков – профессиональных перевозчиков. Наказом «О сборе в сибирских и поморских

городах с товаров таможенных пошлин» была создана система регулярных ямских перевозок между крупными населенными пунктами, что положило начало государственным трактам [1]. Так как ямщики были свободными людьми, осуществление казенных перевозок грузов, представителей исполнительной власти, а также частных лиц становилось их официальным занятием и источником доходов.

По аналогии с центром России в Сибири, появились официально почтовые и земские тракты, направления движения по которым совпадало. Именно это определяло движение ямщиков Обского Севера: Тобольск – Березов, Тобольск – Самарово, Тобольск – Сургут, Тобольск – Обдорск. Ямская гоньба по этим маршрутам делилась на несколько этапов, обслуживанием которых занимались тобольские, уватские, демьянские и самаровские ямщики.

С XVII в. ямщики из Демьянского и Самаровского ямов могли проживать вдоль трактов или на некотором удалении от них [2, л. 3]. В основном ямщиками северных территорий Сибирской (Тобольской) губернии были выходцы из Вологды, Великого Устюга, Яренска, Соли Вычегодской, Чердыни, Ярославля, Перми и Соли Камской, а также промысловики из Поморья. Так как расстояние между ямами было больше указанного в нормативно-правовых актах, поэтому при необходимости привлекались ямщики из Тобольска. Хотя местные власти пытались привлечь к исполнению повинности по перевозке коренное население, но это отразилось на сокращении ясака. Также на каждом тракте были как обязательные остановки – Тобольск, деревня Винокурово, Демьянск, Самарово, Березово, Обдорск и Сургут, так и остановки по необходимости, например, почтовые станции. Но чтобы добраться до конечных населенных пунктов Березова, Сургута и Обдорска, нужно было проехать через деревню Винокурово, села Демьянское и Самаровское. Нередко путник выезжал с ямщиком из начального пункта, а дальше пересаживался к другому перевозчику, или ямщик просто менял лошадей на станциях.

Соответственно ямы Обского Севера располагались на путях сообщения, и через них проходили все маршруты. Село Демьянское располагалось на восточном берегу реки Демьянки, и здесь же была организована ямская слобода. На 1737 г. за указанным ямом числилось 1 459 д. м. п., в 1744 г. – 1 472 человека, а к 1750-м гг. к Демьянскому яму было причислено еще 17 деревень. Численность перевозчиков менялась в зависимости от интенсивности движения по земским трактам, а также проблем в других регионах Сибири. Так, из 500 первых демьянских ямщиков часть была приписана к Тобольскому яму, а часть переведена временно в другие населенные пункты. Но когда появилась необходимость в ямщиках по маршруту Демьянское село – Тобольск, в деревни Денщикова, Субботина и Першина переселилось 68 тобольских ямщиков [8, л. 246 об. 247]. В целом, демьянские ямщики проживали по маршруту Демьянка – Тобольск и Демьянка – Самарово в пределах удаления от места жительства с учетом норм местных сухопутных дорог [3, с. 268–269]. Вторая ямская слобода Обского Севера расположена на восточном берегу у подножья невысоких гор с XVII в., где разместились переселенцы, привлеченные специально для выполнения ямской и подводной повинности по перевозке грузов и людей. В первой половине XVIII в. 80 % ямщиков проживало в самой слободе, а остальные – в деревнях вдоль трактов до Березова, Сургута, Демьянского яма [9, с. 89]. Например, между селами Самаровским и Демьянским самаровские ямщики проживали в 13 деревнях. Более удобное местоположение Самаровского яма обеспечивало ему административные преимущества, поэтому Самарово становилось центром уезда, который включал русские поселения, инородческие волости, Демьянский ям со своим дистриктом [3, с. 264].

Положение самаровских и демьянских ямщиков практически не отличалось. Ямская слобода делилась на выти (паи), каждая из которых сначала получала по 20 рублей в год, помимо этого продовольствие (10 четвертей ржи и 10 четвертей овса). Размеры жалования и продовольственного обеспечения напрямую зависели от доли участия в перевозках. Каждая выть должна была располагать тремя лошадьми, подводой, санями, сбруей для лошадей и оленей и лодкой. После совмещения земской и почтовой гоньбы ямщицкая выть приносила годового жалования 25 рублей, а также вводилась дополнительная оплата каждой подводы [4, с. 336]. Но местные власти не располагали наличием средств, поэтому ямщики могли рассчиты-

вать на выплату погонных в зависимости от расстояний, а подводы по подорожным в некоторых случаях предоставлялись бесплатно. Например, самаровские ямщики получали прогонных денег по 2 копейки за версту, но со временем оплата за использование почтовых или ямских подвод частными лицам увеличивалась вдвое [5, с. 491]. Для выполнения почтовой гоньбы ямщики могли удаляться от места жительства с лошадьми и ямскими принадлежностями до двух верст, но это условие на Обском Севере практически не соблюдалось из-за небольшого числа ямщиков. В XVIII в. неоднократно принимались правила, регулирующие какие-либо аспекты организации и осуществления ямской гоньбы: нельзя было быстро ездить по грунтовыми дорогам и т. д. Ямская гоньба на Обском Севере была довольно сложным занятием, но это освобождало ямщиков от уплаты подушной подати и ряда повинностей [5, с. 77].

Спецификой организации перевозок на Обском Севере было то, что большинство движения в летний период осуществлялось по рекам, которые занимали 68 % территории Тобольской губернии. Гужевые перевозки на Обском Севере осуществлялись разными способами: «на вольных лошадях», с ямщиками на договорной цене, на почтовых лошадях по подорожному документу, по соглашению с обществами и т. д. Особенностью путей сообщения было то, что проселочные дороги использовались для перегона оленей, поэтому они проходили в равнинной местности. Перевозчики, как правило, совмещали движение по реке и по сухому тракту в летний период, по льду или по берегу – в зимний период.

С учетом того, что с 1752-х гг. ямщики совмещали почтовую и земскую гоньбу за дополнительную плату, их численность должна была увеличиться. Поэтому размер выти увеличилась до 28 человек [6, с. 74–75]. В начале XIX в. в Тобольской губернии проживало 13 499 ямщиков, в том числе в Демьянском и Самаровском ямах. Этого числа ямщиков было недостаточно для осуществления всех обязанностей по гоньбе, поэтому выполнять функции почтовосодержателей (заключивших договор на обслуживание почтовой станции) могли, например, купцы на собственных и арендованных судах. Помимо почтовой корреспонденции купцы доставляли продовольствие для северо-западных уездов Сибири по договорам с местными обществами, властями или рыбопромышленниками. Между населенными пунктами Обского Севера перевозками по-прежнему занимались как ямщики, так и перевозчики из местного населения по временному соглашению. Помимо почты ямщикам поручалось другие задачи, например, подготовка засек для устройства зимнего пути. Правительство неоднократно пыталось сохранить монополию по перевозкам за ямщиками, например, было принято решение об увольнении государственных крестьян и разночинцев от исполнения ямской и почтовой гоньбы [7, с. 406].

Таким образом, оформление и эксплуатация сухопутных и речных путей сообщения путей на Обском Севере имела особенности как природно-климатические и ландшафтные, так и экономические. С XVIII в. были четко выделены функции перевозчиков, их категории, способы и возможные варианты движения. Но все это определялась нормативно-правовыми положениями общегосударственных и региональных актов. Сосуществование водного и сухопутного способов передвижения способствовало вовлечению разных слоев населения в этот промысел и втягивало население Обского Севера в товарно-денежные отношения. Со второй половины XVIII в. в Демьянской и Самаровской слободах проживали не только ямщики, но и государственные крестьяне, ремесленники, торговцы. Помимо этого, ямщики стали совмещать свой промысел с другими сферами деятельности – рыболовством, охотой, сельским хозяйством, ремеслом.

Литература

1. Гурлянд И. Я. Ямская гоньба в Московском государстве до конца XVII в. Ярославль : Тип. губернского правления, 1900. 346 с.
2. Записка о ямщиках в Сибири состояниях // ОР РГБ. Ф. 20. Картон 1. Д. 20.
3. История Сибири: первоисточники. Новосибирск : Сибирский хронограф, 1996. Вып. VI. 312 с.

4. Краткий исторический очерк развития водных и сухопутных сообщений и торговых, портов в России. СПб. : Тип. МПС. 1900. 372 с.
5. Полное собрание законов Российской империи (далее – ПСЗРИ). СПб. : Тип. II отделения, 1830. Т. 5. 780 с.
6. ПСЗРИ. СПб. : Тип. II отделения, 1830. Т. 13. 957 с.
7. ПСЗРИ. СПб. : Тип. II отделения, 1830. Т.14. 863 с.
8. Российский государственный архив древних актов. Ф. 24. Оп. 5. Д. 35.
9. Словцов П. А. Историческое обозрение Сибири. М. : Вече, 2006. 524 с.

УДК 334.716:655.1(091)(571.12)

Имасова К. Ю.
Imasova C. U.

БУМАЖНАЯ ФАБРИКА И «ВОЛЬНАЯ» ТИПОГРАФИЯ ТОБОЛЬСКОГО КУПЦА В. Я. КОРНИЛЬЕВА

THE PAPER FACTORY AND THE “FREE” PRINTING HOUSE OF TOBOLSK MERCHANT V. Ya. KORNILYEV

Особенности развития крупных предприятий и их промежуточное положение между мануфактурой и фабрикой на примере крупного предприятия Тобольской губернии – бумажной фабрики, а также краткая история появления первой типографии Василия Корнильева и его сына Дмитрия, с появлением которой в Сибири начинается книгопечатание.

Features of the development of large enterprises and their intermediate position between a manufactory and a factory on the example of a large enterprise of the Tobolsk province – a paper mill, as well as a brief history of the appearance of the first printing house of Vasily Kornilev and his son Dmitry, with the appearance of which book printing begins in Siberia.

Ключевые слова: купцы, бумажная фабрика, типография, династия
Keywords: merchants, paper mill, printing house, dynasty

В сфере промышленного производства Тобольской губернии последней четверти XVIII – начала XIX вв. основными собственниками капитала выступали представители гильдейского купечества, которое стало распределять денежные средства между различными отраслями, включая промышленность. Крупные промышленные предприятия Тобольской губернии в конце XVIII в. фактически занимали промежуточное положение между мануфактурой и фабричным производством, поскольку при использовании труда на промышленных предприятиях вольнонаемных рабочих еще сохранялась тенденция к привлечению на работы приписных крестьян. Последняя группа, как правило, «отрабатывала на предприятиях подушную подать: занимаясь заготовкой сырья, топлива, осуществляя перевозку продукции, восстанавливая предприятие после пожаров и т. д.» [3, с. 25].

К подобным предприятиям можно отнести бумажную фабрику тобольских купцов Корнильевых – потомственной династии предпринимателей, сыгравших важную роль в экономическом развитии Тобольской губернии и в Западной Сибири в целом. Получив в 1792 г. от своего старшего брата стекольно-хрустальную фабрику, Василий Яковлевич Корнильев полностью выкупил у родственников жены бумажную фабрику и открыл еще несколько мелко-кустарных заведений по переработке сельскохозяйственного сырья. В целом производство приносило стабильный доход, но первоначально требовало постоянных капиталовложе-

ний. Главным покупателем готовой бумажной продукции стали исполнительные органы власти разных уровней Тобольского наместничества, а 2–3 стопы бумаги поставлялись частным и юридическим лицам в городах Сибири – Тюмени, Ялуторовске, Ишиме, Каинске, Таре, Сургуте и на Ирбитской ярмарке. [2, с. 4].

В 1780-х гг., еще будучи совладельцем предприятия, Василий Яковлевич стал расширять промышленное производство бумаги, а став полноправным собственником, сумел расширить производство и разнообразить товар. Благодаря указу от 15 января 1783 г. в России, а затем и в Сибири были разрешены частные типографии [7, с. 9]. Воспользовавшись разрешением, владелец бумажной фабрики Корнильев в 1789 г. организовал типографию «своим капиталом, на которой желает производить на случай печатание книг на российском диалекте гражданскими литерами, просил повелеть подносимую при оном объявлении переведенную с французского языка...» [1, с. 3]. Это была первая и долгое время единственная частная типография в Сибири, купец Корнильев с сыном Дмитрием стали основателями частного книгопечатания в Сибири, а бумажная фабрика Корнильева поставляла в типографию бумагу [2, с. 5].

Сначала типография располагалась при стекольной фабрике в селе Аремзянском, а затем была переведена в отдельный «собственный деревянный дом». Для работы на предприятии привлекались не только вольнонаемные рабочие, но и мастера из приписных крестьян из других предприятий Корнильевых. Типография первое время использовала только русский шрифт, поэтому «иностранные слова в печатающихся книгах набирались русскими буквами, но позднее появились иностранные шрифты» [3, с. 25].

С момента открытия типографии в Тобольске стал издаваться «с дозволения Управы Благочиния» журнал «Иртыш, впадающий в Иппокрену» по заказу Тобольского главного народного училища на средства Приказа Общественного Призрения [3, с. 25]. Следует отметить, что журнал также был первым периодическим изданием за Уралом. Он выходил с сентября 1789 г. ежемесячно в форме небольших книжек объемом от 3–8 долей печатного листа. До 1791 г. было напечатано 24 выпуска. Подписная цена за годовой экземпляр в 12 выпусков составляла 3 руб., а подписку можно было оформить у комендантов, городничих, капитанов-исправников [7, с. 10].

Сотрудниками журнала прежде всего стали учителя народного училища и «любители наук», например, Н. Смирнов – бывшей крепостной крестьянин Голицыных. Смирнов хорошо владел иностранными языками, поэтому делал переводы для изданий в Тобольске, и в журнале «Иртыш, впадающий в Иппокрену» было опубликовано несколько его авторских стихотворений. Сын Василия Яковлевича – Дмитрий, также увлекся написанием статей по сибирской тематике. В своих работах о Сибири младший Корнильев опирался на собственные наблюдения местной природы, экономической жизни края, а также описывал этнографические наблюдения.

Одновременно с изданием «Иртыша» в 1790 г. с тем же авторским коллективом учителей Тобольского Главного Народного училища стал издаваться «Журнал исторический, выбранный из разных книг» в двух частях и объемом по 13 листов в каждой книге [5, с. 13–14]. Особое место среди издательской продукции типографии купцов Корнильевых занимали «Библиотека ученая, экономическая, нравоучительная историческая и увеселительная в пользу и удовольствие всякого звания читателей» (1793 г., тиражом в 12 книг) и «Исторический журнал, или Собрание из разных книг любопытных известий, увеселительных повестей и анекдотов» (1790, тиражом в 2 книги). Журнал «Библиотека ученая, экономическая, нравоучительная...» издавался в течение 1793–1794 гг. под руководством П. П. Сумарокова также на средства Тобольского Приказа Общественного Призрения. Всего вышло 12 частей по 8 листов каждая, подписка за на 12 частей этого журнала была определена в 10 руб. для жителей Тобольска и по 15 руб. – с рассылкой для других городов [7, с. 9].

Со смертью в 1795 г. основателя В. Я. Корнильева типография перешла по наследству к сыновьям Дмитрию и Якову. Но через год в связи с Указом, упраздняющим все «вольные» типографии, закончила свое существование и первая частная типография в Сибири. Это промышленное предприятие проработало более 7 лет, издав больше, чем любая другая типогра-

фия конца XVIII в. [7, с. 12]. В 1804 г. сыновья В. Я. Корнильева попытались возобновить деятельность типографии, но оказалось, что они сами себя лишили бумаги для работы, поскольку в 1802 г. право владения бумажной фабрикой было передано тобольскому купцу 2-й гильдии Алексею Григорьевичу Дьяконову за 20 тыс. руб. «медною монетою» со всем движимым и недвижимым имением и крестьянами [6, с. 13].

Таким образом, благодаря правильно спланированному производству династия Корнильевых смогла скоординировать работу разных предприятий: стекольной фабрики, бумажной фабрики, типографии. Василий Яковлевич Корнильев был удачнее своих братьев в торгово-промышленном предпринимательстве. Обладая немалым капиталом, основание которого прежде всего было связано с продолжением дела своих родственников, Василий Яковлевич достиг наибольшего успеха из первого поколения рода Корнильевых.

Литература

1. Государственное бюджетное учреждение Тюменской области «Государственный архив в Тобольске» (далее – ГБУТО ГА в г. Тобольске). Ф. 341. Оп. 1. Д.70. Л. 3–3 об.
2. ГБУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 341. Оп. 1. Д. 87. Л. 4–12 об.
3. Имасова К. Ю. Промышленные предприятия тобольских купцов Корнильевых: бумажная фабрика и типография // XX Зырянские чтения : материалы Всерос. науч.-практич. конф. Курган, 1–2 декабря 2022 г. Курган : Изд-во Курган. гос. ун-та, 2022. С. 25–26.
4. Тобольские губернские ведомости 1889. № 43. С. 11–12.
5. Тобольские губернские ведомости 1889. № 45 С. 13–14.
6. Тобольские губернские ведомости 1889. № 49. С.12–15.
7. Тобольские губернские ведомости 1889. № 50. С. 9–10.

УДК 323.328: 364.467

Клепче А. К.

Klepche A. K.

БЛАГОТВОРИТЕЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ТОМСКИХ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЕЙ В ОБЛАСТИ ШКОЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВВ.

CHARITABLE ACTIVITY OF TOMSK ENTREPRENEURS IN THE FIELD OF SCHOOL EDUCATION IN THE SECOND HALF OF THE XIX – EARLY XX CENTURIES

В статье приводится информация о благотворительной деятельности представителей делового мира Томска в области школьного образования города. Приведены примеры вклада томского предпринимательства в учреждение новых учебных заведений, создание благотворительных обществ, обеспечение учеников и учителей, а также влияния купечества на развитие системы школьного образования и направлениях их участия в этом процессе.

This article provides information about the charitable activities of representatives of the business world of Tomsk in the field of school education of the city. Examples of the contribution of Tomsk entrepreneurship to the establishment of new educational institutions, the creation of charitable societies, the provision of students and teachers are given, and a conclusion is made about the influence of merchants on the development of the school education system and the directions of their participation in this process.

Ключевые слова: Сибирь, образование, предприниматели, благотворительность, П. И. Макушин, Общество попечения о начальном образовании в Томске, династия, Королёвы, Асташевы, Цибульские

Keywords: Siberia, education, entrepreneurs, charity, P.I. Makushin, Society for the Care of Primary Education in Tomsk, dynasty, Korolevs, Astashevs, Tsybulskys

В период со второй половины XIX и до начала XX вв. томское купечество было одним из самых малочисленных сословий города, вместе с почетными гражданами составляя менее 4 % от общего количества населения [6, с. 9]. По данным В. П. Бойко, к этому сословию к 1897 г. принадлежало всего 1,31 % городского населения [3, с. 31]. К 1915 г., по данным Памятной книжки Томской губернии, число купцов сократилось и составляло 0,88 % от городского населения губернии [11, с. 281].

Несмотря на свою крайнюю немногочисленность, представители томского предпринимательства сыграли значительную, а во многом и определяющую роль в социокультурной жизни Томска и томичей второй половины XIX – начала XX вв. Активную благотворительную деятельность вели как купеческие общества и династии, так и отдельные инициативные предприниматели.

Важным направлением благотворительной деятельности томского купечества в указанный период становится система образования. Подобная «специализация» объясняется несколькими причинами – осознанием предпринимателями важности сферы образования [13, с. 105] и местный патриотизм [5, с. 400]. Купцы были представлены в попечительских советах почти всех учебных и благотворительных учреждений Томска [7, с. 297].

Неоценимый вклад в развитие начального образования в г. Томске внес один из известнейших просветителей и предпринимателей города – Петр Иванович Макушин. В 1882 г. он основывал «Общество попечения о начальном образовании в Томске», ставившее перед собой целью всевозможное материальное и финансовое содействие как целым учебным заведениям, так и обучающимся и обучающим. Важной инициативой стало содействие в поступлении выпускников в средние учебные учреждения [2, с. 39].

В 1883 г. Обществом была открыта первая школа для девочек в Елани [8, с. 5]. В 1884 г. 2 сентября – новое училище для мальчиков в Солдатской слободе [9, с. 2], а на содержание Еланского и Слободского училищ было израсходовано 1 тыс. 136 руб. [9, с. 3]. В 1885 г. также открывается школа в Мухино-Бугорске, в 1886 г. – в Заисточье [13, с. 106], в 1901 г. – Ярлыковская и Белозерская школы [10, с. 3]. Таким образом, за 18 лет – с 1883 по 1901 гг., Обществом было открыто 6 школ.

Помимо этого, уже через год после создания, в 1883 г. «Общество» взяло под свою опеку 2 сверхштатных учительниц, а также обеспечило открытое ими же женское училище в Елани высококачественной мебелью и учебными пособиями. Началась и практика оплаты обучения для нуждающихся учеников и не только начальных училищ, но также и в заведениях средней ступени образования [11, с. 133]. Зимой «Общество попечения» снабжало учащихся теплой одеждой [8, с. 6]. В последующие годы увеличивалось количество опекаемых учеников и учительниц, а также появилась традиция по устройству в зимнее время бесплатных народных чтений, собирающих беспрецедентное количество заинтересованных жителей города.

Купеческой династией, известной в том числе и благодаря своей благотворительностью, были Королёвы. Особенно выделялись братья Всеволод и Евграф Ивановичи, основавшие в 1874 г. приют, названный Приютом братьев Королёвых и изначально рассчитанный на 25 мальчиков. В 1877 г. на нужды приюта Евграф Иванович жертвует каменный 3-этажный дом с флигелем и земельный участок, общая стоимость которых достигала 50 тыс. руб. [1, с. 104]. С момента появления идеи создания приюта в 1872 г. и вплоть до 1894 г. братьями Королёвыми на нужды приюта была пожертвовано свыше 90 тыс. руб. [4, с. 249].

В приюте мальчики обучались только грамоте по программе приходского училища. До открытия ремесленного училища, учреждению которого братья активно способствовали,

воспитанники возвращались в родительский дом. С 1883 г. началась реализация практики продолжения обучения воспитанников приюта в открытом училище с целью дальнейшего обучения ремеслам.

Большой вклад томское предпринимательство внесло в открытие и дальнейшую деятельность Мариинского детского приюта, основанного в 1844 г. в Томске. В приюте детям преподавалось письмо и чтение, арифметика и грамматика, Закон Божий, церковное пение и рукоделие. Важными фигурами в истории приюта были Александра Павловна и Иван Дмитриевич Асташевы.

Избранная в 1844 г. попечительницей приюта, А. П. Асташева обеспечивала его помещением, а также мебелью, одеждой и учебными пособиями на 30 учеников. Александра Павловна занималась содержанием приюта вплоть до своей смерти в 1853 г. [2, с. 4]. Капитал приюта за это время остался нетронутым и даже увеличился. Благодаря ей количество детей, принимаемых на обучение в приют, увеличилось с 22 до 100 человек.

Став попечителем приюта после смерти своей жены, И. В. Асташев, занимаясь делами приюта до 1869 г., пожертвовал для его нужд каменный 2-этажный дом с землей, стоимостью 25 тыс. руб. [1, с. 99]. Зимой Иван Дмитриевич на свои средства снабжал воспитанников теплой одеждой [2, с. 4].

С 1874 г. содержание приюта перешло к Захарию Михайловичу и Феодосье Михайловне Цибульским. При них приют становится женским, а программа обучения расширяется до размеров курса сельских учительниц, для воспитанниц введены поочередные занятия хозяйством приюта. С 1874 по 1888 гг. профессию сельской учительницы получили 40 воспитанниц [1, с. 100]. Всего Цибульскими было пожертвовано 143 тыс. руб. [2, с. 5].

Образовательная деятельность также осуществлялась и во Владимирском приюте для детей арестантов. В 1869 г. на средства купцов С. П. Петрова и П. В. Михайлова для приюта был построен один из двух домов. Содержащиеся в нем дети обучались по такой же программе, как и в Мариинском детском приюте. Исключение составляли церковное пение, замененное на русский язык и географию, преподаваемые в объеме начального народного училища, и рукоделие, вместо которого воспитанниками осваивалось сапожное мастерство. Особенно выделяющимся своими способностями по выходу из приюта выдавались денежные средства для продолжения обучения в других заведениях.

С 1883 по 1889 гг. из приюта было выпущено 149 человек, из которых 10 сапожники, 3 приказчиков и 4 сельские учительницы, то есть профессию получило 11 % воспитанников [1, с. 103]. Большая часть детей по окончании обучения отправлялась обратно к родителям. За этот период курсы в приходских училищах окончили 13 человек, в уездном – 5, и 5 классов женской гимназии – еще 4 [1, с. 102], что означает, что среднее образование получило 26 %.

Исходя из вышесказанного, можно сделать вывод, что благотворительная деятельность в сфере образования среди представителей делового мира Томска имела несколько направлений: собственно непосредственное попечительство купцов над приютом, пожертвование ими определенных сумм и/или недвижимости и земли, открытие обществ.

Общества, в свою очередь, занимались содержанием приютов и их воспитанников. Особенностью в их деятельности стало открытие новых школ на территории Томской губернии. И общества, и купцы также содействовали выпускникам в поступлении уже в средние и профессиональные учебные заведения. Подобная практика имела место в разном виде в Приюте братьев Королевых и во Владимирском приюте для детей арестантов.

Литература

1. Адрианов А. В. Город Томск в прошлом и настоящем. Томск : Тип. Михайлова и Макушина, 1890. 491 с.
2. Благотворительные учреждения Томской губернии : очерк / составлен по распоряжению Томского губернатора чиновником особых поручений Томского общего губернского управления Соболевым. Томск : Губерн. тип., 1895. 78 с.

3. Бойко В. П. Купечество Западной Сибири в конце XVIII–XIX в. Очерки социальной, отраслевой и ментальной истории. Томск : Изд-во Том. гос. архит.-строит. ун-та, 2009. 308 с.
4. Бойко В. П. Томское купечество в конце XVIII–XIX вв. Из истории формирования сибирской буржуазии. Томск : Водолей, 1996. 320 с.
5. Власов П. В. Благотворительность и милосердие в России. М. : Центрполиграф, 2001. 440 с.
6. Дмитриенко Н. М. Томские купцы : биограф. сл. (вторая половина XVIII – начало XX в.). Томск : Изд-во Томск. ун-та, 2014. 334 с.
7. Дробченко В. А. Участие томского купечества в общественной жизни города в начале XX в. // Сибирское купечество: истоки, деятельность, наследие : материалы третьей Всерос. науч. конф., Томск, 21–23 сентября 2018 года. Томск : Томск. гос. архитект.-строит. ун-т, 2019. С. 290–300.
8. Общество попечения о начальном образовании (г. Томск). Отчет совета Общества попечения о начальном образовании в г. Томске за 1883 год. Томск : Тип. Михайлова и Макушина, 1884. 79 с.
9. Общество попечения о начальном образовании (г. Томск). Отчет совета Общества попечения о начальном образовании в г. Томске за 1884 год: год третий. Томск : Типо-литография Михайлова и Макушина, 1885. 75 с.
10. Общество попечения о начальном образовании (г. Томск). Отчет совета Общества попечения о начальном образовании за 1901 год. Год XX. Томск : Тип. А. И. Дворецкой, 1902. 225 с.
11. Памятная книжка Томской губернии 1885 года / Томск. стат. комитет. Томск : Типо-литография Михайлова и Макушина, 1885. 401 с.
12. Памятная книжка Томской губернии на 1915 год / Томский губерн. стат. комитет. Томск : Тип. Губерн. управления, 1915. 281 с.
13. Соколова Л. Ю., Широкова М. П. О благотворительности в сфере начального и среднего профессионального образования в Томской губернии во второй половине XIX – начале XX веков // Вестн. ТГПУ. 2000. № 5. С. 104108.

УДК 89.290-03(2)19

Просвиркина В. В.
Prosvirkina V. V.

**ОБ УЧАСТИИ Ф. В. КОРНИЛОВОЙ И Е. И. МЕЛЬНИКОВОЙ
В ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В ЗАПАДНОЙ СИБИРИ
(ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XIX – НАЧАЛО XX ВЕКОВ)**

**ABOUT THE PARTICIPATION OF F. V. KORNILOVA AND E. I. MELNIKOVA
IN ENTREPRENEURIAL ACTIVITY IN WESTERN SIBERIA (THE SECOND HALF
OF THE XIX – EARLY XX CENTURIES)**

О предпринимательской деятельности женщин купеческого сословия в Тобольской губернии и Алтайском округе в создании устойчивой системы речного транспорта в Обь-Иртышском водном бассейне, управлении пароходными компаниями и развитием торговли.

About the entrepreneurial activity of women of the merchant class in the Tobolsk province and the Altai District in the creation of a stable river transport system in the Ob-Irtysh water basin, the management of steamship companies and the development of trade.

Ключевые слова: предпринимательство, женщины, Е. И. Мельникова, Ф. В. Корнилова, Тобольская губерния, Алтайский край

Keywords: entrepreneurship, women, E. I. Melnikova, F. V. Kornilova, Tobolsk province, Altai Territory

Актуальность «женской темы» в том, что она не нашла глубокой разработки, оставаясь «открытой» для специальных исследований и только начинает привлекать внимание исследователей. Рассматривая российскую литературу в области темы женского предпринимательства в конце XIX – начале XX вв., выделяют характерные для женщин-предпринимателей черты, например, в работах М. В. Мельникова и Н. Л. Сорокина и др., в которых описано участие женщин в развитии речного транспорта в Сибири.

Со второй половины XIX в. в России начался процесс изменения положения «прекрасного пола» в различных сферах общественной жизни. Социальные потрясения пореформенной эпохи вызвали разнообразные формы расширения прав женщин в вопросах образования, в том числе высшего и его доступности, выбора профессиональной деятельности. Правоведение коммерческой деятельности женщин обосновывалось в Российской империи законодательно. В начале XX в. уже сотни промышленных предприятий и торговых фирм принадлежали женщинам. Перенимая эстафету от мужчин своей семьи, они вставали у руля чугунолитейных, машиностроительных, химических, текстильных, водочных, мебельных, кирпичных заводов и фабрик [1, с. 60].

Во второй половине XIX – начале XX вв. главную роль в экономике Алтая стало играть сельское хозяйство. Территория стала житницей Сибири, поставляя на рынок зерно, сливочное масло, кожи, мед. Удельный вес женщин-купчих колебался в пределах 10–15 %. В Барнауле среди глав купеческих семей женщины составляли 26,7 % в 1867 г., 25 % – в 1873 г., 19 % – в 1885 г., 11,4 % – в 1913 г. [3, с. 48].

Женщины в городах Тобольской губернии наиболее активно занимались предпринимательской деятельностью в 1880–1910-е годы. За этот период 48,5 % деловых женщин получили торговые сертификаты. Непоправимый удар по малым и средним предприятиям под женским руководством был нанесен во время Первой мировой войны. Женщины не смогли перестроить свое производство на военные рельсы и получить государственные заказы. С 1915 по 1917 гг. только 2,7 % купчих присоединились к числу предпринимателей [5, с. 46].

Наиболее известной и богатой женщиной среди алтайских предпринимателей была Евдокия Ивановна Мельникова, мещанка родом из Вологодской губернии, а в Тобольской губернии – Феликитата Васильевна Корнилова. Обе они были купчихами согласно сословной принадлежности, устанавливаемой по мужу. Е. И. Мельникова, выйдя замуж за Виссариона Мельникова, стала купчихой 2-й гильдии. Ф. В. Корнилова после смерти мужа числилась купчихой 1-й гильдии. После смерти мужей они взяли дело в свои руки – Феликитата Васильевна возглавила торговый дом «И. Н. Корнилова наследники», а Евдокия Ивановна основала собственное пароходство для перевозки людей и товаров. Для Е. И. Мельниковой главной причиной создания было отсутствие легко-пассажирского движения в регионе, потребность в котором в Томской губернии беспокоила местные власти. Не имея возможности удовлетворить потребности в передвижении грузов имеющимися судами, пароходство Е. И. Мельниковой постепенно увеличила свою флотилию путем покупки и постройки новых пароходов, дав толчок развитию промышленности края и увеличив товарообмен [4, с. 483].

Торговый дом Корниловых модернизировал свои пароходы, много внимания уделяя пассажирским перевозкам и комфорту пассажиров. К 1892 г. у них было 9 собственных пароходов, а самым большим и мощным был пароход «Сибирь». Ф. В. Корнилова осуществляла большую часть речных перевозок Обь-Иртышского бассейна, имела крупные торговые базы в Тобольске, Тюмени. К 1905 г. торговый дом владел 10 пароходами мощностью 490 л. с. [2, с. 120]. Общим предпринимательницам помогали их дети. В 1893 г. Мельникова организовала в Барнауле пароходную компанию – первую Западной Сибири, управлял которой ее сын Алек-

сандр. Старший сын Корниловой, Иван Николаевич, помогал ему с бизнесом в области паромных перевозок и торговли [1, с. 62].

Обе предпринимательницы входили в товарищества для объединения личных усилий и имущества ради достижения хозяйственных целей. Так, в 1912 г. торговый дом вошел в «Западно-Сибирское товарищество паромства и торговли» и к 1916 г. имел в нём паев на 964 тыс. руб. из 4 114 тыс. руб. В 1913 г. паромство Мельниковой вошло в «Соединенную паромную компанию», объединившую ряд паромств Барнаула и Новониколаевска. В 1914 г. обороты паромства превышали 837 тыс. руб., прибыль составила 205 тыс. руб. [3, с. 46].

«Обское паромство Е. И. Мельниковой» стало начинателем пассажирских перевозок в бассейне Оби, до него все пароходы возили грузы и лишь попутно пассажиров, Ф. В. Корнилова осуществляла речные перевозки через города Тобольск, Тюмень, Томск, на Ирбитскую ярмарку и все крупные пристани Обь-Иртышского бассейна. Помимо речного транспорта Феликитата Васильевна активно занималась торговлей (в основном хлебом, солью и керосином) и рыбной промышленностью, проводила крупные аукционы в Тобольске, Тюмени, Ачинске и Обдорске Березовского района. Обе предпринимательницы способствовали экономическому росту и развитию своего региона, были яркими личностями, своей деятельностью и примером они способствовали становлению нового образа женщины – независимой, предприимчивой, образованной, обладающей широким кругозором, чувством гражданской ответственности за судьбу родного края. Они создавали модель инициативного поведения в различных общественных сферах, удовлетворяли потребность в самореализации и творческом проявлении личности.

Литература

1. Барышников М. Н. Женщины в структуре российского предпринимательства в начале XX века // Факты и версии: историко-культурологический альманах. Исследования и материалы. Кн. 2. Из истории экономики. СПб. : ИМИСП, 2001. С. 51–64.
2. Краткая энциклопедия по истории купечества и коммерции Сибири. Т. 3, кн. 3. Новосибирск : РИПЭЛ-плюс, 1994–1997.
3. Мельников М. В. Женское предпринимательство в период социально экономических трансформаций: опыт второй половины XIX – начала XX в. // Вестн. НГТУ им. Р. Е. Алексеева. 2012. № 3. С. 46–51.
4. Просвиркина В. В. Дайте ходу, пароходу! Водная дорога бизнеса барнаульской купчихи Е. И. Мельниковой // Сборник лучших студенческих работ. М. : Фонд президент. грантов, 2021. С. 482–493.
5. Сорокина Н. Л. Участие женщин в торговых домах Западной Сибири конце XIX – начала XX вв. // Вестн. Югорск. гос. ун-та. 2012. Вып. 1. С. 45–50.

УДК 325.1(091)(430) + 94(57)

Бауман Д. А.
Bauman D. A.

ПОЛИТИКА ВЛАСТЕЙ ПО ВОПРОСУ НЕМЕЦКОЙ КОЛОНИЗАЦИИ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКОВ

THE POLICY OF THE AUTHORITIES ON THE ISSUE OF GERMAN COLONIZATION OF WESTERN SIBERIA IN THE LATE XIX – EARLY XX CENTURIES

О политике центральных и местных властей по вопросам немецкой колонизации Западной Сибири и существовании ряда ограничивающих ее факторов на протяжении 1890–1910-х гг. в связи с антинемецкими настроениями чиновников, православного духовенства, а также местного населения и русских переселенцев.

About the policy of the central and local authorities on the German colonization of Western Siberia and the existence of a number of limiting factors for German colonization during the 1890s-1910s in connection with the anti-German sentiments of officials, Orthodox clergy, as well as the local population and Russian immigrants.

Ключевые слова: политика властей, немецкая колонизация, Западная Сибирь

Keywords: government policy, German colonization, Western Siberia

Крупные миграционные процессы, начавшиеся в России в конце XIX в., побуждают правительство к активизации переселенческой политики, правовому регулированию данного процесса, фактически отсутствующему в первой половине века. Переселение немцев-колонистов в Сибирь происходит в общем миграционном потоке и на общих с остальными национальностями правовых началах.

На протяжении первой половины XIX в. наблюдается процесс сдерживания миграционных процессов в Сибирь со стороны правительства. Основная проблема заключалась в том, что оно боялось резкого оттока населения с центральных губерний страны, что могло привести к разрушению гегемонии помещичьего землевладения, а также к тому, что у помещиков не осталось бы дешевой рабочей силы в лице бывших крепостных крестьян, которые становились арендаторами земли.

В Утверждении от 1889 г. уже наблюдается стремление правительства стимулировать колонизацию Сибири при помощи больших льгот для переселенцев именно в Тобольскую и Томскую губернии. С этого момента в России появляются специальные государственные служащие, которые занимаются вопросами переселения. Это первый нормативно-правовой акт, который всецело утверждает процесс переселения от самого начала до конца, т. е. от подачи просьбы о переселении до формирования новой переселенческой общины на месте переселения. Лица, желающие переселиться, впервые получают статус «переселенцы». Начиная с момента издания данного акта, наступает наиболее активный период освоения огромных сибирских территорий, который продолжится и в начале XX в. Кроме того, ни один из законодательных актов второй половины XIX в. не затрагивал национальный вопрос, переселение немцев-колонистов регулировали те же нормативно-правовые акты, которые никаким образом не ограничивали их права на переселение.

Единственным исключением является утвержденное мнение Государственного Совета от 15 апреля 1896 г. «О некоторых изменениях в действующих указах, касающихся добровольного переселения сельских обывателей и мещан в губернии Тобольскую и Томскую (кроме Алтайского округа) и генерал-губернаторства Степное и Иркутское», в котором Министру внутренних дел полагалось принять все меры к тому, чтобы в Томской и Тобольской губерниях переселенцы нерусского происхождения, по возможности, были включены в состав общин русских переселенцев. Это утверждение было принято с целью ликвидации возможности возникновения в Сибири отдельных обособленных этнических очагов колонизации [4, с. 290–291].

Данный факт подтверждает докладная записка Министра земледелия и государственных имуществ А. С. Ермолова о переселении в Степной край немцев-колонистов из Самарских колоний от 1895 г., в которой отмечается, что на данной территории замечен наплыв немцев, переселявшихся без разрешения: «В течение января 1895 года их прошло через Омск до 100 семейств, и ещё продолжают идти. Близ Омска уже образованы два немецких поселения: Александровское – в 1893 году и Привольное – в 1894 году. Министерство внутренних дел разъяснило, что в степных областях немцев поселить нельзя. Немцы постоянно стремятся селиться вместе. Степной генерал-губернатор думает образовать из них отдельную волость, но это крайне нежелательно. Необходимо (если вообще допускать их водворение в Сибири) селить их, если не в одних селениях с русскими, то, во всяком случае, в пределах одной волости и перемешивать немецкие селения с русскими. Переселенцы из немецких колоний в большинстве случаев идут с хорошими средствами, ибо колонии обыкновенно снабжают денежными средствами своих выходцев и помогают им даже впоследствии» [1, с. 78].

В январе 1895 г. Степному генерал-губернатору от Министерства внутренних дел было направлено указание о прекращении водворения немцев в Акмолинской области, так как, по мнению Министерства, немецкие колонии в Европейской части России и так имели земли достаточно обеспеченнее, чем у большинства русских крестьян [2, с. 69]. Однако уже осенью того же года после обращения генерал-губернатора Степного края М. А. Таубе (1889–1900 гг.) в Министерство внутренних дел по вопросу о судьбе уже водворившихся немцев-колонистов края, ему был дан ответ о том, что немецкие колонисты должны быть устроены в крае на равных с другими переселенцами условиях [2, с. 70].

Таким образом, можно сделать вывод, что политика властей по отношению к немецким колонистам Сибири была весьма противоречива, однако ясно прослеживается факт нежелания появления в Степном крае немецких колоний как обособленных от других переселенческих общин. Но из-за весьма противоречивой и непоследовательной политики властей по вопросу немецкой колонизации в 1890-е годы в Степном крае все же возникли обособленные очаги немцев-колонистов.

С 1906 г. начинается масштабная аграрная реформа П. А. Столыпина, в рамках проведения данной политики был издан указ от 10 марта 1906 г., который предоставлял всем желающим крестьянам право переселения без ограничения. В результате этого на территорию Сибири вновь направилась еще большая волна крестьян-переселенцев, среди которых также были немцы [2, с. 70].

С увеличением миграционного потока немцев в Сибирь усиливается и обеспокоенность властей данным фактом. В связи с этим уже в 1907 г. были изданы новые запреты для немецких колонистов на поселение в Петропавловском и Кокчетавском уездах Акмолинской области. Против немецкой колонизации высказался и сам П. А. Столыпин: «...я находил бы, со своей стороны, безусловно, необходимым, в ограждение интересов русского крестьянства и по соображениям государственной важности, принять меры против заселения Степных областей немцами-колонистами как элементом, не отвечающим задачам русской колонизации» [2, с. 136].

5 ноября 1910 г. в газете «Объединение» выходит статья действительного статского советника А. Папкова под заголовком «Немецкое царство в Западной Сибири на развалинах казачьего владения», в которой он отмечает факт чрезмерного заселения иностранцами окраин России. Переселенцы, по его мнению, тяготели «всем своим бытом к своему прежнему Отечеству, а не к России». Автор статьи проводит параллель с заселением немцами юго-востока России и колонизацией Сибири, говоря, что в обоих случаях имеет место попустительство в данном вопросе со стороны местных властей, что приводит к ущемлению прав русских крестьян в земельном вопросе: «...сотни тысяч десятин и притом лучшей земли перешли в немецкие руки. Немецкие колонии растут, как грибы, – и в этом нет ничего удивительного, так как главные должности переселенческих чиновников заняты немцами. В Акмолинской области переселением заведует фон Штейн, в Томской губернии – Шуман, в единственно годном для переселения уезде Семипалатинской области Павлодарском – молодой, но ярый германизатор Питрих...». Папков отмечает, что «в лучшей части Барнаульского уезда, вблизи возникшего города Славгорода, маленькое германское государство из сорока немецких сел. Отношение немецких колонистов к русским переселенцам весьма презрительное и злобное» [3, с. 139].

Данная статья стала своего рода наивысшей точкой антинемецких настроений в обществе и правительственных кругах довоенного времени в Сибири. Автор статьи резко поднимает проблему национальной, культурной, религиозной и экономической экспансии «лучших земель» Степного края, отмечая, что на данной территории полным ходом идет процесс «германизации». По его мнению, лучшие земли государственного фонда передаются в руки немецким колонистам при помощи местной администрации, где господствующее положение также занимают немцы. Папков отмечает и то, что против немецкой колонизации выступает и русские крестьяне, с которыми немецкое население имеет достаточно сложные бытовые отношения [3, с. 139].

Однако тезис о том, что немецкие колонисты заняли лучшие земли края, был опровергнут новым генерал-губернатором Степного края Е. О. Шмитом, который пояснил, что немцы заселяют лишь южные уезды Акмолинской области, которые «поставлены в более тяжелые жизненные условия», при этом он отмечает, что сельскохозяйственная культура немцев значительно выше, и только они могут справиться с данными участками земли. В ответ на статью высказался также заведующий переселенческим делом в Акмолинском округе В. фон Штейн, говоря о том, что в результате исследования около 500 переселенческих поселков в 1909 г. было выявлено, что доля немецкого населения составляет всего около 5 %, следовательно, немцы занимают «весьма скромное место».

Резко против немецкой колонизации в Сибири выступало и православное духовенство, которое видело опасность в том, что на данной территории возникают отдельные конфессиональные и сектантские общества. Особенно резко в 1911 г. по данному поводу высказывался епископ Митрофан, выразив мнение о том, что власти Акмолинской области намеренно отдают предпочтение немецким колонизаторам. Православное духовенство опасалось, что русские крестьяне могут попасть под влияние немецких католиков, лютеран и других конфессий. Настроения духовенства также поддерживали Тобольский губернатор Д. Ф. Гагман и Степной генерал-губернатор Е. О. Шмит, последний предложил территориально оградить православное население от «тлетворного влияния сектантов», если будет необходимость – и с применением силы [2, с. 69].

Таким образом, можно сделать вывод о том, что правительственная переселенческая политика на рубеже XIX и XX вв. изменилась. Правительство уходит от «политики сдерживания» миграции в Сибирь и приходит к политике поощрения данного процесса при помощи льгот. Законодательные акты центра никак не ограничивали переселение отдельных национальностей, лишь утвержденное мнение Государственного Совета от 15 апреля 1896 г. ограничивало возможность создания обособленных национальных очагов колонизации.

На практике, на протяжении 1890–1910-х гг. заметно желание местных и центральных властей инициировать ограничение немецкой колонизации, усматривая в ней угрозу для русских переселенцев. Для предотвращения занятия немцами лучшей земли в Сибири им было запрещено селиться на плодородных землях Степного края (Петропавловском и Кокчетавском уездах) с хорошими условиями ведения сельского хозяйства. Вместе с этим, местные власти, рассчитывая на высокую сельскохозяйственную культуру немцев, планировали, что те смогут закрепиться и освоить трудные для сельскохозяйственных работ степные, засушливые участки, которые были непопулярными у русских переселенцев. На рубеже веков явно прослеживаются антинемецкие настроения среди чиновников центральной и местной власти, православного духовенства, а также среди местного и переселяющегося русского населения, что выражалось в резких высказываниях в адрес немецких колонистов, в радикальных «проектах» решения проблемы «немецкого засилия» и «германизации» в Сибири и существовании целого ряда ограничивающих факторов.

Литература

1. Из доклада министра земледелия и государственных имуществ А. С. Ермолова о переселении в Степной край немцев-колонистов из самарских колоний // Прибавление к Всеподданнейшему докладу Министра Земледелия и Государственных имуществ по поездке в Сибирь осенью 1895 г. СПб., 1896. С. 78.
2. История и этнография немцев в Сибири / Омск. гос. историко-краевед. музей, Сибирский фил. Рос. ин-та культурологии, Науч.-информ. агентство «Наследие Сибири». Омск : Изд-во ОГИК музея, 2009. 751 с.
3. Папков А. Немецкое царство в Западной Сибири на развалинах казачьего владения // Объединение. 1910. № 21–22. С. 139.
4. ПСЗРИ. СПб. : Тип. II Отд. Собств. Е. И. В. Канцелярии, 1896. Т. 16. С. 290–291.
5. Рос. гос. истор. архив. Ф. 391. Оп. 4. Д. 235. Л. 18–21 об.

УДК 371.8

Ищенко О. В.
Ishchenko O. V.

**ОРГАНИЗАЦИЯ ДОСУГА ВОСПИТАННИКОВ
УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЙ СИБИРИ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВВ.**

**THE ORGANIZATION OF SIBERIAN PUPIL'S
LEISURE ACTIVITIES AT THE LATE XIX – EARLY XX CENTURIES**

В статье дана характеристика основных форм организации досуга воспитанников учебных заведений Сибири в конце XIX – начале XX вв., виды и порядок проведения официально разрешенных мероприятий и предложения родительских комитетов по введению новых форм организации досуга учащихся. Отмечено, что позиция родительской общественности не встречала поддержки со стороны правительства, а отсутствие учета мнения самой молодежи способствовало росту протестных настроений в этой среде.

The article describes the main forms of Siberian pupil's leisure activities at the late XIX – early XX centuries. The author examines the types and procedure of officially authorized events and proposals of parent committees on the introduction of new forms of leisure activities for pupils. As a result of the study, it was concluded that the position of the parent community was not supported by the government, and the lack of consideration of the opinion of the youth themselves contributed to the growth of protest moods in this environment.

Ключевые слова: учащиеся, воспитание, организация досуга, правительство, родительские комитеты

Keywords: pupils, education, leisure organization, government, parent committees

Во все времена и в любом государстве функционирование системы образования предполагало и предполагает не только обучение, но и воспитание учащихся. Согласно ключевым тенденциям правительственной политики в области образования в России на рубеже XIX–XX вв., формирование личности ученика должно было осуществляться через организацию учебной и внеурочной деятельности, поэтому постановке воспитательной работы в средней и низшей школе уделялось особое внимание. Одним из направлений воспитательной деятельности была организация досуга учащихся, т. е. целенаправленное заполнение их свободного времени для формирования необходимых государству личностных и гражданских качеств [17, с. 301].

В числе досуговых мероприятий, проводимых с участием воспитанников учебных заведений, наиболее массовый характер имели официальные празднования юбилеев и памятных дат, к числу которых относились дни рождения известных поэтов и писателей (А. С. Пушкина, Н. В. Гоголя, В. А. Жуковского), 300-летие царствования Дома Романовых, 100-летие Отечественной войны 1812 г., 50-летие отмены крепостного права и многие другие.

Поступавшие на места министерские циркуляры предполагали стандартную программу празднований, включавшую богослужения, торжественные акты с произнесением речей, чтением отрывков произведений, раздачей портретов и соответствующих брошюр [4, л. 29]. Строгая регламентация была обусловлена тем, что проведению торжеств правительством придавалось «высокое воспитательное значение» [2, л. 2–3]. При этом сами воспитанники учебных заведений должны были активно участвовать в проводимых мероприятиях, выступая с вокальными, музыкальными, литературными номерами. Для «особой торжественности» нередко разрешалось устройство совместных празднований учащихся мужских и женских учебных заведений, а самые крупные праздники, к числу которых относился, например, юбилей Дома

Романовых, предполагали привлечение учеников к общегородским торжествам, как это было сделано в Томске в 1913 г. [7, л. 7, 21–22].

При этом правительство, фактически провозглашая обязательность привлечения учащейся молодежи к проведению торжеств, поручало контроль за их организацией на местах учебно-окружному начальству. Поэтому, в частности, разрешение Министерства народного просвещения 1902 г. чествовать память Н. В. Гоголя и В. А. Жуковского в университетах с правом входа студентов других вузов, а также воспитанников и воспитанниц средних учебных заведений дополнялось на местах необходимостью испрашивать у попечителя учебного округа разрешение на устройство вечера каждым учебным заведением в отдельности [4, л. 35].

Следует отметить, что и другие, проводимые с участием воспитанников учебных заведений мероприятия, подлежали контролю со стороны местных властей. Так, на основании Высочайшего повеления 25 июня 1863 г. и циркуляра Департамента полиции от 25 января 1895 г. чтение публичных лекций и литературные чтения разрешались попечителями учебных округов по согласованию с губернаторами, разрешение на проведение игр и театральные представления отдавалось местной полиции, а устройство литературно-музыкальных вечеров и утренников разрешалось попечителем по согласованию с губернской администрацией [3, л. 3–4].

Обращаясь с ходатайством к попечителю Западно-Сибирского учебного округа, руководители учебных заведений всегда подчеркивали важное образовательное и воспитательное значение проводимых мероприятий. Например, директор Барнаульского реального училища, испрашивая у попечителя в 1900 г. разрешение на устройство литературных чтений, указывал, что они проводятся «с целью способствовать развитию литературного вкуса и расширению умственного кругозора учащихся, давая им вместе с тем и хорошее образовательное развлечение» [3, л. 39–40]. Запрос на проведение в этом же учебном заведении в декабре 1904 г. «домашнего ученического спектакля на праздник Рождества Христова ... в постановке комедии Островского» был обоснован желанием «дать более правильный и лучше организованный выход склонностям учащихся к подобного рода развлечениям» [14, л. 2–3].

Попечитель учебного округа чаще всего давал согласие на проведение подобных мероприятий, но мог ограничить их в случае несоответствия существующим требованиям. В частности, им не было разрешено участие воспитанниц женской гимназии в проведении литературных чтений в Барнаульском реальном училище в 1900 г. [3, л. 39–40]. При утверждении программы празднования в 1899 г. в Барнауле 100-летнего юбилея А. С. Пушкина было разрешено совместное участие в торжествах воспитанников реального училища и женской прогимназии, но план празднования, включавший проведение литургии и панихиды, торжественный акт в здании реального училища и детский вечер для учеников и учениц с литературно-музыкальным отделением, угощением и танцами, не был утвержден попечителем, вынесшим следующую резолюцию: «Включение в программу празднования ... устройства танцев для учащихся я нахожу излишним как увеселение, несоответствующее чествуемому событию» [13, л. 15, 22]. Ходатайство руководства Барнаульской женской гимназии о проведении в октябре 1912 г. литературно-музыкального вечера тоже «не встретило препятствий» со стороны учебно-окружного начальства, но, как утверждалось в письме врио управляющего учебным округом, «что же касается до танцев, то таковые могут быть разрешаемы лишь во время зимних каникул, на Масленице и на Пасхальной неделе» [11, л. 4]. При этом на проводимом 2 февраля 1905 г. вечере у Иркутского генерал-губернатора графа Кутайсова для учеников старших классов Иркутской мужской гимназии и воспитанниц девичьего института танцы были обязательным элементом торжества [5, л. 19], т. е. учебное начальство нередко занимало более строгую позицию по отношению к организации досуга учащихся, нежели начальство административное.

Нередко вводимые руководством учебных округов ограничения приводили к отмене планировавшихся мероприятий. Так, например, запрет попечителя на вход гимназистов Томской мужской гимназии в здание Общественного собрания привел к отмене гимназического

музыкально-литературного вечера в память Н. В. Гоголя в январе 1902 г. [4, л. 8]. Посещение учащимся общественных собраний было запрещено и циркуляром Главного инспектора училищ Восточной Сибири от 20 января 1903 г. [1, л. 2].

В то же время строгая регламентация проводимых в учебных заведениях воспитательных мероприятий, фактическая обязанность учащихся участвовать в официально провозглашенных торжествах, отсутствие учета мнения самой молодежи нередко способствовали росту недовольства в этой среде [9, с. 35]. Многочисленные запреты и ограничения, касавшиеся посещения спектаклей, просмотра фильмов, регламентация времени прогулок, посещения катков, участия в уличных играх и пр. [8, л. 8; 10, л. 8–9] вызывали протест учащихся и стимулировали стремление бороться за свои права.

Постепенное формирование в России гражданского общества и усиление роли родительских комитетов в жизни учебных заведений привело к увеличению числа предложений отойти от формализма при проведении воспитательной работы. Демократическая общественность была настроена на изменение нравственной атмосферы в школе, выдвигая на первый план уважение личности учащегося [16, с. 71].

Сохранившиеся в фондах учебных заведений материалы свидетельствуют о том, что в начале XX в. родительские комитеты имели свой взгляд на организацию досуга учащихся, заметно отличающийся от официального. В частности, серьезный набор предложений от имени родительского комитета представлен в протоколах заседаний педагогического совета Барнаульского реального училища императора Николая II, проходивших во второй половине 1907 г. Родительский комитет предлагал устраивать разумные развлечения для учащихся, к числу которых были отнесены игры (бильярд, шахматы), физические упражнения, чтение рефератов, лекций и т. д., причем ученикам «должен быть предоставлен полный выбор занятий». «Отсутствие всякого насилия – таков должен быть девиз клуба для детей. Веселые, жаждущие знаний с постоянно напряженным интересом будут они находиться в клубе. Атмосфера любви и свободы, которая будет царствовать в нем, если к делу будут привлечены живые, любящие детей люди, окажет глубокое воспитательное влияние», – заключали члены родительского комитета [12, л. 11]. Педагогический совет «сочувственно» отнесся к этому предложению, но заявил, что вопрос о предоставлении помещения для ученического клуба не может быть решен без попечителя учебного округа, и директор училища «не берет на себя ответственности, которая связана с устройством в стенах училища проектируемого клуба для учащихся» [12, л. 12].

Вопрос об организации внеучебного времени школьников рассматривался в 1909 г. и на заседании родительского комитета при Барнаульской частной женской гимназии М. Ф. Будкевич. Председателем родительского комитета А. В. Розановым было предложено дать возможность детям практиковаться в ораторском искусстве, устраивать спектакли и игры на иностранных языках для лучшего усвоения предмета, заниматься соколиной гимнастикой и хорovým пением [15, л. 16]. Окончательное решение по этому поводу должна была вынести комиссия по вопросу об организации в Барнауле внеклассных занятий и разумных развлечений для учащихся под председательством того же А. В. Розанова. Но на заседании 18 февраля 1909 г. из-за разногласия мнений решение принято не было, однако одно было установлено точно – не привлекать к обсуждению вопроса о досуге учащихся самих учащихся. «Некоторые из присутствующих рекомендовали привлечь в комиссию учащихся для совместного и скорейшего разрешения этого вопроса, т. е. в том смысле, чтобы заручиться мнением учащихся о том, какие бы они, учащиеся, находили бы для себя более подходящими и охотно исполнимыми занятиями в внеклассное время. Но председательствующий категорически отклонил всякое вмешательство учащихся в дела комиссии» – зафиксировано в протоколе заседания [15, л. 22].

В целом, разработка родительской общественностью новых форм проведения досуга учащихся не встречала одобрения на правительственном уровне, поэтому отсутствие изменений заставляло родительские комитеты вновь и вновь обращаться к этому вопросу.

В ноябре 1916 г. на общем собрании родителей и педагогических советов Бийских мужской и женской гимназий был заслушан и одобрен доклад председателя родительских комитетов при обоих учебных заведениях А. Стрельмана, посвященный все той же теме организации разумного досуга учащихся. «Скучна, сера и довольно дика русская жизнь. Не дает она юноше освежающих его впечатлений, не дает она ему здорового нормального отдыха, не является она для него пружиной, двигающей вперед, не возбуждает энергии. Некультурность, подавленность, апатия и связанная с этим погоня за острыми, возбуждающими средствами преобладает у нас во всех слоях населения», – утверждал автор доклада. – «Нельзя... верить в спасительность введенных правил школьного надзора, в этот длинный набор параграфов и запрещений весьма сомнительной ценности и справедливости. Правил, параграфов у нас всегда было много, а толку от них, пользы всегда было мало. Нельзя предписаниями побороть природу». Обращая внимание на то, что молодой человек, «который полон жизни, который жаждет нового, стремится к чему-то», ничем разумным не может занять свое свободное время, председатель родительского комитета призывал помочь юношеству организацией педагогами и родителями «разумного отдыха, дружеского общения» в ходе еженедельных собраний, на которых сами учащиеся будут выступать распорядителями. Стрельман предлагал не устанавливать строгую программу подобных мероприятий, их участники могут петь, музицировать, танцевать, обсуждать свои вопросы и т. п. Воспитательное значение таких собраний автор доклада видел в том, что они дадут молодежи возможность разумных развлечений, способствуя развитию и самообразованию подрастающего поколения, будут «развивать у учащихся самостоятельность, привычку к организаторской деятельности», спланивая при этом учеников, учителей и родителей. «Надо внести побольше здоровой радостной жизни в подрастающее поколение всех классов населения, и мы, и Россия не останемся в убытке», – заключал председатель [6, л. 2–7].

Предложенный родительским комитетом проект устройства еженедельных ученических вечеров был направлен попечителю Западно-Сибирского учебного округа. Полученный 13 января 1917 г. ответ Н. И. Тихомирова гласил, что «образование в целях воспитательно-образовательных досуга учащихся путем устройства чтений, утренников, литературно-музыкальных вечеров, организации экскурсий, спортивных занятий и других развлечений образовательного характера вполне одобряется и рекомендуется», но «устройство постоянных многолюдных собраний учащихся разных классов и обоего пола с целью проводить время в занятиях «кто во что горазд» ... одобрить затрудняюсь по соображениям педагогическим» [6, л. 32]. Поколебать мнение попечителя не смогло ни обращение родительских комитетов к опыту Западной Европы, ни к практике создания «организаций учащихся в виде Домов юношества» в других учебных округах [6, л. 9–10].

Таким образом, анализ организации досуга воспитанников учебных заведений Сибири в конце XIX – начале XX вв. позволяет выявить сложившееся противоречие между позицией правительства, ориентированной на проведение определенного набора разрешенных мероприятий, и родительской общественностью, ставившей на первое место развитие личности учащегося. При этом ни та, ни другая сторона не стремилась учесть мнение самой молодежи, что способствовало росту протестных настроений в этой среде.

Литература

1. Государственный архив Иркутской области. Ф. 124. Оп. 1. Д. 236.
2. Государственный архив Томской области (далее – ГАТО). Ф. 102. Оп. 1. Д. 205.
3. ГАТО. Ф. 126. Оп. 2. Д. 1456.
4. ГАТО. Ф. 126. Оп. 2. Д. 1632.
5. ГАТО. Ф. 126. Оп. 2. Д. 2036 в.
6. ГАТО. Ф. 126. Оп. 2. Д. 3274.

7. ГАТО. Ф. 194. Оп. 1. Д. 119.
8. Исторический архив Омской области. Ф. 32. Оп. 1. Д. 69.
9. Ищенко О. В. Участие воспитанников учебных заведений Сибири в праздновании 300-летия Дома Романовых // Вестн. Томск. гос. ун-та. История. 2014. № 1. С. 32–35.
10. Государственный архив Алтайского края (далее – ГААК). Ф. 36. Оп. 1. Д. 40.
11. ГААК. Ф. 36. Оп. 2. Д. 59.
12. ГААК. Ф. 43. Оп. 1. Д. 105.
13. ГААК. Ф. 43. Оп. 1. Д. 23.
14. ГААК. Ф. 43. Оп. 1. Д. 95.
15. ГААК. Ф. П-1061. Оп. 3. Д. 5.
16. Сысоева Е. К. Общеобразовательная школа в России в условиях модернизации начала XX в // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 8. История. 2010. № 2. С. 61–76.
17. Ярошевич Т. М. Досуг: теоретические аспекты, структура, содержание // Гуманитар., соц.-эконом. и обществ. науки. 2014. № 1. С. 299–304.

УДК 336.76(091)(571.12)

Меркулова Л. В.
Merkulova L. V.

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ КУПЦОВ В НАЧАЛЕ XX В. НА ПРИМЕРЕ ТЮМЕНСКОЙ ТОРГОВОЙ БИРЖИ

ACTIVITIES OF MERCHANTS AT THE BEGINNING OF THE XX CENTURY ON THE EXAMPLE OF THE TYUMEN COMMERCIAL EXCHANGE

С развитием биржевого рынка в конце XIX в. биржа становится необходимым институтом рыночной экономики, который помогал торгово-промышленным предприятиям и контролировал местный рынок. В статье рассмотрена эволюция Тюменской биржи, ее основные функции и состав комитета.

With a possible market at the end of the 19th century, the exchange begins to turn into a stable institution of a market economy that assists commercial and industrial enterprises and controls the local market. This article changes the evolution of the Tyumen exchange, its main functions and the composition of the committee.

Ключевые слова: биржа, Биржевой комитет, тюменское купечество, устав бирж, экономика
Keywords: stock exchange, stock exchange committee, Tyumen merchants, charter of stock exchanges, economics

С формированием внутреннего рынка и развитием крупного производства, которое позволяло проводить продажу товаров большими партиями на регулярной основе на ярмарках, базарах, начинает формироваться спрос и предложение, которые и стали причиной появления бирж. Первая биржа возникла при Петре I в Санкт-Петербурге, и основная ее задача заключалась в организации торгов, но она не функционировала постоянно из-за отсутствия распространения бумажных денег [4, с. 28].

Расцвет бирж начинается с середины XIX в., так как крупнейшие ярмарки в стране постепенно утрачивают торговые функции, а роль перевалочных пунктов в торговле перехо-

дит к биржам [1, с. 38]. Все биржи подчинялись ведомству Министерства торговли и промышленности, они также подчинялись уставу, который закреплял наиболее общие основы и принципы биржевой организации и ее деятельность. Особенность региональных уставов состояло в том, что принципы работы бирж, их права и обязанности могли распределяться среди различных категорий посетителей бирж и биржевого комитета [1, с. 35]. Формирование биржевой системы в Сибири связывают с проведением Транссибирской магистрали, так как это способствовало ускорению товарных перевозок, а также их удешевлению. Кроме этого, сделки через биржу уменьшали спекуляцию, поскольку проводились через банковские операции. В начале XX в. происходят существенные изменения в биржевой торговле, количество бирж увеличивается, и они начинают действовать по всей территории Российской империи, всего с 1900 по 1914 гг. было открыто 74 бирж [5].

С развитием города Тюмени и включением ее как одного из крупного перевалочного пункта Тобольской губернии в транспортную систему в открытии биржи было задействовано местное купечество, поскольку это могло расширить их предпринимательские районы. Для ее открытия городская голова А. И. Текутьев направил письмо в банк Санкт-Петербурга с просьбой разрешить открытие торговой биржи [2, л. 1]. Помимо этого, необходимо было предоставить данные о торгово-промышленных учреждениях Тюмени, об оборотах ярмарки и значении географического положения города, кредитных учреждениях и т. п. Тогда тюменские купцы написали письмо, в котором говорилось о покупателях кожевенных товаров, об оборотах местной Тюменской ярмарки, возможности поддержания и развития местной торговли и промышленности благодаря открытию местной биржи [2, л. 2]. Известные купцы, такие как братья Колмаковы, торговый дом Плотниковых, Г. Х. Брандт, Н. Г. Ядрышников, Войнов, Сайдаков, товарищество Машарова принимали активное участие в работе Биржевого комитета. Всего упоминается 120 членов, которые периодически принимали участие в ее работе. К первому разряду стали относиться торгово-промышленные учреждения, принадлежащие А. В. Колмакову, Сибирскому торговому банку, Тюменскому общественному банку, А. И. Текутьеву, а ко второму разряду – В. А. Копылову, А. П. Войнову, Х. А. Сейдукову.

Особенность биржи заключается в том, что форма продажи товара на бирже отличалась от ярмарочной, поскольку здесь продажа осуществлялась по отдельным образцам, и готовый товар отправлялся к покупателю с места производства. К началу XX в. биржевая торговля становится одним из главных видов оптовой торговли [4, с. 28].

Для организации и работы Биржевого комитета необходим был устав, в котором указывались понятие биржи и основные условия работы. В Уставе было отмечено, что биржа является местом сделки по всем отраслям торговли. Она была открыта для всех слоев общества, но при условии внесения в Биржевой комитет определенной суммы для поддержания здания и прочие хозяйственные нужды. В состав биржевого общества чаще всего входили представители купечества и мещане, для этого нужно было написать заявление в Биржевой комитет с указанием данных о себе и сведениями о торговом предприятии с приложением документов [2, л. 68], ограничением было, например, наличие судебных дел, в том числе за кражу, мошенничество и пр. Официально Тюменская биржа была открыта 18 февраля 1910 г., это была первая биржа в Западной Сибири. Для ее работы в апреле 1910 г. городская управа разослала письма крупным и видным предпринимателям, которых хотели видеть в Биржевом комитете, в их число входили братья Колмаковы, Плотниковы, Машаров, Ядрышниковы. Биржевой комитет состоял из председателя и биржевых старшин с широкими функциями. Комитет занимался спорными вопросами по торговым делам в период ярмарки, устанавливал цены на товары, также на него возлагались попечение и поддержка Тюменской ярмарки.

Первоначально биржа специализировалась на оптовой торговле хлебом и сливочным маслом, производством которых в то время славился край. Особенность работы биржи заключалось в том, что на ней торговали по отдельным образцам, и после заключения договора товар

мог быть отправлен напрямую от производителя [3, с. 11]. Стоит отметить, что кроме организации продажи товаров представители Биржевого комитета выступали с ходатайствами о частных нуждах, например, развитии железнодорожного транспорта, почтово-телеграфных станций.

23 июня в 1910 г. состоялось первое членов Тюменского Биржевого комитета с основным вопросом о включении их в состав и утверждении комитета, с разделением промышленников по роду занятий – кожевники, промысловики пр. Всего на собрании участвовало 56 человек, из них 24 – из Тюмени, 5 – из Семипалатинска, 5 – из Петропавловска и др., один – промышленник из Великобритании. Комитет направил Тюменскому Городскому голове решение о взимании выкупа промыслового свидетельства купцами в пользу Тюменского Биржевого комитета за право посещения биржи в следующих размерах: I разряда – 50 руб., II разряда – 20 руб. Участники биржи должны были в течении двух месяцев уплатить годовой взнос.

Как указывалось в уставе, все должности в Комитете были избирательными. Так, председатель биржи, старший маклер, который выполнял функции заместителя председателя в случае его отсутствия, и шесть его членов избирались сроком на 3 года. Члены Биржевого комитета были заняты в основном во время ее работы и ярмарочной торговли.

Председателем биржи с 1910 по 1917 гг. был Василий Алексеевич Собенников, почетный гражданин, владелец торгового дома «Собенников и братья Молчановы». Кандидатами в члены комитета были Е. И. Корнилов, В. П. Бурков и тюменский купец Н. Д. Машаров, последний вошел в состав основного комитета в 1913 г. В инструкциях о биржевых маклерах указывалось, что вакансии их являются открытыми, а число маклеров определяется общим собранием Биржевого комитета по мере надобности. На протяжении 1910–1917 гг. в состав комитета входили представители купечества и потомственные дворяне, такие как П. А. Андреев (1910), Н. И. Котельников (1910), Н. Д. Машаров (1913), Г. П. Ядрышников (1913).

Работа Тюменской биржи не ограничивалась установлением цен на товары местного рынка, кожевенной промышленности, сельского хозяйства – по вопросам хлебной торговли сохранились переписка со странами Дальнего Востока. Торговля биржи влияла и на внешний рынок, в 1914 г. в Первую мировую войну Биржевой комитет выступил с предложением закрыть внешнюю торговлю с Германией и Австрией. Весной 1917 г. биржа была распущена по причине снижения количества биржевых сделок и революционной ситуации в России.

Подводя итог, необходимо отметить, что биржи в начале XX в. начинают заменять основные торговые ярмарки. Массовое рождение бирж в конце XIX – начале XX вв. связывают с увеличением оборота ценных бумаг, поскольку продажа товаров происходила не за наличные деньги. Биржи в стране первоначально выполняли роль фондового рынка, но постепенно становились центром деловой информации и местом постоянного общения предпринимателей. Открытие биржи в Тюмени способствовало развитию торгово-промышленного оборота в городе и во всей Западной Сибири и защите предпринимателей, поскольку Биржевой комитет состоял из торговых людей, понимающих торгово-экономические отношения и заинтересованных в их развитии.

Литература

1. Бабкина А. В. Организационно-правовые основы деятельности бирж в России во второй половине XIX – начале XX вв. // Известия РГПУ им. Герцена. 2007. № 43 С. 35–38.
2. Государственный архив Тюменской области. Ф. 1. Оп. 1. Д. 307.
3. Корсукова О. О. Развитие торговли в городе Тюмени: 1920–1930-е гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Тюмень. 2017. 279 с.
4. Плотникова А. В. К вопросу об эволюции оптовой торговли в России в первой половине XIX века: от ярмарки до биржи // Современ. научн. мысль. 2022. № 3. С. 26–32.
5. Развитие биржевых комитетов в России // Открытый журнал. 27 апреля 2022 г. URL: <https://journal.open-broker.ru/> (дата обращения 30.11.2022).

УДК 130.85

Тихонова О. А.
Tikhonova O. A

**СЕЛЬСКИЙ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬ Е. И. РЯЗАНЦЕВ
НА ОБСКОМ СЕВЕРЕ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВВ.**

**RURAL ENTREPRENEUR E. I. RYAZANTSEV
IN THE OB NORTH IN THE LATE XIX – EARLY XX CENTURIES.**

О жизни и деятельности сельского предпринимателя Обского Севера конца XIX – начала XX вв. Евгения Иоакимовича Рязанцева, проблеме взаимоотношений Советской власти и купеческой семьи с устоявшимися традициями и обычаями крестьянского мира.

About the life and work of a rural entrepreneur of the Ob North of the late XIX – early XX centuries Evgeny Ioakimovich Ryazantsev, the problem of the relationship between the Soviet government and the merchant family with the established traditions and customs of the peasant world.

Ключевые слова: Селиярово, купец, торговля, промышленность, предприниматель
Keywords: Seliyarovo, merchant, trade, industry, entrepreneur

Развитие товарно-денежных отношений и активное продвижение капитала на Обский Север в конце XIX в. втягивало различные слои населения в предпринимательскую деятельность. Одним из зажиточных домохозяев села Селиярово был Евгений Иоакимович (Акимович) Рязанцев. Он происходил из крестьянского сословия, но из-за климатических условий заниматься традиционным земледелием возможности не было [1] Основным занятием семьи Рязанцевых стали местные промыслы – рыболовство, собирание дикоросов, мелкое ремесло и др. Со временем Евгений Акимович сосредоточился на организации собственного рыбного промысла с привлечением к работе как членов своей семьи, так и односельчан.

Е. А. Рязанцев имел собственную усадьбу, которая состояла из трех постоянных строений, при необходимости пользовались временными амбарами за селом. Супругой рыбопромышленника стала односельчанка Марфа Степановна (род. 1837 г.). В семье было трое сыновей и дочь. Все дети Рязанцевы обучались грамоте в местной церковно-приходской школе. Финансовое положение семьи было устойчивым, что позволило старшему из сыновей Семену (род. 1861 г.) продолжить обучение в сельском училище. Молодой человек прошел военную службу и получил статус ратника. После возвращения домой он стал работать в должности главного приказчика в семейной мануфактурной лавке в селе Селиярово. Его брат Иван (род. 1869 г.) трудился непосредственно на рыбном промысле, занимаясь управлением артели при вылове рыбы, младший из братьев Евстафий (род. 1883 г.) заменил среднего брата, когда тот был призван на военную службу. [2]. Так, сыновья сельского предпринимателя стали участниками семейной компании.

Дочь Ольга (род. 1868 г.) в 1900 г. вышла замуж за пришедшего с воинской службы квартирмейстера Ф. С. Пачганова. Венчание молодых происходило в Успенской церкви села Селиярово, затем молодожены переехали в село Зенково, где проживала семья молодожена. Супруг Ольги в течение пяти лет служил ординарцем при контр-адмирале во Владивостоке и за образцовую службу получил аттестат, в котором говорилось, что он «отличался все время безукоризненно трезвым поведением, знанием службы и дисциплины».

В 1903 г. сельский предприниматель Е. И. Рязанцев в возрасте 69 лет умер, поэтому во главе семейного дела стал старший из сыновей – Семен Евгеньевич. Братья проживали в родительском доме и продолжали заниматься рыбным промыслом и торговлей.

После Февральской революции 1917 г. рыбопромышленное предприятие крестьян Рязанцевых по решению Тобольского уездного комитета было включено в группу предприятий, работающих на оборону страны. Всем занятым на предприятии была предоставлена временная отсрочка от мобилизации в действующую армию. На этот момент на семейном предприятии Рязанцевых было занято от 40 до 50 человек наемных рабочих, которые объединялись в артель. Предприятие оказалось прибыльным, что позволило Семену Евгеньевичу перебраться в Тобольск на постоянное местожительство, хотя на период навигации он возвращался в родное село [3].

Но с приходом на Обский Север Советской власти в 1920 г. в селе Селиярово были созданы органы новой власти, которая стала заниматься систематизацией сведений о местных предпринимателях. Затем были проведены мероприятия по национализации торговых и промышленных предприятий, связанных с переработкой и продажей рыбы и рыбной продукции. Все прежние договоры на аренду рыбных песков были признаны недействительными, поэтому известные рыбопромышленники остались без дела.

Решением Zenковского волисполкома братья Рязанцевы – Иван, Семен и Евстафий, а также И. Т. Горшков (бывший компаньон Е. А. Рязанцева) попали в категорию кулаков. Вскоре умер Семен Евгеньевич (1920), а его брат Иван Евгеньевич был обвинен в «активном участии в бандитском восстании» и расстрелян. Это был не единичный случай в Селиярово. Еще в декабре 1921 г. 13 жителей этого населенного пункта были обвинены в «контрреволюционной деятельности», в том числе жена Ивана Евгеньевича Рязанцева – Татьяна Андреевна, но ей с дочерью Зоей удалось покинуть село и перебраться в поселок Нялино, где их следы теряются.

Младший из сыновей Евгения Акимовича – Евстафий, настоял на разделе семейного имущества. С 1908 г. он стал торговать в собственной лавке в селе Селиярово различными товарами и мануфактурами. Но после установления новой власти его хозяйство, как и предприятия братьев, попало в разряд «кулацко-зажиточных» и обложено огромным налогом. Евстафий Рязанцев устроился на должность судходного старшины на водном транспорте, где стал параллельно заниматься рыболовством и звероловством. Но уже в начале 1930-х гг. Е. Е. Рязанцев с женой Ефросиньей Яковлевной были раскулачены и лишены права голоса. Затем супругам было предъявлено обвинение, и они были арестованы по статьям 58-10, 58-12 УК РСФСР за то, что якобы вели «активную борьбу с существующим строем, противодействуют колхозному строительству посредством антисоветской агитации среди северных отсталых народностей». Но уже 10 августа 1933 г. решением Особого совещания при Коллегии ОГПУ супруги Рязанцевы были освобождены из-под стражи. 28 сентября 1989 г. Рязанцев Евстафий Евгеньевич и Рязанцева Ефросинья Яковлевна были реабилитированы прокуратурой Тюменской области.

Дочь предпринимателя, Ольга Евгеньевна Пачганова, имела большую семью, в которой было пятеро дочерей Анна, Агриппина, Матрена, Марфа, Ирина и сын Варлаам. Семья занималась животноводством, выращивая лошадей и коров на продажу, а также занималась ловлей рыбы. Зимой полученную продукцию Пачгановы отвозили в Тобольск, где меняли на необходимые продукты и вещи. В начале 1930-х гг. хозяйство Федора было признано «кулацко-зажиточным». Большой деревянный дом в центре села Zenково выглядел зажиточно и был реквизирован, хотя здесь проживало две семьи Пачгановых с большим количеством детей. После реквизиции в доме разместилась контора колхоза, а владельцы были отправлены в Свердловск. В Zenково остались только старшие дочери Ольги и Федора, так как Агриппина была инвалидом с детства, а у Анны при аресте произошел инсульт. Сестры прожили у односельчан до конца жизни. Вернувшись из ссылки, Федор Степанович прожил совсем недолго и похоронен в деревне Городище. Его вдова Ольга Евгеньевна переехала с дочерьми в родное село, где и похоронена.

В ноябре 2005 г. в Селиярово был открыт музейно-исторический комплекс «Музей-усадьба сельского торговца», а 26 января 2007 г. согласно приказу Департамента культуры ХМАО-Югры усадьба становится филиалом Музея Природы и Человека (г. Ханты-Мансийск).

Сейчас филиал является памятником регионального значения и воссоздает историю семьи рыбопромышленника и торговца Обского Севера Евгения Иоакимовича Рязанцева и его семьи. Созданием музейного комплекса односельчане отдали долг памяти этому человеку, сыгравшему значительную роль в экономическом и культурном развитии села. Важно также подчеркнуть, что с созданием музейной экспозиции историческая значимость и туристическая привлекательность памятника архитектуры значительно возросли. На территории усадьбы уютно разместился музейно-туристический комплекс – дом и амбар купца Е. И. Рязанцева – единственное на сегодняшний день в ХМАО-Югре материальное воплощение домашнего быта и хозяйственного уклада русского старожильского населения Северо-Западной Сибири конца XIX – начала XX века.

Литература

1. Комгорт М. В., Замятин С. А. Рязанцевы и Селиярово: судьба семьи в истории села // Северные рубежи истории. Екатеринбург ; Сургут : АМБ, 2012. С. 211–215.
2. Струсь В. Из рода Рязанцевых... // Югра. 2008. № 8. С. 72–75.
3. Струсь В. Из рода Рязанцевых... // Югра. 2008. № 9, 10. С. 64–68.

УДК 339.1-051(091)(571.12)

Bumy B. Ф.

Vitu V. F.

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ТЮМЕНСКИХ КУПЦОВ ПОСЛЕДНЕЙ ЧЕТВЕРТИ XVIII – ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XIX ВВ.

MAIN BUSINESS ACTIVITIES OF THE TYUMEN MERCHANTS IN THE LAST QUARTER OF THE 18TH – THE FIRST QUARTER OF THE 19TH CENTURIES

О развитии специализации предпринимательской деятельности тюменских купцов последней четверти XVIII – первой четверти XIX вв., основных занятиях тюменских купцов трёх гильдий, стремящихся к установлению монополии на вид деятельности или торговли конкретным товаром, либо к «дроблению» капитала.

The article discusses the process of development of the specialization of entrepreneurial activity of Tyumen merchants in the last quarter of the 18th – the first quarter of the 19th centuries. The main occupations of the Tyumen merchants of three guilds are singled out, striving to establish a monopoly on the type of activity or trade in a specific product, or to “split” capital.

Ключевые слова: Тюмень, Западная Сибирь, купечество, гильдии, капитал

Keywords: Tyumen, Western Siberia, merchants, guilds, fund

Основным направлением деятельности купечества в соответствии с законодательством была торговля, которая предусматривала передвижение товара и обеспечение всем необходимым местное население, а также поставку сибирской продукции на всероссийский рынок. Так, для тюменского купечества длительный период приоритетной была транзитная торговля, которая требовала больших капиталовложений и носила большой риск.

Характерной чертой местной торговли была её поэтапность: купец участвовал в стационарной (гостинные дворы и лавки), временной (ярмарки и базары), развозной и разносной торговле [10, с. 107]. Источники позволяют говорить об универсальности торговой деятельности

в целом, но для большей части тюменского купечества характерна связь с ремеслом и обрабатывающей промышленностью. Все вышеперечисленные формы торговли были в большей или меньшей мере представлены в Тюмени. После реформ Екатерины Второй часть тюменского купечества стала вкладывать средства в торговые помещения стационарного типа. Торговая лавка представляла собой недвижимое имущество, давала работу членам семьи купца, сбывала неликвидный или невостребованный на ярмарках товар. На 90-е гг. XVIII в. в Тюмени действовала 171 лавка, т. е. одна лавка приходилась на 34 жителя города. В XIX в. в лавке организуется постоянная торговля, что связано с сокращением участия местного купечества в транзитной торговле. Отметим, что тюменские купцы владели торговыми помещениями не только в городе, но и в сельской округе. В то же время в Тюмени уже не проводилось временных или сезонных торжков. По данным статистики, в Сибири на одну купеческую семью приходилось до двух торговых помещений, в Тюмени – четыре. В начале XIX в. стали появляться лавки, специализирующиеся на продаже определенных продуктов питания: мясные, хлебные, молочные и пр. В 1804 г. в тюменских торговых рядах находилось 142 лавки, в т. ч. меновые и хлебные [1].

Относительно новой формой торговой деятельности в указанный период становится развозно-разносная торговля. Сельские торговцы получали от тюменских купцов в долг продукты питания и промышленные товары и обменивали их на сельскохозяйственную продукцию. Данный тип торговли характеризовался распространением долговой зависимости и ростовщичества.

Тюменские купцы продолжали участвовать в коммерческих операциях на ярмарках, которые сохранили статус оптового поставщика, логистического центра для регионов. Для купечества Западной Сибири в целом можно выделить три основных направления в ярмарочной торговле в Ирбите, крепостях Сибирской линии, Кяхте. Каждое из этих направлений была представлена крупной ярмаркой, связывающей сибирскую торговлю с различными регионами страны, а также и иностранными государствами. Формально «расцвет» ярмарочной торговли наступил после принятия указа от 1783 г., по которому в каждом уездном городе должна быть организована ярмарка. В Тюмени ежегодная ярмарка была учреждена распоряжением Тобольского наместнического правления от 1787 г. и должна была предшествовать Ирбитской ярмарке. На Васильевскую ярмарку иногородние купцы попадали, следуя в Ирбит с товаром. Из-за того, что транзитные купцы стремились на Ирбитскую ярмарку, они не могли доставлять нужный для Тюмени сельской округи товар, поэтому с 1817 г. стала проводиться еженедельная торговля «сытными припасами» по субботам.

Отметим, что тюменское купечество также было участником Ирбитского торгового съезда. По сведениям 1808 г., из 125 западносибирских торговцев в Ирбите прибыло 17 тюменских купцов (13,6 %), в 1814 г. – 12, в 1816 г. – 11 [11, с. 17].

Кроме ярмарок тюменские купцы посещали торговые съезды в сельских населенных пунктах в базарные дни. Сюда купцы доставляли готовую продукцию, а закупали продовольствие и сырье для промышленных предприятий. Достоинство данной формы торговли заключается в том, что, во-первых, потребители могли приобретать необходимый товар напрямую у торговцев, во-вторых, базар был местом съезда сельских представителей (крестьян), которые привозили различный ассортимент товаров и устраивали большой торг [15, с. 45].

С 1780–1790-х гг. Тюмени удалось закрепить свои позиции в производстве, в том числе из-за возможности мелких производителей вступать в гильдии, что повышало их социальный статус [2]. Исследователи выделяют разные мотивы такого положения: у купцов появились свободные от торговых операций «лежачие деньги», переработанное сырье (зерно, сало, кожа) повышало стоимость товара на рынке и т. д. [9, с. 25].

Большое влияние на участие купечества в промышленном производстве оказывало происхождение:

1. Купцы из ремесленников, для которых промышленность оставалась главным занятием (Прасоловы, Барашковы, Проскураковы, Аласины, Пенъевские, Колмогоровы, Котовщиконы, Парфеновы и др.).

2. Купцы, вкладывающие капитал в куплю-продажу сырья (скота и сырых кож), а затем его переработку (П. Башарин, Л. Маслов, К. Прасолов и С. Прасолов).

3. Купцы, вкладывающие средства в промышленное производство для сохранения капитала.

Развитие производства способствовало повышению доходности товара и повышению социального статуса в городском обществе. При этом именно купцы из ремесленников стремились модернизировать промышленное предприятие, т. е. превратить его из ремесленной мастерской в предприятие мануфактурного или капиталистического типа [14, с. 554–555].

На предприятиях тюменских купцов производили красную, чёрную и белую юфть и подошвенную кожу. Как правило, производство определялось спросом потребителя: белая юфть обычно отправлялась в Западную Европу, красная поставлялась в Китай и в крепости Средней Азии, черная была «популярна» в Сибири [12, с. 156]. Отметим, что крупные производители старались вывезти товар за пределы Тобольской губернии, в этом случае их прибыль доходила до 20–30 тысяч рублей в год.

По данным источников, в 1809 г. из 67 130 кож из Тюмени: 33 % было вывезено в Киргизскую Степь, 27 % – в Кяхту на обмен с Китаем, 24 % – в Ирбит и Европейскую Россию, еще 16 % было продано в городе [13, с. 67]. В следующем году большие партии выделанной кожи были отправлены:

- на Ирбитскую ярмарку – В. Ф. Прасоловым, В. П. Проскураковым, М. Пеньевским, А. И. Аласиным, братьями Прасоловыми, братьями Барашковыми;
- в Кяхтинскую ярмарку – П. М. Башариным и Т. С. Барашковым;
- в Семипалатинскую и Троицкую крепости – В. Ф. Прасоловым, братьями Прасоловыми, братьями Барашковыми.

Вместе с тем, все вышеперечисленные тюменские купцы, за исключением В. Ф. Прасолова, продавали готовую продукцию на месте, т. е. в Тюмени [4].

В 1817 г. Тюмень заняла первое место среди поставщиков юфтевой кожи в Кяхту (23 791 шт.). К 1820 году купцы стали более тщательно выбирать пункты сбыта продукции по разным причинам: из-за поддержки исполнительной власти на местах, из-за возможности приобрести более дешевое сырье, из-за установления прочных деловых отношений с производителями сырья и т. д.

Расширению рынка сбыта способствовал начавшийся процесс превращения мелкотоварного производства в мануфактурное. Помимо ремесленных мастерских образованы мелкокустарные предприятия с условным разделением труда, применением труда надомников, наемных работников.

Прежде всего, такие предприятия возникли в кожевенной промышленности. Из кожевников вышло наиболее крупное местное купечество. За весь рассматриваемый период в Тобольской губернии насчитывалось 69 кожевен, из них 41 в Тюмени относились к купеческим. В 1807 г. тюменским купцам принадлежало 11 кожевенных предприятий (из 13 по Тобольской губернии), в 1809 году – 26, в 1812 – 10, в 1819 г. – 10, в 1820 г. – 24, в 1823 г. – 22 [5].

Лидерами по владению кожевенными предприятиями были купеческие семьи: Прасоловы, Барашковы, Башарины, Аласины, Проскураковы, Колмогоровы и Пеньевские. Одно из самых первых предприятий появилось в 1738 г. у Прасоловых, самые крупные кожевни Барашковых – в 1786 г., у А. Аласина – в 1790 г. [3].

Развитие производства из мелко-кустарного до крупного характерно для многих представителей тюменских купеческих династий. Мастерская по выделке кож упоминается еще до 1738 г. у ремесленника И. Прасолова, который сам занимался производством и сбытом продукции. Его сыновья и внуки, расширив производство, направляли товар не только на внутренний рынок, но и внешний [4]. Сыновья Семена Ивановича – Сила и Иван, стали владельцами кожевенного предприятия с 9 постоянными рабочими и 10 надомными, которые в год производили 8 тыс. (1809 г.) – 13 тыс. (1817 г.) кож [7]. По данным региональной статистики, предприятие Прасоловых в 1817 г. занимало первое место по производительности, второе по оснащенности (30 дубильных чанов) и количеству рабочих (19 чел.) [8]. Кожевня В. Ф. Прасолова обрабатывала ежегодно от 5 до 8,3 тыс. кож [13, с. 56–60].

На протяжении изучаемого периода 29 тюменских семей цеховых записались в гильдии, среди которых также замечено накопление капитала на основе перехода мелкотоварного промысла в (полу)капиталистическое производство. Это семьи тюменских купцов Рогожниковых, Барашковых, Парфеновых, Щетининых, Гневашевых, Сорокиных.

Барашковым удалось дорасти до купцов-мануфактуристов, что вообще не было характерно для бывших цеховых. В 1786 г., по согласованию с местной администрацией, было открыто первое предприятие в кожевенной отрасли Барашковым, на котором производилось около 300 кож в год [6]. Расширением производства занялись сыновья – Иван и Егор Васильевичи. Им удалось довести общий объем произведенной продукции до 10 тыс. кож в год. Необходимые материалы частично привозились из торговых поездок, частично обменивались в Тюмени на готовую продукцию у иногороднего купечества. Барашковым удалось организовать малозатратное совместное производство, что позволило расширить производство.

Из мещан, занимающихся ремесленным производством, в купечество записались Аласины, Решетниковы, Пеньевские, Колмогоровы и др. Начинали они с обычного кожевенного производства, построенного на принципе семейной кооперации, в процессе накапливали капитал, изучали направления рынков сбыта, куда постепенно вывозили свою продукцию, расширяли обороты производства.

Нередко в структуре деятельности купеческой семьи было несколько направлений, которые сочетались друг с другом, но одно направление было базовым, а остальные выступали как дополнительные. Это связано с целями создания производства как занятия для членов семьи, т. е. на предприятии не было наемных работников. Купцы Башарины получили свой капитал, совершая торговые сделки с китайскими и среднеазиатскими торговцами [13, с. 58]. Еще одним источником получения капитала стала женитьба на купеческой дочери Авдотье Прасоловой. К концу XIX в. Башарины владели торговыми помещениями, кожевенными и салотопными заводами, вели оптовую торговлю по Сибирской и Оренбургской линиям.

Кроме того, кожевенное производство вызвало появление салотопен и мыловарен в Тюмени, сырьем для которых было сало-сырец и отходы кожевен. Поэтому Тюмень занимала второе место по количеству салотопен, которые составляли 36,4 % от общего числа предприятий в Тобольской губернии. Более 20 тысяч пудов сала вытапливалось на кожевню тюменского купца С. Маслова, сыновья которого организовали мыловаренное производство. Однако салотопное производство было дополнительным направлением в деятельности купцов, по сравнению с торговлей или кожевенным производством. Для Башариных, Проскуряковых, Парфеновых салотопни стали частью больших промышленных комплексов, центром которых была кожевня. Поэтому при необходимости сокращения производства по разным причинам купцы закрывали или консервировали данные предприятия. Для купцов 3-й гильдии Ф. Степанова, братьев Масловых мыловаренное производство, как правило, было основным направлением деятельности, а мастерами или управляющими выступали сами владельцы, они же занимались сбытом продукции [16, с. 64].

Таким образом, предпринимательство тюменского купечества исследуемого периода охватывало торговлю, промыслы, промышленность. Своеобразие предпринимательства тюменских купцов объясняется географическими, экономическими, социальными условиями. Кроме того, для купцов определенных гильдий в этой области характерны свои особенности: купцы первых двух гильдий стремились «охватить» своим капиталом различные отрасли хозяйства; представители третьей гильдии предпочитали иметь главную статью вложения средств, а остальные использовать как дополнительные. Подобная картина четко проявляется в занятиях элиты купеческого общества Тюмени.

Литература

1. Государственный архив Тюменской области. Ф. И-2. Оп. 1. Д. 996. Л. 12–15 об.
2. Государственное бюджетное учреждение Тюменской области Государственный архив в г. Тобольске (далее – ГБУТО ГА в г. Тобольске). Ф. 329. Оп. 2. Д. 88. Л. 37 об. – 40.

3. ГБУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 329. Оп. 13. Д. 714. Л. 57–75.
4. ГБУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 329. Оп. 13. Д. 376. Л. 75–76, 79–82, 87–94, 97–98.
5. ГБУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 329. Оп. 541. Д. 376. Л. 24–25, Л. 207–208.
6. Российский государственный архив древних актов (далее – РГАДА). Ф. 271. Оп. 1. Д. 634. Л. 928–931 об., 1055 об.
7. РГАДА. Ф. 397. Оп. 1. Д. 445/60. Л. 2 об.
8. Российский государственный исторический архив. Ф. 18. Оп. 2. Д. 222. Л. 39 об–40.
9. Голикова Н. В. Кредит и его роль в деятельности русского купечества в начале XVIII века // Русский город: исследования и материалы. М. : Изд-во Моск. ун-та, 1979. Вып. 2. С. 161–197.
10. Жиров А. А. Провинциальное купечество Сибири: на материалах тарского купечества второй половины XVIII – начала XX веков : дис. ... канд. ист. наук. Омск, 2000.
11. Задорожная О. А. Ирбитская ярмарка и купечество Тобольской губернии (последней четверти XVIII – первой половины XIX вв.) // Северный регион: наука, образование, культура. 2017. № 2. С. 16–20.
12. Клюева В. П. Городские сословия Тобольской губернии в XVIII – первой трети XIX века : дис. ... канд. ист. наук. Тюмень, 2000.
13. Копылов Д. И. Развитие капиталистических отношений в кожевенной промышленности Западной Сибири XVIII – первой трети XIX вв. // Из истории Сибири. Томск, 1975. Вып. 17. С. 48–71.
14. Разгон В. Н. Сибирское купечество в XVIII – первой половине XIX в. Барнаул : Изд-во АГУ, 1999. 660 с.
15. Старцев, А. В. История предпринимательства в Сибири (XVII – начало XX в.). Барнаул : Изд-во АГУ, 1999. 215 с.
16. Шпалтаков В. П. Формирование и развитие рыночного хозяйства в Западной Сибири в первой половине XIX в. Омск : Литограф, 1997. 304 с.

Раздел II СИБИРЬ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XX ВЕКА

УДК 94(47).084.6 «1930-33»

Алексеева Л. В.
Alekseeva L. V.

ЭТАПЫ ССЫЛКИ НА СЕВЕР ЗАПАДНОЙ СИБИРИ И ЧИСЛЕННОСТЬ РЕПРЕССИРОВАННЫХ КРЕСТЬЯН (РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ)

STAGES OF EXILE IN THE NORTH OF WESTERN SIBERIA AND THE NUMBER OF REPRESSED PEASANTS (RESEARCH RESULTS)

В статье представлены результаты исследования крестьянской ссылки на Север Западной Сибири (1930–1933 гг.) в границах современных автономных округов – Ямало-Ненецкого и Ханты-Мансийского. Главное внимание уделено уточнению этапов переселения и численности, отправленных к месту ссылки крестьян и их наличной численности в местах расселения.

The article presents the results of a study of peasant exile to the North of Western Siberia (1930-1933) within the borders of the modern autonomous districts – Yamalo-Nenets and Khanty-Mansiysk. The main attention is paid to clarifying the stages of resettlement and the number of peasants sent to the place of exile and their available numbers in the places of settlement.

Ключевые слова: крестьянская ссылка, спецпереселенцы, этап, численность, округ
Keywords: peasant exile, special settlers, stage, number, district

Территории современных Ханты-Мансийского (в 1930-х гг. – Остяко-Вогульского) и Ямало-Ненецкого округов в начале 1930-х гг. стали местом расселения репрессированных крестьян с Урала и других районов западной части СССР. Выселенные на Север насильственным порядком десятки тысяч крестьян должны были обеспечить хозяйственное освоение края. Для власти, с одной стороны, они были необходимой рабочей силой, а с другой, спецконтингентом, осложнявшим процессы переустройства региона, рассматриваемым как неблагонадежная часть населения, которое к основному населению не относили и отправили их сюда на трудовое идеологическое «перевоспитание».

По характеру депортация крестьян являлась экстраординарной ссылкой –бессрочный семейный характер в соединении с принудительным трудом. Формально крестьяне-спецпереселенцы и члены их семей, не лишаясь свободы, утрачивали гражданские и политические права, в том числе право на свободу передвижения. Статусные параметры спецпереселенцев из-за пробелов в законодательстве определялись зачастую должностными лицами карательной системы, а также местными руководителями органов партийной и советской власти и начальниками многочисленных различных хозяйственных организаций (кооперация, рыбтрест, лестрест, колхозы и др.) под свои цели и задачи.

В изучении темы крестьянской ссылки на Север Западной Сибири можно выделить два этапа. Первый – советский и особенно последние годы существования СССР; второй – постсоветский, когда уже был создан основной массив литературы.

Первые работы, в которых затрагивалась тема спецпереселенцев, появились еще в советский период, однако в них сложно было объективно отразить происходившие процессы, что подчеркивается известным специалистом по теме Н. М. Игнатовой [8, с. 160]. Новый этап в изучении темы начался в годы перестройки. Одним из первых к теме спецпереселенцев

Севера Западной Сибири тогда обратился проф. Ю. П. Прибыльский, представивший некоторые данные о численности крестьян, отправленных на Тобольский Север [20].

Второй этап в исследовании темы, начавшийся в 1992 г., продолжается до настоящего времени. По материалам Уральской области, в 1990-х гг. появились работы курганских ученых И. Е. Плотникова [18, 19] и А. А. Базарова [5], в которых приводились некоторые данные о ссылке в северные районы Уральской области. Были опубликованы и статьи, в которых на материалах национальных округов северо-западной Сибири рассматривались сюжеты, посвященные спецпереселенцам [11]. Н. И. Загороднюк описала этапы ссылки, численность крестьян и роль спецпереселенцев в развитии хозяйства и различных отраслей экономики края [6], в 1999 г. ею была защищена кандидатская диссертация на этом материале [7].

Последние два десятилетия изучение крестьянской ссылки в северные районы Уральской области продолжается: опубликованы несколько статей, материалы исследований по истории ссылки и переселений, трудового использования крестьян-спецпереселенцев, их социально-экономического положения легли в основу монографий и докторской диссертации [1], однако тема была изучена весьма неравномерно, много оставалось неизвестных фактов, некоторые из них требовали уточнения и верификации.

Существенный вклад в изучение ссылки в Югру темы внесли В. В. Мошкин и Н. А. Михалев, исследовавший ссылку на Ямал в рамках комплексной темы «Население Ямала» в опубликованных кандидатских диссертациях [12, 16], статьях и монографиях [13–15, 17].

Для второго десятилетия XXI в. характерно обращение к теме ссылки с целью уточнения имеющихся научных данных, восполнения недостающих сведений, расширения и углубления контента как на общероссийском материале, так и в региональных исследованиях [9, 10, 21, 22].

Несмотря на существенное продвижение в изучении темы, одним из дискуссионных вопросов остается количество ссыльных на момент выселения, этапы ссылки на Север Тобольского округа и выявление числа «кулаков» в ссылке, поскольку количество побегов, уровень смертности от болезней, травм и голода остаются неизвестными. Без этих данных масштабы трагедии крестьянства представляются неполными. В последние годы удалось уточнить численность крестьянской ссылки в округ согласно установленным этапам. В частности, впервые представлены новые данные по численности крестьян первого (1930 г.) и второго этапов ссылки (1931 г.) [2–4], но вопрос, был ли третий этап ссылки (1932 г.)? В этих работах рассмотрены малоизученные и дискуссионные вопросы крестьянской ссылки в Остяко-Вогульский и Ямало-Ненецкий округа (планы по переселению, количество отправленных в ссылку, транспортировка и размещение; фактическое наличие спецпереселенческого контингента, его доля в численности населения национальных округов в 1930–1933 гг.). Исследован и третий этап ссылки, что позволило сформулировать вывод, что массового переселения крестьян в регион в 1932–1933 гг. не предпринималось, но переселенческая акция имела место. Результаты исследования обобщены в монографии [4].

Территории Остяко-Вогульского и Ямало-Ненецкого округов входили в начале процесса спецпереселений (1930-й год) в состав Тобольского округа Уральской области, который и стал одним из базовых регионов их размещения.

Ссылка крестьян на Север Западной Сибири проходила в три этапа. Наиболее многочисленный контингент был отправлен *на первом этапе* – в 1930-м году. Он включал транспортировку зимой (февраль-март 1930 г.) и летом (с 20 мая до октября 1930 г.). Установлена численность отправленных крестьян в соответствии с указанными этапами: 22 107 спецпереселенцев были отправлены к месту ссылки зимой, и 14 100 человек – летом, водным путем.

Второй этап крестьянской ссылки на Север – лето 1931 г. Транспортировка «кулаков» в 1931 г. к месту ссылки осуществлялась только в навигацию. Установлено, что в 1931 г. было отправлено 11 847 человек. Общее число спецпереселенцев по двум национальным округам (сосланных в 1930–1931 гг.) составило 48 299. Следовательно, вывод, которого придерживались исследователи ранее, что в 1931 г. сослали больше, чем в 1930 г., правилен для Уральской области в целом, но не для исследуемого региона. Массовое переселение раскулаченных крестьян на Север Западной Сибири осуществлялось, таким образом, в два этапа: 1930, 1931 гг.

Третий этап крестьянской ссылки в национальные округа – лето 1932 г., когда было завезено не более 2 тыс. человек. Следовательно, общее число завезенных спецпереселенцев составляло за три этапа ссылки около 50 тыс. человек.

В исследовании уточнены данные по численности населения округов, выявлена доля в них спецпереселенцев. Население Остяко-Вогульского округа составляло в конце 1930 г. 64 483 человека (29 000 – спецпереселенцы), а Ямало-Ненецкого – 23 000 (5 305 – спецпереселенцы). На 1 января 1933 г. население Остяко-Вогульского округа насчитывало 79 845 человек (спецпереселенцы – 32 208), а Ямало-Ненецкого – 26 668 (спецпереселенцы – 5 500).

Ссылка осуществлялась с большой жестокостью. Людей привозили в необжитые места, селили где придется, поэтому первые годы жизни в ссылке оказались драматичными – люди погибали от голода, холода, болезней, травм. Установлено, что сокращение числа спецпереселенцев произошло на треть в 1932 г. к общему числу завезенных в период 1930–1932 гг.

1930–1932 гг. – время, когда наряду с вопросами национально-государственного строительства проходило формирование режимной среды (системы спецпоселений) в национальных округах. В средствах массовой информации и публичных документах, рапортовавших об успехах в развитии сельского хозяйства, заготовках рыбы и леса, о спецпереселенцах не упоминалось. А ведь в 1930 г. каждый второй житель в регионе – это спецпереселенец. На данном этапе проходило массовое строительство новых поселков, оформлялись их нормативно-правовое положение и основные принципы застройки. Следует подчеркнуть, что при организации районов расселения специально выбирались места, откуда в силу природных условий побег был бы весьма затруднительным. Всего возникло около 150 спецпоселков, однако уже к концу 1932 г. их количество уменьшилась в три раза, и главная причина – демографические потери и побег спецпереселенцев, что привело к сокращению их численности (табл.).

Таблица

Динамика численности спецпереселенцев по национальным округам в 1930–1934 гг.

Национальный округ	Год				
	1930	1931	1932	1933	1934
Остяко-Вогульский	29 000	39 138	31 390	32 208	23 300
Ямало-Ненецкий	3 042	3 687	3 500	5 500	8 700

Сведения, систематизированные в таблице, позволяют увидеть рост численности спецконтингента в Остяко-Вогульском округе в период массового завоза спецпереселенцев, происходившего в 1930–1931 гг. Перераспределение спецпереселенцев из этого округа на Ямал, высокий уровень смертности и побег привели к существенному сокращению их численности в 1932–1934 гг. Потеря спецконтингента на Ямале произошла в первый год ссылки, когда от числа отправленных сюда 9 тыс. крестьян осталась треть. Далее, за счет вселения из расформированных спецпоселков Остяко-Вогульского округа и новых спецпереселенцев, а также в связи с использованием сезонного контингента в 1933–1934 гг. наблюдается увеличение их численности в округе.

Спецпереселенцы представляли важную производительную силу для хозяйства национальных округов. В рыбной и лесной промышленности, строительстве, сельском хозяйстве спецпереселенцам принадлежало важное место, а иногда и определяющее. Увеличение рабочей силы в этих отраслях хозяйства положительно отразилось на динамике производства. Спецпереселенцы, завезенные в регион в 1930 г., главным образом предназначались для работы на лесозаготовках, затем на рыболовстве. Спецпереселенцы, прибывшие в 1931 г., предназначались в первую очередь для работы в рыбтресте – 50 %. Другая половина распределялась примерно поровну между лесным и сельским хозяйством. Плохое питание в ссылке (по сути, голод), обусловленное нехваткой продовольственных ресурсов в рамках централизованного снабжения, заставило органы власти предпринять попытку развития сельского хозяйства

в регионе, неблагоприятном для земледелия. В связи с этим Кондинский район Остяко-Вогульского округа стал первым на Севере Западной Сибири, предназначавшимся под сельскохозяйственную колонизацию.

Вектор последующих исследований темы должен быть направлен на изучение проблем адаптации в ссылке, семейных историй спецпереселенцев. Остаются неизученными формы сопротивления «раскулаченных» крестьян в условиях несвободы. Требуют дальнейшего исследования вопросы демографии (рождаемость, смертность, брачность). Малоизученным аспектом остается тема детей в ссылке, которая требует разностороннего исследования.

Литература

1. Алексеева Л. В. Северо-Западная Сибирь в 1917–1941 гг.: политическая, экономическая и культурная трансформация : моногр. Нижневартовск : Изд-во НГГУ, 2006. 390 с.
2. Алексеева Л. В. Начало «кулацкой ссылки» на Тобольский север (1930) // Науч. диалог. 2020. № 4. С. 238–252.
3. Алексеева Л. В. Второй этап крестьянской ссылки на Север Западной Сибири (1931 г.): малоизученные и дискуссионные вопросы // Финно-угорский ежегодник. 2021. Вып. 15. С. 294–305.
4. Алексеева Л. В. Репрессированные крестьяне на Севере Западной Сибири в пространстве формирования национальных округов. 1930–1933 гг. : моногр. Москва : РУСАЙНС, 2022. 206 с.
5. Базаров А. А. Дурелом, или господ колхозники. Курган : Зауралье, 1997. Кн. 1. 413 с.
6. Загороднюк Н. И. Роль спецпереселенцев на Обском Севере // Югра. 1996. № 10. С. 34–35.
7. Загороднюк Н. И. Ссылка крестьян в Северо-Западную Сибирь. 1929–1940 гг. : дис. ... канд. ист. наук. Омск, 1999. 187 с.
8. Игнатова Н. М. Историография принудительных миграций // Вопр. истории. 2018. № 6. С. 159–168.
9. Игнатова Н. М., Михалев Н. А. «Кулацкая ссылка» на территории Республики Коми и Ямало-Ненецкого автономного округа в первой половине 1930-х гг.: размещение и численность // Изв. Коми науч. центра УрО РАН. Сыктывкар : КНЦ УрО РАН, 2013. Вып. 4. С. 98–102.
10. Козырева Т. В. Теоретическое и историческое осмысление социального феномена «принудительная миграция» // Вестн. угроведения. 2015. № 4.
11. Кондрашова Л. Н. Крестьянская ссылка в Остяко-Вогульском округе в 1930-е гг. // Югра. 1994. № 2. С. 36–40.
12. Михалев Н. А. Население Ямала в первой половине XX в: историко-демографические процессы : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Екатеринбург, 2008. 28 с.
13. Михалев Н. А. Население Ямала в первой половине XX в: историко-демографические процессы : моногр. Екатеринбург : УрО РАН, 2010. 196 с.
14. Михалев Н. А. «Кулацкая ссылка» на территории Ямало-Ненецкого округа в первой половине 1930-х гг.: численность, размещение, условия жизни // Пять столетий Югры. Проблемы и решения, итоги и перспективы : моногр. / под общ. ред. Л. В. Алексеевой. Нижневартовск : НГГУ, 2011. 279 с.
15. Михалев Н. А. Спецпереселенцы на Ямале в 1930-е гг. // История сталинизма: крестьянство и власть : материалы междунар. науч. конф. Екатеринбург, 29 сентября – 2 октября. Москва : РОСПЭН, 2011. С. 275–282.
16. Мошкин В. В. Крестьянская ссылка на Обь-Иртышский Север. 1930–1933 гг. : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Томск, 2008. 23 с.
17. Мошкин В. В. Ссылка крестьян на Север в 1930–1933 гг.: на материалах Ханты-Мансийского автономного округа. Нижневартовск : НГГУ, 2008. 189 с.

18. Плотников И. Е. Как ликвидировали кулачество на Урале // Отечественная история. 1993. № 4. С. 159–167.
19. Плотников И. Е. Ссылка крестьян на Урал в 1930-е гг. Документы из архивов // Отечественная история. 1995. № 1. С. 160–179.
20. Прибыльский Ю. Спецпереселенцы // Тюмен. правда. 1988. 14 декабря.
21. Скипина И. В., Чекрыгина Е. А. Документы 1930-х гг. о спецпереселенцах на Обском Севере в фондах Государственного архива Тюменской области // Вестн. КГУ им. Н. А. Некрасова. 2015. № 6. С. 33–37.
22. Харина Н. С. Социальные аспекты хозяйственно-бытовой жизни спецпереселенцев на территории Ханты-Мансийского автономного округа – Югры // Историч. и социал.-образоват. мысль. 2018. Т. 10. № 5. С. 157–164.

УДК 347.918(091)(574.11)

Билль М. В.
Bill M. V.

МЕСТО ГОСУДАРСТВЕННОГО АРБИТРАЖА УРАЛЬСКОЙ ОБЛАСТИ В СИСТЕМЕ ОРГАНОВ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ СССР

THE PLACE OF THE STATE ARBITRATION OF THE URAL REGION IN THE SYSTEM OF STATE AUTHORITIES OF THE USSR

Статья посвящена анализу исторических процессов, а также социально-экономических факторов, повлиявших на отведение Государственному арбитражу СССР в целом и Государственному арбитражу Уральской области в частности особого места в системе органов государственной власти СССР.

The article is devoted to the analysis of historical processes, as well as socio-economic factors that influenced the allocation of the USSR State Arbitration in general and the Ural Region State Arbitration in particular a special place in the system of state authorities of the USSR.

Ключевые слова: история, СССР, ХМАО-Югра, Арбитражные комиссии, Государственный арбитраж, Уральский регион, арбитражное разбирательство

Keywords: history, USSR, ХМАО-Yugra, The Arbitration Commissions, The State Arbitration, Ural region, the arbitration proceedings

Вопрос о природе Государственного арбитража и его месте в системе органов государственной власти возник практически сразу после его создания. Являясь органом по разрешению имущественных споров между учреждениями, предприятиями и организациями обобществлённого сектора для обеспечения укрепления договорной и плановой дисциплины, а также хозрасчёта, Государственный арбитраж наделялся, в том числе, такими полномочиями, как право возбуждать дела по собственной инициативе в случаях документального установления нарушения договорной дисциплины; право требовать от всех учреждений, предприятий и организаций представления необходимых документов, сведений и материалов, вызывать должностных лиц для объяснений, назначать экспертизы; право налагать на руководителей хозяйственных органов и главных бухгалтеров денежное взыскание в случае обнаружения при рассмотрении дела запущенности бухгалтерского учёта, неправильной организации отчётности и т. д. [9].

Введённый в 1921 г. для налаживания экономической и политической обстановки в стране НЭП не обеспечил скорого улучшения в названных сферах. Уровень жизни населения в целом также не демонстрировал какого-либо существенного роста. Вместе с тем, обнаружилось ухудшение положения рабочих и служащих. Так, в 1923 г. было проведено 444 забастовки, из них 155 забастовок шахтёров и 117 – металлистов [4, с. 14]. Продолжался рост безработицы. В настоящее время отечественные исследователи сходятся во мнении, что в первой половине 1920-х гг. наблюдался стабильный рост безработицы, при этом приводятся следующие данные по количеству безработных: от 58 до 266 тыс. – в 1922 г. и от 400 тыс. до 1,1 млн – в 1925 г. [4, с. 395].

Кризисные проявления в экономике в период НЭПа демонстрировали, что экономическое развитие протекает крайне низкими темпами. Попытки преодоления кризисных явлений в 1924–1925 гг. не обеспечили желаемого эффекта. Одной из ключевых экономических проблем периода НЭПа стала проблема хлебозаготовок.

В 1926 г. начинается период свертывания НЭПа на фоне начавшейся индустриализации. Начало было положено решениями XV партийной конференции 1926 г. Основная задача экономического развития была сформулирована следующим образом: «Нагнать и перегнать уровень индустриального развития передовых капиталистических стран».

В целом форсированный характер индустриализации в современной историографии рассматривается с учетом последующих внешнеполитических событий. В связи с этим А. С. Сенявский отмечает, что любая постепенная кооперация могла растянуться на десятилетия, но у страны этого времени просто не было.

Н. В. Устрялов в 1930 г. писал: «Индустриализация в порядке дня. Наступление на рельсах нэпа. Между тем последний исчерпывает себя. Он имманентно нуждается в углублении, а его теснят и сокращают. Реконструкция национального хозяйства немислима без крайнего напряжения подъёмной силы народа. Либо нужно продолжать и, следовательно, расширять нэп, ставя ставку на частную заинтересованность и личную предприимчивость в деле воссоздания народного хозяйства, либо приходится понуждать население к новым жертвам, взывать к его революционному долгу, перестраивать всю систему на военно-подобный манер» [7, с. 78].

Программа индустриализации осуществлялась под руководством Госплана СССР, который, возникнув 21 августа 1923 г. на основе Государственной комиссии по электрификации России, приступил к разработке единого экономического плана страны, выпустив директивы на 1925–1926 гг., определяющие ориентиры по всем отраслям экономики. В 1928 г. Госплан СССР приступил к реализации первого пятилетнего плана, направленного на индустриализацию страны, объединяя в себе функции высшего экспертного органа в экономике и научно-координационного центра.

Кредитная реформа, проводимая в 1931 г., окончательно укоренила плановое ведение хозяйства и специфическую форму расчётов между хозяйствующими субъектами (хозрасчёт), поскольку финансирование советских предприятий теперь осуществлялось главным образом за счёт выделяемых государством средств без возможности использования коммерческого кредита.

20 марта 1931 г. было принято постановление СНК СССР № 229 «Об изменении в системе кредитования, укрепления кредитной работы и обеспечении хозяйственного расчёта во всех хозяйственных органах», согласно которому для рассмотрения споров, связанных с материальной ответственностью по обязательствам хозяйственных органов, предусматривалось создание Государственного арбитража [10].

Как указывают Ю. В. Сангарджиева и Д. В. Воронин, «принятие Положения 1931 г. завершило «нэповский» период развития институтов арбитража и ознаменовало переход к плановому этапу состязательных основ правосудия» [3].

В контексте места Государственного арбитража при СНК СССР в системе органов власти советского государства необходимо отметить, что согласно Конституции СССР 1936 г. Совет Народных Комиссаров, при котором был учреждён Государственный арбитраж, являлся высшим органом исполнительной власти в СССР.

Подобное положение вещей сохранялось и на республиканском уровне. Е. С. Андреева указывает, что «в соответствии с Положением о государственном арбитраже, в РСФСР, УССР, БССР, Казахской, Грузинской и Латвийской союзных республиках были впоследствии приняты Положения о государственном арбитраже, как о системе в целом, для республики. В Узбекской, Литовской, Киргизской, Таджикской, Армянской и Эстонской союзных республиках были приняты Положения о государственных арбитражах, действовавших при СНК этих союзных республик. В Азербайджанской, Молдавской и Туркменской ССР Положения о Госарбитражах не принимались, но постановлениями, которыми учреждались государственные арбитражи при СНК этих республик, устанавливалось, что государственные арбитражи действуют на основе общесоюзного Положения о государственном арбитраже» [1, с. 42–43].

8 декабря 1931 г. было утверждено создание ведомственных арбитражей Постановлением СНК СССР «О мерах укрепления работы органов Государственного арбитража при СНК СССР» [11]. В числе первых ведомственных арбитражей начали функционировать: Арбитраж ВСНХ СССР, арбитражи ВСНХ Союзных республик, а также арбитражи областных и краевых советов народного хозяйства. Арбитражи в дальнейшем были созданы и при других народных комиссариатах. Е. С. Андреева отмечает, что «после разделения ВСНХ начали работать ведомственные арбитражи во вновь организованных наркоматах тяжёлой, лёгкой и лесной промышленности. Возникли арбитражи и в кооперации, в частности в системе потребительской промысловой кооперации» [1, с. 40].

25 июня 1931 года Президиум Уральского областного исполнительного комитета принял постановление № 67 «Об организации Государственного арбитража в Уральской области». Была ликвидирована Областная арбитражная комиссия и создан Государственный арбитраж Уральской области, рассматривавший соответствующие категории дел с участием советских предприятий, находящихся на территории Остяко-Вогульского национального округа. Это был предшественник нынешних Арбитражных судов Свердловской области и Ханты-Мансийского автономного округа – Югры. Первым Главным арбитром государственного арбитража Уральской области 25 июня 1931 года был назначен Румянцев Александр Михайлович.

Система органов Государственного арбитража на всех уровнях, от всесоюзного до местного, была интегрирована в структуру органов исполнительной власти и находилась в их ведении, начиная от СНК СССР и заканчивая областными и краевыми народными комиссариатами, а также ведомствами, находящимися в подчинении у вышеперечисленных органов. По данному вопросу в своём диссертационном исследовании В. Н. Можейко отмечал: «Как видно из постановлений правительства ССР об организационном построении Министерств, из положений о ведомственных арбитражах, эти арбитражи находятся в составе министерств и государственных учреждений в качестве самостоятельной их части, отдела» [5, с. 155].

Следует отметить, что хотя арбитражи формально и не входили в систему органов судебной власти, но основная их функция всё же была связана с разрешением в судебном порядке споров, возникающих между предприятиями и учреждениями обобществлённого сектора экономики. Совокупность данных свойств органов арбитража возникла по причине вышеописанной потребности в скорейшем, форсированном увеличении темпов экономического развития. Как отмечает Д. В. Воронин: «Среди причин, обусловивших возникновение органов, специализирующихся на рассмотрении споров в области экономики, основное место занимает временная составляющая, то есть потребность в скором, менее формализованном процессе рассмотрения споров» [3].

Касательно полномочий Государственного арбитража на возбуждение дел по собственной инициативе В. Н. Можейко писал: «Постановление правительства от 08 декабря 1931 г. предоставило Госарбитражу право, не ограничивая своей работы спорами, передаваемыми в арбитраж хозяйственными организациями, возбуждать дела по собственной инициативе. Такое же право ведомственных арбитражей вытекает из характера работы их как органов хозяйственного руководства и построения их на основе принципов организации Госарбитража» [6].

В данном высказывании обращает на себя внимание характеристика Государственного арбитража в качестве органа «хозяйственного руководства». Из него следует, что сами работники государственного арбитража, в данном случае в лице В. Н. Можейко, занявшего впоследствии должность Главного госарбитра, воспринимали данный орган как не вполне судебный, но оправданно имеющий расширенные полномочия.

Бюллетень Госарбитража при СНК СССР № 1 за 1932 г. содержит следующий пример принятого решения: «для того, чтобы устранить безответственность центральных органов объединений, сделать реально ответственным за недопоставку не только отдельное предприятие, но и объединение в целом, по гендоговору ЦУС НКПС – Стальсбыт было принято следующее решение: «В случае заявления НКПС о невыполнении филиалом или заводом Стальсбыта обязательств, принятых им на себя по реализации локального договора, Стальсбыт обязан перенести выполнение этого обязательства на другой завод или филиал, а в случае невозможности, войти через президиум ВСНХ СССР в правительство с докладом об этом» [8]. При этом в бюллетене следующим образом поясняется логика принятого решения: «Установление ответственности объединения в такой форме, не создавая недопустимого дублирования ответственности, не снимает ответственности с неисправного предприятия, а только изменяет организацию, перед которой он несёт ответственность. В данном случае пеню и неустойку вместо ЦУС НКПС получает одно из предприятий Стальсбыта» [8].

Приведённый пример принятого Государственным арбитражем при СНК СССР решения содержит предписания нехарактерные для исключительно судебного акта. Фактически Государственным арбитражем в рассматриваемом решении реализуются полномочия исполнительно-распорядительного органа, такие как: изменение лица, обязанного нести ответственность за ненадлежащее исполнение договорных обязательств, выдача указания по осуществлению деятельности, напрямую не связанной с исполнением договора (предоставление доклада правительству через ВСНХ СССР). Полагаем, что допустимо сделать вывод о том, что приведённый пример судебного акта отражает случай выполнения Госарбитражем управленческой функции по отношению к лицам, участвующим в судебном разбирательстве. Тем не менее, вынося рассматриваемое решение, Государственный арбитраж при СНК СССР реализовывал главным образом функцию судебного органа, а именно – рассмотрение спора по существу. Считаем, что совокупность названных фактов позволяет утверждать о смешанности функций Государственного арбитража, объединяющих в себе характерные как для органов судебной, так и исполнительной власти.

Отнесение к компетенции Государственного арбитража (помимо разрешения споров между хозяйствующими субъектами) инструктирования предприятий и организаций по вопросам осуществления их деятельности; выработки нормативных документов по осуществлению деятельности нижестоящих органов, входящих в систему госарбитража; влияния на процесс заключения договоров и составления их условий; проверки бухгалтерской и иной финансово-экономической документации предприятий и учреждений; сигнализации в компетентные органы о случаях выявленных нарушений, а также наделение Государственного арбитража правом возбуждать судебные производства по собственной инициативе было продиктовано необходимостью форсированного развития советской экономики. Переход к административно-командной экономике, основанной на принципе государственного планирования для скорейшего достижения целей индустриализации, привёл к необходимости создания Государственного арбитража. Названные исторические реалии, выражающиеся в экономических и социальных процессах, определили место Государственного арбитража в системе органов государственной власти советского государства как органа смешанной природы, отвечающего вызовам времени и целям государственного развития.

Литература

1. Андреева Е. С. Становление и развитие арбитражных судов в России в период с 1922 г. по 1993 г.: историко-правовой аспект : дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2002. 197 с.

2. Воронин Д. В. Развитие института Государственного арбитража и его влияние на советскую экономику: союзно-республиканский и региональный аспекты. 1922–1991 гг. : дис. ... док. ист. наук. Кемерово, 2016. 553 с.
3. Воронин Д. В. Система государственного арбитража в экономике СССР в 1930-е годы // Контурь глобальных трансформаций: политика, экономика, право. М., 2013. С. 133.
4. Жуков Ю. Н. Обратная сторона НЭПа. Экономика и политическая борьба в СССР. М., 2014. 445 с.
5. Можейко В. Н. Государственный арбитраж в СССР. Создание, задачи, природа, построение, компетенция государственного и ведомственного арбитража в советском хозяйстве, некоторые вопросы арбитражного процесса : дис. ... канд. юр. наук. Москва, 1958. 452 с.
6. Можейко В. Н. Удачный опыт // Бюл. Госарбитража при СНК СССР. № 10. М. : Сов. законодательство, 1933. –С. 9.
7. Устрялов Н. В. На новом этапе. Шанхай. 1930. 43 с.
8. Преддоговорные споры в госарбитраже при СНК СССР // Бюл. Госарбитража при СНК СССР. № 1. М. : Сов. законодательство, 1932. 24 с.
9. СЗ СССР. 1931. № 26, ст. 203.
10. СЗ СССР. 1931. № 18, ст. 166.
11. СЗ СССР. 1931. № 70, ст. 470.

УДК 908:796

Ермолаев А. В.
Ermolaev A. V.

ИСТОРИЯ СТАНОВЛЕНИЯ СПОРТА В СУРГУТЕ И СУРГУТСКОМ РАЙОНЕ В 1918–1939 гг.

HISTORY OF SPORT IN SURGUT DISTRICT IN 1918-1939

В статье на основе изучения документов архивов г. Сургута и ХМАО-Югры, а также музейных предметов МБУК «Сургутский краеведческий музей», БУ ХМАО-Югры «Музей Природы и Человека» рассмотрены вопросы развития физической культуры и спорта в Сургутском районе в период 1918–1939 гг.

In the article, based on the research of documents from the archives of Surgut and Khanty-Mansiysk Autonomous Okrug, as well as museum objects of the Surgut Museum of Local Lore, Khanty-Mansi Autonomous District Museum of Nature and Man, the issues of the development of physical culture and sports in the Surgut region in the period 1918–1939.

Ключевые слова: физическая культура, спорт, история физической культуры и спорта, ГТО, Всеобуч, спортивные кружки

Keywords: physical culture, sports, history of physical culture and sports, GTO, Vseobuch, sport clubs

В 2021 г. МБУК «Сургутский краеведческий музей» представил в интернете виртуальную выставку «История Сургутского здравоохранения». Живой интерес со стороны населения города показал наличие спроса на освещение истории различных сфер повседневности. В настоящее время Сургутским краеведческим музеем активизирована работа по сбору материала и уточнению фактов в рамках темы «История спорта в г. Сургуте». Проводятся архивные исследования, работа с периодикой, интервьюирование ветеранов спорта. Физическая

культура и спорт осуществляют такие смежные с здравоохранением функции, как формирование здорового образа жизни населения и оздоровление нации. Безусловное значение физическая культура и спорт имеют в деле воспитания молодежи и допризывной подготовки.

Исследование развития физической культуры и спорта в нашем городе ставит перед собой задачу освещения достижений наших земляков и привлечения внимания к современному положению в данной области.

История спорта в Советской России начинается с декрета ВЦИК от 22 апреля 1918 г. «Об обязательном обучении военному искусству» [5]. Для реализации нормативно-правового акта было образовано Главное управление всеобщего военного обучения и формирования резервных частей Красной Армии при Революционном Военном Совете Республики (Всевобуч). Позднее, в 1920 г., учрежден Высший Совет Физической Культуры при Главном управлении Всевобуча.

В Сургутском уезде вклад в работу территориального органа Всевобуча внес губернский инспектор Всевобуча – Владимир Казеев. В январе 1921 г. он приезжал в Сургут и Березов для организации военно-спортивных клубов [1]. На первом заседании «межведомственной» комиссии по допризывной подготовке и физическому развитию трудящихся масс г. Сургута ставились вопросы:

- 1) о значении допризывной подготовки;
- 2) об определении помещения под военно-спортивный клуб;
- 3) об изготовке спортивных снарядов.

В ходе обсуждений в качестве помещения под указанные цели рассматривались дом Баскина, мастерская Наробраза, Дом Крестьянина [2]. На втором заседании в качестве помещения под военно-спортивный клуб был утвержден дом Баскина. Комиссия постановила о немедленном оборудовании клуба и окончании работы к 14 февраля 1921 г. После открытия клуба в планах Сургута значилось возведение катка [4]. По окончании работы комиссии в Сургуте В. Казеев выехал в Березов, а в марте 1921 г. Сургут охватило крестьянское восстание. Факт воплощения планов межведомственной комиссии по обустройству военно-спортивного клуба на данный момент не установлен. В июне 1921 г. вместе с подавлением восстания в Сургуте была окончательно установлена Советская власть [20].

Территориальная ячейка Всевобуча в Сургутском уезде образовалась на базе военного комиссариата. Штат уездного всевобуча в марте 1922 г. насчитывал пять кадровых единиц: начальник уездного всевобуч, начальник отделения «для поручений», заведующий спортивным залом, делопроизводитель [18, с. 11].

Согласно рапортам от марта 1922 г. должность «зав. спортом» временно, до прибытия инструктора из г. Тобольска, занимал Григорий Иванович Кирьянов [18, с. 9]. Г. И. Кирьянов родился в 1899 г. в Рязанской губернии и имел 3 класса приходского образования. Проводимые им в феврале 1922 г. занятия включали в себя: фигурную маршировку, упражнения сокольской гимнастики, фигурную тройку. Отсутствие занятий по конкретным видам спорта было обусловлено неподготовленностью инструктора, отсутствием специального образования и знаний о спорте [18, с. 8]. В конце марта 1922 г. в г. Сургут на должность инструктора прибывает Бутакова Агния Ивановна.

В мае 1922 г., ввиду сокращения кадровых единиц [18, с. 38], Г. И. Кирьянов был назначен временно исполняющим обязанности начальника отделения спорта и допризывной подготовки Сургутского уездного военного комиссариата [19, с. 46].

Окончание гражданской войны потребовало перестройки управления физической культурой. По декрету ЦИК РСФСР от 27 июня 1923 г. были образованы Высший совет физической культуры (ВСФК) и местные советы при исполкомах, сменив образованный 1920 г. ВСФК при Главном управлении Всевобуча. Возрастает участие в физкультурной и спортивной работе профсоюзных организаций. При них стали создаваться кружки (1923 г.), а затем и коллективы физической культуры (1930 г.) [9].

В январе 1924 г. вместо Сургутского уезда был образован Сургутский район. В новую административно-территориальную единицу вошло 5 сельских советов – Локосовский,

Сургутский, Сытоминский, Тундринский и Юганский [20]. Население вновь созданной территориальной единицы состояло из коренного инородческого и русского населения, проживавшего в нескольких русских деревнях и поселках. Численность жителей Сургута не превышала полутора тысяч человек [5]. С изменением административного статуса Сургутский уездный военкомат ликвидируется и создается военный стол при Райисполкоме [13, с.137].

В 1925 г. решением очередного заседания Президиума Сургутского Райисполкома был утвержден Районный совет физической культуры и спорта (Р.С.Ф.К.) [14, с. 14–15]. Помимо специализированных ведомств работа в сфере физической культуры и спорта реализовалась на базе учреждений образования. Так, циркуляр Тобольского окружного исполнительного комитета утвердил годовую работу школ. Указание сопровождалось методической разработкой, выпущенной в форме брошюры «О летней школе в Тобольском округе». В ней рекомендуется организация кружков, в том числе физкультурной направленности (кружок санитарии и гигиены, кружок нянь из детей, кружок друзей детских площадок, кружок спортсменов) [15, с. 48–53]. Кроме того, Райисполком отмечал энтузиазм непосредственно сельской молодежи к занятиям спортом [11, с. 36].

Несмотря на наличие деятельности в области физической культуры и спорта, в рамках работы Р.С.Ф.К. выделяется ряд очевидных проблем: слабое руководство над работой кружков, отсутствие в определенном количестве населенных пунктов кружков физической культуры, слабое взаимодействие с профсоюзами, низкий уровень организации и планирования непосредственно в работе Р.С.Ф.К. [11, 12].

В 30-е годы XX в. были введены нормативные комплексы ГТО, имеющие прикладное значение – подготовку населения страны с раннего возраста к труду и обороне. Началось формирование единой спортивной классификации, появляются спортивные разряды и звания, которые затем также содействуют появлению званий: «Заслуженный мастер спорта» (1935 г.) и «Мастер спорта СССР» (1936 г.) [6]. На интересующей нас территории происходит очередная административно-территориальная реорганизация. Постановлением Президиума ВЦИК 1930 г. в составе Уральской области образован Остяко-Вогульский национальный округ в составе 6 районов: Берёзовский, Кондинский, Ларьякский, Самаровский, Сургутский и Шурьшкарский, окружной центр – с. Самарово [20].

Р.С.Ф.К. подчиняются Окружному комитету физической культуры и спорта Остяко-Вогульского национального округа, который, в свою очередь, активно организует крупные спортивные мероприятия. В 1934 г. проводится окружная лыжная эстафета по маршрутам: «Мужи – Остяко-Вогульск», «Нахрачи – Остяко-Вогульск»; «Сургут – Остяко-Вогульск» [8, с. 49–50, 56–58]. В 1935 г. проводится первая окружная водно-лодочная эстафета по маршрутам: «Остяко-Вогульск – Сургут – Копылова», «Остяко-Вогульск – Нахрачи – Брайко» [7, с. 44]. С 1-го по 5-е июля 1936 г. в Остяко-Вогульске планируется первая окружная спартакиада физкультурников, где от Сургутского района заявлено 15 участников [7, с. 56].

Указанные мероприятия окружного значения являются результатом работы небольшого количества сотрудников. Кадровый состав округа на указанный период имел восемь человек физкультурных работников, из которых только четверо имели среднее специальное образование, трое – специально краткосрочное образование, и один не имел специального образования. На Сургутский район приходился один работник физической культуры. «Самодетельное движение» физической культуры в районе насчитывало два кружка с охватом 85 человек [7, с. 7, 11, 9].

Материальную базу Сургутского района на 1936 г. составлял следующий спортивный инвентарь: 50 пар лыж и коньков, 2 комплекта брусьев, 2 турника, 5 деревянных кобыл, 8 пар колец и трапедий, 15 футбольных, волейбольных и баскетбольных мячей, 10 волейбольных сеток, 10 спортивных костюмов, 15 гранат и дисков [8, с. 86]. Указанное количество нельзя назвать удовлетворяющим потребности населения. Два турника и пятнадцать мячей были предназначены на численность населения около 13,5 тыс. человек [20, с. 66]. Однако несмотря на небольшое количество спортивного инвентаря и штат физкультурных работников

у Сургутского района имелись амбициозные планы возведения спортивных сооружений на 1938–1942 гг. – 61 спортивного объекта, в число которых входили: летние спортплощадки, гимнастические городки, лыжные станции, дворовые катки, спортплощадки на рыбных угодьях, теннисные корты [7, с. 21–22].

Свое развитие получил массовый спорт, в том числе в форме сдачи жителями Сургутского района норм комплекса ГТО. В письме ответственному секретарю Окр.С.Ф.К. (Окружной совет физической культуры) от 7 апреля 1936 г. высказывается просьба прислать значков, так как: «в июне месяце будет 50–60 человек полностью сдавших нормы» [8, с. 105–106]. В фондах Сургутского краеведческого хранится групповая фотография, сделанная в пос. Тундрино 5 июня 1939 г. На снимке запечатлено восемнадцать членов кружка «Готов к труду и обороне», на пятнадцати из них видны нагрудные знаки [10].

Таким образом, история становления спорта в Сургутском районе с 1918 по 1939 гг. проходит путь от допризывной подготовки к самостоятельному спортивному движению с участием физкультурников на спортивных мероприятиях окружного уровня. В ходе становления спортивного движения жители района сталкиваются с низким уровнем материально-технического, методического обеспечения, а также слабым уровнем организации занятий и отсутствием квалифицированных кадров.

Литература

1. Воспоминания Казеева В. М. «Первые шаги армейского спорта в период становления Советской власти». ХМ-2002/2 // БУ ХМАО-Югры «Музей Природы и Человека».
2. Протокол № 1 заседания межведомственной комиссии по допризывной военной подготовки и физическому развитию трудящихся масс. ХМ-2002/5 // БУ ХМАО-Югры «Музей Природы и Человека».
3. Протокол № 2 заседания межведомственной комиссии по допризывной военной подготовки и физическому развитию трудящихся масс. ХМ-2002/6 // БУ ХМАО-Югры «Музей Природы и Человека».
4. Декрет ВЦИК об обязательном обучении военному искусству от 22 апр. 1918 г.: принят в заседании ВЦИК Совета рабочих, солдатский, крестьянских и казачьих депутатов от 22 апр. 1918 г. // Декреты советской власти. Т. 2. М. : Гос. изд-во полит. лит., 1959. С. 151–153.
5. Древний город на Оби: история Сургута. Екатеринбург : Тезис, 1994. 286 с.
6. Зуев В. Н. Нормативно-правовые акты в регуляции управления отечественной сферой физической культуры и спорта // Теория и практика физ. культуры. 2002. № 7.
7. Казенное учреждение «Государственный архив Югры» (далее – КУ «ГАЮ»). Ф. 48. Оп. 1. Д. 1.
8. КУ «ГАЮ». Ф. 48. Оп. 1. Д. 2.
9. Кукушкин В. Всё о спорте. Т. 2. М. : Физкультура и спорт, 1978. 220 с.
10. МБУК «Сургутский краеведческий музей» Фотография групповая. Члены кружка «Готов к труду и обороне», 5 июня 1939 г. СКМ КП-3793
11. МКУ «Муниципальный архив города Сургута» (далее – МКУ «МАГС»). Фонд 1. Оп. 4. Д.154.
12. МКУ «МАГС». Ф. 1. Оп. 4. Д. 202.
13. МКУ «МАГС». Ф. 1. Оп. 4. Д. 412.
14. МКУ «МАГС». Ф. 1. Оп. 4. Д. 47.
15. МКУ «МАГС». Ф. 1. Оп. 4. Д. 6.
16. МКУ «МАГС». Ф. 1. Оп. 4. Д. 82.
17. МКУ «МАГС». Ф. 163. Оп. 1. Д. 10.
18. МКУ «МАГС». Ф. 163. Оп. 1. Д. 22.
19. МКУ «МАГС». Ф. 90. Оп. 1. Д. 117.
20. Яковлев Я. А. 1 053 шага по дороге сургутской истории // Земля Сургутская : сб. науч.-популяр. очерков. 2016. С. 11–144.

УДК 394.2 (571.1)

Шилова К. Н.
Shilova K. N.

СУРГУТСКИЙ САБАНТУЙ

SURGUT SABANTUY

В статье рассматриваются истоки праздника Сабантуй, его трансформация вследствие активного воздействия государства на весь комплекс праздничной культуры, возникновение Сабантуя на территории Сургута в первой половине XX века и формы его проведения.

The article discusses the origins of the origin of the national Tatar holiday – Sabantuy, its transformation due to the active influence of the state on the entire complex of festive culture. The time of the appearance of Sabantuy on the territory of Surgut in the first half of the 20th century and the forms of its holding.

Ключевые слова: культура, праздник, Сабантуй
Keywords: culture, holiday, Sabantuy

Культурные традиции всех, даже самых малочисленных народов, издревле проживающих на территории России, теснейшим образом переплелись, проросли друг в друга, образовав уникальную российскую культуру. Татары и башкиры также внесли в нее свою лепту, подарив народам огромной страны уникальный праздник – Сабантуй.

Истоки его празднования уходят в глубокую древность. Некоторые ученые считают, что Сабантуй был привнесен из Китая или Монголии (О. Ковалевский, Н. Семенов) [8, с. 82], также есть мнение о его зарождении на территории Волжской Булгарии (Н. Загоскин, Г. Ахмеров, Ф. Валеев, А. Халиков, Я. Ханбиков, Я. Абдуллин) [8, с. 82], и существует гипотеза, что праздник Сабантуй связан с тенгрианскими верованиями, которые отражены в ярких отголосках кочевнико-скотоводческого образа жизни предков (Г. Давлетшин, М. Бакиров) [4, с. 4–5; 1, с. 56–57]. Краткий обзор научных трудов отечественных ученых, а также выявление аналогичных обрядов и обычаев у многих тюркских народов позволяет считать третью версию наиболее достоверной и отнести Сабантуй к разряду древнетенгрианских праздников [11, с. 95].

Сабантуй – праздник весенне-летнего цикла, связанный с приходом весны, культом плодородия и земледелия. Он был присущ многим народам Европы и Азии на протяжении всей истории человеческой цивилизации и связан с тенгрианской идеологией – обрядами жертвоприношения в честь верховного божества, небесного духа-хозяина Тенгре («Неба и солнца») [7, с. 26].

Название праздника происходит от тюркских слов: «сабан» – яровые (в другом значении слова – «плуг»), «туй» – «свадьба», «торжество». Все вместе означает торжество в честь сева яровых, праздник плуга. Это главный праздник для всех земледельцев. В языческие времена его отмечали в конце апреля перед началом посевных работ. В настоящее время он знаменует их окончание (в июне). Первоначальная цель обряда заключалась в задабривании духов плодородия для получения хорошего урожая в новом году. Люди верили, что мир духов может помочь человеку поддержать плодородие земли и обеспечить высокий урожай [7, с. 32].

После присоединения Казанского ханства к Российскому государству Сабантуй сохранил свои традиции, продолжал развиваться и стал общим для татар и башкир.

Советский период истории характеризуется активным воздействием государства на весь комплекс праздничной культуры, происходит полная смена не только праздничного

календаря, но и форм празднования. Главными стали новые государственные общественно-политические праздники, призванные торжественно оформлять революционные события, значительные даты в жизни советского государства, Красной Армии и т. д. Традиционные праздники постепенно теряли свои позиции. Организация праздничных мероприятий, разработка их программы жестко регламентируются партийными органами.

Несмотря на стремление к унификации, превращению Сабантуя в спортивное и агитационное и пропагандистское событие, праздник сохранил неповторимый народный дух, являясь одним из сильных факторов этносоциальной консолидации татар, башкир и выражением их идентичности.

Вместе с тем праздник Сабантуй претерпел сильные изменения: трансформировался исконный смысл праздника, были утрачены многие обряды, являвшиеся составной частью празднования, вытеснены традиционные образцы музыкального, танцевального творчества, утеряны традиции народных промыслов и элементов декоративно-прикладного мастерства.

В XX в. он стал веселым народным праздником, который ознаменовал начало сельскохозяйственных работ. Сабантуй – это первый летний праздник без четко фиксированной даты, зависящий от погодных условий, которые определяли сроки полевых работ. Он проходит между посевом и сенокосом, обычно это конец июня – начало июля.

В последние несколько десятилетий ежегодный народный праздник татар и башкир Сабантуй так же активно празднуется и в нашем многонациональном городе. Это связано с масштабной миграцией этого населения на нашу территорию. В период 1970–1980-х гг. на территорию Сургута прибыло 13 672 человека татар и 4 052 башкир [3, с. 38]. Сегодня татар насчитывается свыше 20 813 человек, башкир 9 440 человек, что составляет 7,75 % от общего числа сургутян [10].

Сургут знаком с этим праздником еще с первой половины XX в. Письменные источники по истории Сургута говорят, что праздник под таким названием проводился еще с 1930-х гг. Но в этот период он не имел религиозной и этнической направленности. Под таким названием проходили народные гулянья жителей села и ближайших поселков.

Из воспоминаний П. А. Мунарева: «Кто знает, откуда пришло слово Сабантуй к нам, но именно так называли в Сургуте народные гулянья. Не знаю, когда их начали проводить, но хорошо помню еще до войны» [6, с. 50].

Это подтверждают и фотографии, хранящиеся в фондах Сургутского краеведческого музея (фото 1).

Фото 1. Пионеры 1940-го года на празднике «Сабантуй» в с. Сургут [5]

Сабантуй в Сургуте проводился раз в году, летом, когда устанавливалась хорошая теплая погода. За несколько дней на западной окраине Сургута в сосновом бору (у начала первой Кедровой) (ныне ул. Никольская от мечети г. Сургута) на больничной поляне сбивалась небольшая эстрада, сколачивались длинные столы и остовы будущих киосков, размечалась волейбольная площадка. В день Сабантуя утром из Сургута и Белого Яра шли и ехали люди. Ехали на лошадях, на лодках и обласах по протоке Бардыковка.

У кого не было средств передвижения – шли пешком. Каждый нес узелок с закусками. Если идти по дороге, надо было обходить больничную территорию и усадьбу МТС (машинно-тракторная станция) (сегодня это территория от инспекции Федеральной налоговой службы России по Сургутскому району ул. Республики, 73/1 до магазина «Обои Центр» ул. Сергея Безверхова, 2/1), поэтому многие предпочитали идти напрямую через территорию больницы и усадьбу МТС.

Из воспоминаний П. А. Мунарева: «Открывался сабантуй кратким словом председателя Районного исполнительного комитета. Затем обязательно проходил концерт художественной самодеятельности, после него шли спортивные состязания (бой мешками, набитыми сеном, на бревне, лапта, ходули, городки, бег, волейбольные соревнования и т. д.). В основном в спортивных состязаниях участвовала молодежь. Дети младшего возраста придумывали свои игры: подвешивали на нитках фантики, ими самими тут же купленные, и с завязанными глазами пытались отстричь их ножницами. Неважно, что фантики были копеечными – ведь важна сама игра, веселье вокруг нее. На пень или стул ставили коробку спичек и шагов с десяти с разбегу, с закрытым правым глазом, пытались сбить ее щелчком. Редко кому это удавалось, но зато веселья, хохота было вдоволь.

Люди постарше собирались компаниями за сколоченными накануне столами, кто хотел – располагался на полянке, под соснами. Развязывались узелки, открывались туеса, у кого не было, отоваривались в киосках. Вскоре то тут, то там слышалась гармошка, пелись звонкие песни. Часам к четырем люди начинали расходиться по домам. Песни и веселье стихали, киоски разбирались и увозились. Так в Сургуте проходили народные гулянья, и потом весь год, до следующего сабантуя, вспоминались веселые подробности» [6, с. 50–51].

В годы Великой Отечественной войны (1941–1945) сабантуй в селе Сургут не проводился, традиция празднования продолжилась после ее окончания (фото 2, 3).

Фото 2. Сургутяне на Сабантуе, 1953 г. [5]

Фото 3. Семьи сургутян Галаховых, Юсовых, Петуховых, Троицких на праздновании Сабантуя, 1955 г. [5]

«Помню сабантуй в начале июля 1955 года. В это год меня как раз забрали в армию. Я тогда работал в МРС (маторно-рыболовная станция) на Черном Мысу. Шел на катере МРБ (малый рыболовный бот) из Белого Яра до МРС через протоку Бардыковку, на берегу за Райбольницей уже собирались сургутяне, жители из соседних поселков и даже ханты приплыли на обласах из деревни Сайгатино. Пока народ собирался, я успел на катере дойти до станции и пешком с Черного Мыса прийти на праздник. Проводили и организовывали концертную программу сабантуя работники ДК «Октябрь» во главе с «тогдашним» директором Иваном Андреевичем Кайдаловым. Главным баянистом праздника был Тверетин Михаил. Гуляли до позднего вечера. Расходились, когда уже было темно» [2].

Сабантуй в Сургуте сегодня включает в себе не только развлекательно-досуговое содержание, но и несет огромный духовный заряд. Празднование Сабантуя, в котором принимают участие многие жители Сургута, одно из ярких проявлений преемственности национальных традиций, уважительного отношения к культуре соседних народов. Праздник из года в год обогащается новыми формами и содержанием, но в главном он неизменен – это праздник труда и дружбы народов.

Литература

1. Бакиров М. Х. Татарский фольклор : моногр. Казань : Изд-во Акад. наук РТ, 2018 406 с.
2. Воспоминания старожилы Сургута Кондакова Б. Л. о праздновании Сабантуя в селе Сургут / [Интервью Шиловой К. Н.] // Сургут, 2022 г.
3. Город Сургут в цифрах : юбилейн. стат. сб. Сургут, 1995. 148 с.
4. Давлетшин Г. М. Древние корни сабантуя // Татарский мир. 2011 № 6. С. 4–5.
5. Аудиовизуальный фонд СКМ НВ-2563, СКМ ЦР- 1049, СКМ ЦР-1050 // МБУК «Сургутский краеведческий музей».
6. Мунарев П. А. Так было, так начиналось: записки председателя. Воспоминания о становлении Сургута в 60–70-х годах / сост. В. В. Киселев, Г. В. Кондрякова. Сургут : Сургут. тип., 2008. 153 с.
7. Народный праздник Сабантуй : метод. пособие. Омск : Образование-Информ, 2011. 96 с.
8. О происхождении традиционного праздника татарского народа Сабантуй // Эхо веков = Гасырлар авазы. 2002. № 1/2. URL: <http://www.archive.gov.tatarstan.ru/> дата обращения: 14.11.2022).
9. Бронштейн М. М., Жуковская Н. Л. и др. Праздники народов России : энцикл. М. : РОСМЭН-ПРЕСС, 2002. 103 с.
10. Численность населения Сургута. URL: <https://bdex.ru/naselenie/hanty-mansiyskiy-avtonomnyu-okrug-ugra/surgut/> (дата обращения: 23.11.2022).
11. Шарафутдинов Д., Садыкова Р. Семейные и календарные обычаи и обряды татар. Казань : Глав. архив. управление при Кабинете Министров РТ, 2012. 352 с.

Раздел III СИБИРЬ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XX ВЕКА

УДК 630:338.45:94(571.122)''1950/1980''

Гололобов Е. И.
Gololobov E. I.

РАЗВИТИЕ ЛЕСОПРОМЫШЛЕННОГО КОМПЛЕКСА ХМАО-ЮГРЫ В 1950–1980-Е ГГ.: ДОСТИЖЕНИЯ И ПРОБЛЕМЫ

DEVELOPMENT OF THE KMAO-UGRA FORESTRY COMPLEX IN 1950-1980S: ACHIEVEMENTS AND PROBLEMS

Статья об этапах развития лесопромышленного комплекса Ханты-Мансийского автономного округа от лесозаготовок, основанных на ручном труде сезонных рабочих, до создания лесопромышленного комплекса индустриального типа с активным использованием техники, механизмов и производственных линий, а также о негативном влиянии на лесной фонд неэффективных способов заготовки леса, истощении лесных ресурсов на Обском Севере, в том числе из-за лесных пожаров, естественного заболачивания территории, ущерба при освоении нефтяных и газовых месторождений.

The article is about the stages of development of the forestry complex of the Khanty-Mansiysk Autonomous Okrug from logging based on manual labor of seasonal workers to the creation of an industrial-type forestry complex with the active use of machinery, mechanisms and production lines, as well as about the negative impact on the forest fund of inefficient methods of logging, depletion of forest resources in the Ob North, including due to forest fires, natural waterlogging of the territory, damage during the development of oil and gas fields.

Ключевые слова: история Югры, лесопромышленный комплекс
Keywords: Ugra history, timber industry

Лесная промышленность являлась одной из ведущих отраслей народного хозяйства ХМАО. В начале 1950-х гг., по стоимости выпускаемой ею продукции, она занимала второе место в экономике округа [4, с. 68]. К концу 1950-х гг. удельный вес ее в общем выпуске промышленной продукции по округу составлял в 1958 г. более 25 % [7, с. 18].

Развитие лесной промышленности в СССР в 1950-е гг. осуществлялось быстрыми темпами. XX съезд партии принял решение ускорить освоение богатых природных ресурсов восточных районов. Это движение на восток коснулось и лесной промышленности [10, с. 52]. Началось перебазирование лесозаготовок в восточные более многолесные районы страны, в первую очередь, в таежную зону Севера Западной Сибири.

Для этого необходимо было связать богатые лесом западные районы округа с промышленными центрами страны железной дорогой. В 1959 г. началось строительство железной дороги Ивдель – Обь. В 1964 г. был введен в эксплуатацию участок дороги до станции Нягань, в 1968 г. – до станции Обь [2]. Магистраль связала промышленный Урал с лесными массивами Приобья. В первую очередь, это территория Сосьвинского Приобья. С учетом особенностей природных условий, экологической значимости лесного покрова, развития транспортного сообщения, наличия трудовых ресурсов, хозяйственно-экономической специализации территорий в округе было выделено пять лесоэкономических районов: Березовский, Ивдель-Обский, Кондинский, Обь-Иртышский и Среднеобский.

Для более полного и эффективного использования лесных ресурсов в этих районах были намечены к строительству следующие лесопромышленные комплексы (табл.):

Таблица

Планируемые лесопромышленные комплексы (ЛПК) [3, л. 2]

Название комплекса	Планируемые объемы заготовки древесины, млн м ³
Нижне-Обской	13,2
Ивдельский	3,5
Верхне-Кондинский	2,6
Верхне-Сосьвинский	2,6

Данные таблицы свидетельствуют, что планировалось значительно увеличить темпы освоения лесных ресурсов округа. Заготовка древесины в Югре безусловно росла в 1950-е гг., но незначительными темпами. В пятой пятилетке (1951–1955 гг.) общий объем заготовок древесины в округе составлял чуть более 1 млн м³ в год. Очевидно, что такие объемы заготовки лесоматериалов не соответствовали имеющимся к освоению в регионе ресурсам. Намеченные к строительству лесопромышленные комплексы должны были радикально изменить ситуацию в сторону многократного увеличения заготовки деловой древесины.

Будущие промышленные комплексы должны были представлять более высокий тип предприятий по сравнению с существующими. Организация таких предприятий открывала широкие возможности к полному и рациональному использованию лесных ресурсов, наиболее рациональной организации технологического процесса, снижению себестоимости, сокращению капитальных вложений, улучшению условий труда, культуры и быта рабочих [3, л. 55].

Вдоль железной дороги Ивдель – Обь было образовано 9 леспромхозов, вокруг которых затем выросли современные поселки и города: Пионерский (1961 г.), Комсомольский (1962 г.), Советский (1962 г.) и др. Уже 21 февраля 1962 г. из поселка Пионерский был отправлен первый состав с югорским лесом. Железная дорога позволила вовлечь в промышленный оборот десятки тысяч гектаров тайги на территории Советского и Октябрьского районов. Себестоимость лесоматериалов в пунктах потребления, например, в Донском бассейне из района Ивдель-Обь была дешевле чем при транспортировке из Коми АССР на 5 руб., из Красноярского края – на 10 руб., из Иркутской области – на 14 руб. на один м³ [3, л. 55].

Предприятия Ивдель-Обской зоны благодаря наличию преимущественно высококачественных хвойных насаждений и надежным транспортным возможностям позволили в достаточно короткий срок довести объем лесозаготовок в округе до 3 млн м³ в год. С 1970-х гг. Ивдель-Обский лесозаготовительный район стал одним из основных лесозаготовительных и деревообрабатывающих центров в Югре. К середине 1970-х гг. в районе заготавливалось более 5 млн м³ хвойной древесины в год. Затем во второй половине 1970-х – 1980-е гг. объемы заготовок стали снижаться [8, с. 18]. Это было связано в том числе с тем, что наряду с последовательными прогрессивными изменениями в лесной промышленности ХМАО (автоматизация, механизация производственных процессов, новые организационные формы работы) нарастали и негативные тенденции в развитии отрасли. Леспромхозы Сосьвинского Приобья быстро наращивали производственные мощности, превышая проектные показатели. Так, Пионерский ЛПХ уже в 1968 г., заготовив 590 тыс. м³ древесины, превысил проектную мощность на 40 тыс. м³. Комсомольский и Советский ЛПХ, имея проектную мощность 400–450 тыс. м³, заготавливали в 1970-е гг. ежегодно более 700 и 600 тыс. м³ древесины [5, с. 439]. Обозначился явный крен в сторону заготовки древесины, а не ее глубокой переработки на местах, как планировалось изначально.

За 30 лет (1960–1990 гг.) только Ивдель-Обский лесозаготовительный район дал народному хозяйству более 120 млн м³ древесины [8, с. 20]. Обратной стороной бурного экономического роста стали практически полностью вырубленные полосы леса шириной 70–100 км по обе стороны железной дороги Ивдель-Обь. С развитием нефтегазодобычи, наряду с рубками

главного пользования, значительные масштабы приобрели прочие рубки: расчистка временных транспортных трасс, автодорог, линий электропередачи и связи, нефтепроводов, подготовка площадок под кусты скважин и т. д. Объем вырубаемой древесины по прочим рубкам в целом по округу составлял от 15 до 35 %, а в Нефтеюганском, Сургутском и Нижневартовском районах он практически равнялся объемам заготовок по главному пользованию [8, с. 21].

Наряду с достижениями в развитии лесной промышленности в регионе имели место серьезные проблемы. Эксплуатация лесных ресурсов региона происходила односторонне. Развивались в основном лесозаготовки, значительно отставала от них деревообработка и совершенно отсутствовало гидролизное, дрожжевое, целлюлозно-бумажное и лесохимическое производства. Заготовленная древесина вывозилась преимущественно в круглом виде, а низкокачественная древесина и дрова, отходы не использовались. На лесосеках оставалось более 50 % древесной массы, пригодной для переработки.

Прогрессивная, соответствующая времени идея создания лесопромышленных комплексов дала «обратный» результат, так как не произошло улучшения использования древесного сырья, сократился удельный вес деревообработки, предприятия по глубокой переработке древесины не создавались. Вместо намечавшихся ранее лесопромышленных комплексов в округе были построены несколько лесопильно-деревообрабатывающих комбинатов (Советский, Няганский, Сургутский) и цехи по деревообработке в ряде леспромхозов. Эти предприятия не решали проблемы рационального комплексного использования лесных ресурсов Обского Севера.

Способы, которыми велась заготовка леса на Обском Севере, нельзя признать эффективными. Вырубались, как правило, высокобонитетные лесные массивы, занимающие выгодное географическое положение по отношению к транспортным путям. При освоении лесных ресурсов Обского Севера была забыта простая истина. Запасы древесины не беспредельны, они истощимы. Основным принципом таежного лесоводства в лесах Сибири должен был стать принцип, разработанный выдающимся отечественным ученым-лесоводом Г. Ф. Морозовым: постоянство пользования лесом, непрерывность его эксплуатации [4]. Надо было стремиться к такой организации пользования лесом, чтобы он не уничтожался, а по возможности улучшался в своих хозяйственных качествах. Необходимо было организовывать базы длительного (непрерывного) лесопользования [1].

По мнению ученых, резкое снижение потерь основных фондов можно было достичь путем увеличения сроков действия существующих лесозаготовительных предприятий до 50 лет, предприятия же нового типа должны были быть постоянно действующими. В пример приводились леспромхозы северо-запада страны, к которых лесозаготовка велась по принципу постоянства и равномерного главного пользования лесом по площади в размере годичной лесосеки. Наряду с лесозаготовками должны были проводиться все лесохозяйственные мероприятия, обеспечивающие восстановление леса и повышение его продуктивности. Вся деятельность такого леспромхоза протекала непрерывно на одной и той же закрепленной за ним площади на базе постоянных благоустроенных поселков и постоянной транспортной сети. Только на основе длительного пользования можно было органически связать лесозаготовку с лесным хозяйством [9].

Лесная промышленность округа во второй половине XX в. прошла путь от лесозаготовок, основанных на ручном труде сезонных рабочих, до создания лесопромышленного комплекса индустриального типа с профессиональными рабочими, системой подготовки производственных кадров, с активным использованием техники, механизмов и производственных линий. Не все задуманное и запланированное удалось реализовать. Глубокую переработку древесины в Югре наладить не удалось. Из региона в массе своей вывозился круглый лес. Интенсивные лесозаготовительные работы, особенно в Ивдель-Обском лесоэкономическом районе, привели к истощению лесных ресурсов. Негативное влияние на лесной фонд Югры помимо интенсивных лесозаготовок оказывали лесные пожары, естественное заболачивание территории, освоение нефтяных и газовых месторождений.

Результаты исследования в рамках выполнения гранта Российского научного фонда, проект № 20-68-46044 «Воображаемый антропоцен: производство и трансферы знания об окружающей среде в Западной Сибири в XX–XXI вв.».

Литература

1. Будьков С. Т. Экономическая география Сибири : учеб. Тюмень : ТюмГУ. 1976. 68 с.
2. Гнездина Д. А. Строительство линии «Ивдель – Обь» Свердловской железной дороги (1958–1968 гг.). URL: <http://irbis.shgpi.edu.ru/biblioteka/katfree/338.pdf> (дата обращения: 23.11.2022).
3. Государственный архив Тюменской области. Ф. 1254. Оп. 1. Д. 654.
4. Кокосов Н. М., Никулин В. И., Харин В. И. Ханты-Мансийский национальный округ: очерки природы и хозяйства. Свердловск : АН СССР. Урал. филиал, 1956. 104 с.
5. Михайлов В. П., Будьков С. Т. Природные ресурсы, население и хозяйство Сосьвинского Приобья // Сосьвинское Приобье: очерки природы и хозяйства. Иркутск : СО АН СССР, Ин-т географии Сибири и Дальнего Востока, 1975. С. 410–471.
6. Морозов Г. Ф. Учение о лесе. М. ; Л. : Гос. изд-во ; Ленинград : тип. Печат. двор, 1930. 440 с.
7. Судаков А. В. Развитие лесной промышленности Ханты-Мансийского автономного округа в кон. 1950-х–сер.1980-х гг. : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Сургут. 2005. 34 с.
8. Чижов Б. Е. Лес и нефть Ханты-Мансийского автономного округа. Тюмень : Изд-во Ю. Мандрики, 1998. 144 с.
9. Щигловский Б. М., Фогель Д. Н., Сергеев Ю. С. Укрепление лесозаготовительных предприятий – залог роста производительности труда // Лесная промышленность. 1970. № 1. С. 18–19.
10. XX съезд Коммунистической партии Советского Союза : стенограф. отчет. Т. I. М. : Госиздат полит. лит., 1956. 640 с.

УДК 69(091)(571.12)

Прищепина А. И.
Prishchepina A. I.

СОТРУДНИЧЕСТВО БЕЛАРУСИ И ХАНТЫ-МАНСИЙСКОГО АВТОНОМНОГО ОКРУГА – ЮГРЫ В 1999–2022 ГГ.

COOPERATION BETWEEN BELARUS AND KHANTY-MANSI AUTONOMOUS OKRUG DISTRICTS – YUGRA IN 1999–2022

В статье представлен анализ опыта регионального сотрудничества Беларуси и ХМАО-Югры в 1999–2022 гг., многообразие его сфер и форм, важность взаимных визитов делегаций руководителей городов Республики Беларусь и Ханты-Мансийского автономного округа – Югры в деле укрепления «горизонтальных связей» для разработки единой энергетической политики и достижения высокого уровня интеграции в этой области, а также взаимную заинтересованность субъектов в расширении партнерских отношений в области развития науки и техники, информационных технологий, лесозаготовительной и обрабатывающей промышленности, общественного транспорта, торговли, культуры, образования и здравоохранения.

The article presents an analysis of the experience of regional cooperation between Belarus and the Khanty-Mansi Autonomous Okrug in 1999–2022, the diversity of its spheres and forms, the im-

portance of mutual visits of delegations of the heads of cities of the Republic of Belarus and the Khanty-Mansi Autonomous Okrug-Ugra in strengthening "horizontal ties" to develop a unified energy policy and achieve a high level of integration in this area, as well as the mutual interest of subjects in expanding partnerships in the development of science and technology, information technology, logging and manufacturing industries, public transport, trade, culture, education and health.

Ключевые слова: Ханты-Мансийский округ, Беларусь, сотрудничество, экономика, наука, образование, культура, обмен опытом, дружба, историческая память

Keywords: Khanty-Mansi Autonomous Okrug, Belarus, cooperation, economy, science, education, culture, exchange of experience, friendship, historical memory

Укрепление российско-белорусских связей является естественным ответом на меняющуюся геополитическую ситуацию в мире. Несмотря на имевшиеся ранее дискуссионные вопросы отношений двух суверенных государств, направленных на реализацию Договора о создании Союзного государства от 8 декабря 1999 г., интеграционные процессы сотрудничества продолжают успешно развиваться, приобретая все больший динамичный характер.

Западные санкции, направленные против России, дублируются и на Беларусь. В результате страна, и без того находившаяся под всевозможными ограничениями, полностью развернула свой внешнеполитический курс на укрепление славянского единства и дружбу с Россией, сделав его безальтернативным. «Если рухнет Россия, – следующими будем мы, и даже не следующими – вместе туда пойдём» – доходчиво разъяснял его суть в одном из своих ярких выступлений Президент Беларуси А. Лукашенко [4]. Он призывал выстраивать российско-белорусские отношения таким образом, чтобы их опыт был востребован и притягателен для других республик. При этом территорию от Бреста до Владивостока Президент Беларуси назвал «общим Отечеством». «Без скорейшего сплочения нашей цивилизации, без укрепления политических, экономических и военных связей нас завтра может и не быть» – подчеркивал он [5]. В силу того, что российско-белорусский союз является одним из наиболее развитых интеграционных объединений, он является объектом пристального внимания ученых, в числе которых следует выделить труды А. В. Воронцова, В. М. Лapidуса, О. В. Пролесковского, Л. Е. Криштановича, Р. Е. Сагиндикова и других исследователей [2].

В ходе решения поставленных исследовательских задач при изучении формирования и развития югорско-белорусских отношений использован метод политического анализа, а при анализе соглашений представителей ХМАО-Югры и Республики Беларусь о сотрудничестве в области экономического, социального и культурного развития – нормативный метод.

Сотрудничество России и Беларуси, преумножая славные традиции крепкой дружбы, развивается в разнообразных сферах, среди которых для достижения еще более высокого уровня стратегического партнёрства и союзничества особо значение приобретает налаживание прямых региональных связей в политической, торгово-экономической и культурно-гуманитарной областях. «Практическое взаимодействие между субъектами Российской Федерации и областями Республики Беларусь служит одной из основ добрососедских отношений между нашими странами...» – отмечал В. В. Путин в июле 2021 г. на IX Форуме регионов России и Белоруссии [6].

Особое место в них занимает гармонизация экономической политики России и Беларуси, развитие взаимовыгодной экономической кооперации, законодательства в сфере торгового, инвестиционного, финансового и административного регулирования и укреплении общесоюзного рынка в целом. Во многом именно благодаря активному сотрудничеству регионов в 2021 г. двусторонний товарооборот увеличился более чем на треть, приблизившись к 40 млрд долларов [6].

Весомый вклад в укрепление экономических связей вносит сотрудничество администрации ХМАО-Югры с правительством Беларуси. Товарооборот ХМАО-Югры и Беларуси только за первую половину 2020 г. составил более 70 млн руб. [1].

В октябре 2018 г. в ходе работы V Форума регионов России и Беларуси было подписано пятилетнее соглашение о торгово-экономическом, научно-техническом, культурном и гуманитарном сотрудничестве между правительством Ханты-Мансийского автономного округа и Республикой Беларусь. В рамках своих компетенций стороны планировали оказывать содействие в установлении прямых связей между хозяйственными субъектами, создании предприятий и представительств [3].

Большой взаимный интерес сотрудничающих сторон представляет развитие энергетического комплекса в ХМАО-Югре в силу того, что регион является лидером по производству нефти и электроэнергии в Российской Федерации. В рамках Союзного государства действует программа формирования общего энергетического рынка. Министерство энергетики Республики Беларусь определено куратором развития сотрудничества всех белорусских предприятий со структурными подразделениями энергетической системы автономного округа. Белорусские предприятия являются резидентами индустриальных парков и технопарков Югры. В 2020 г. в ХМАО-Югре работало 24 юридических лица, учредителями которых являются граждане Республики Беларусь и более 40 её представителей [3].

Округ занимает четвертое место по объемам инвестиций Беларуси в экономику России. В 2021 г. Республика Беларусь инвестировала в ХМАО-Югру более одного триллиона рублей. В свою очередь, югорчане масштабно представлены на белорусском рынке – все вертикально интегрированные нефтяные компании округа работают в Беларуси [7].

Большую поддержку правительства Республики Беларусь и ХМАО-Югры оказывают представителям бизнеса в области регионального сотрудничества. В округе неоднократно проходили встречи заинтересованных членов делегаций Беларуси с участниками югорского бизнес-сообщества. В 2020 г. ими был подписан Договор, существенно расширяющий масштабы участия частных предпринимателей в выставочных и деловых мероприятиях, поставках товаров и услуг. В июле 2021 г. белорусские бизнесмены Югры организовали недельный агитпереход группы из восьми предпринимателей по маршруту «Паричи – Светлогорск – Речица – Бронная» под девизом «Союзное государство – равноправное партнерство». Во время перехода состоялись их встречи с руководством Речицы и Светлогорска, в ходе которых были согласованы вопросы создания и открытия Белорусского торгового дома в Сургуте в целях организации прямого поступления белорусской продукции в Ханты-Мансийский автономный округ.

Результатом этих переговоров стало заметное расширение сети магазинов по продаже товаров из Беларуси, а в Мегионе, Радужном, Лангепасе, Пыть-Яхе и Сургуте в 2021 г. прошли выставки-ярмарки товаров народного потребления концерна «Беллепром» [3].

Все большие масштабы приобретает сотрудничество Беларуси и Югры в сфере удобства и качества общественного транспорта. В Сургуте успешно функционирует сервисный центр компании «МАЗ», сургутяне много лет перевозят автобусы Минского автомобильного завода, подобная техника имеется и в «Сургутнефтегазе». Белорусская делегация, посетив Сургут, Нефтеюганск и ряд других муниципальных образований автономного округа, в 2020 г. подписала договоренности о дальнейшем плодотворном сотрудничестве в этой области [8].

Наряду с укреплением всесторонних отношений между округом и государством большое развитие получили горизонтальные связи «регион с регионом», в ходе которых на муниципальном уровне разрабатывались совместные проекты. В 2004 г. общественная организация «Белорусы Югры» выступила с инициативой установления побратимских связей городов Гомеля и Сургута, поддержанная администрацией обоих городов. В том же году мэр Сургута Александр Сидоров и председатель городского Совета депутатов Гомеля Владимир Чернаштан подписали протокол о намерениях в области торгово-экономических, культурных и научно-технических связей. Стороны принимали на себя обязательства оказывать содействие установлению и развитию межмуниципальных связей, обмену опытом в сфере градостроительства, благоустройства территорий и городского коммунального хозяйства. В рамках

укрепления социальной инфраструктуры городов-побратимов планировалось развивать контакты в сфере здравоохранения, образования и культуры. Белорусская делегация принимала активное участие в праздновании 410-летия основания Сургута в 2004 г. В День города на концертной программе на импровизированной сцене у памятника основателям Сургута выступил вокально-инструментальный ансамбль «Сябры» под руководством народного артиста Беларуси Анатолия Ярмоленко.

В этот день 54 жителя Сургута, освобождавшие в годы Великой Отечественной войны Беларусь, были награждены Юбилейной медалью «60-летие освобождения Беларуси» на торжественном вечере во дворце искусств «Нефтяник». Специально поздравить ветеранов в Сургут приехали музыканты ансамбля «Песняры». Руководство Гомельского горисполкома адресовало администрации Сургута приглашение принять участие 26 ноября 2004 г. в праздновании 61-й годовщины освобождения Гомеля от немецко-фашистских захватчиков [9].

Сургутско-Гомельскому примеру следовали и другие города – муниципальными побратимами стали Югорск и Витебск, Белярский и Могилевские районы [8]. Примером тесного взаимодействия является подписание в 2018 г. «Соглашения о сотрудничестве» между городом Нягань и Кричевским районом Могилевской области [3].

Горизонтальные связи и соглашения открывали широкие перспективы сотрудничества в гуманитарной сфере. В ходе их подписания и выполнения были установлены контакты Сургутского государственного педагогического университета с Национальной академией наук Республики Беларусь и Барановичским государственным университетом.

Белорусские школьники принимали активное участие в югорских проектах экологического воспитания и просвещения. Так, например, 16 декабря 2020 г. в международном видеоконкурсе ассоциированных школ ЮНЕСКО «Объ-Иртышский бассейн: молодежь изучает и сохраняет природное наследие регионов великих рек» белорусская группа школьников была одной из самых многочисленных, а на международном конкурсе-выставке детского творчества «Красная книга глазами детей» – одной из самых активных. Учителя Югры и Беларуси, принимая участие в этих проектах, совместно работали над совершенствованием преподавания русского языка [8].

Патриотическое воспитание является приоритетным направлением в гуманитарном сотрудничестве городов-побратимов. Большую роль в его совершенствовании сыграла созданная в 1997 г. в Сургуте уроженцами Мозыря и Калинковичей общественная организация белорусов «Бацькашчына», в работу которой в 1999 г. активно включился Председатель региональной общественной организации «Национально-культурная автономия «Белорусы Югры» сургутянин Сергей Афанасьевич Бондаренко [10], в 2011–2016 гг. являвшийся председателем Сургутской городской Думы, а позже – заместителем руководителя Совета депутатов ЛДПР в Думах трех созывов Тюменской области [12]. Активные участники «Национально-культурной автономии «Белорусы Югры» оказали большое содействие созданию целого ряда региональных общественных культурно-национальных организаций белорусов в ХМАО-Югре, среди которых белорусское землячество «Сябры» в Ханты-Мансийске, «Спадчына» – в Сургутском районе, «Белая Русь» – в Нижневартовске. В их становлении существенную методическую и организационную поддержку оказало Посольство Республики Беларусь в Российской Федерации [10].

В 2004 г. активисты национально-культурной автономии «Белорусы Югры» разработали долгосрочную программу патриотического воспитания соотечественников «Дорогой войны», ориентированную преимущественно на молодежь. Со временем проект охватил и другие регионы России. Первый подобный проект был реализован в рамках празднования 60-летия освобождения Беларуси от немецко-фашистских захватчиков и включал в себя посещение мест воинской славы Республики Беларусь. Участниками поездки стали более 50 школьников городов и районов ХМАО-Югры. Этот проект патриотического воспитания был признан лучшим в 2005 г. в Уральском федеральном округе.

Следующим шагом реализации программы «Дорогой войны» стало создание музея боевой славы по подобию музея в Гомеле. 11 сентября 2020 г. в Сургуте состоялось торжественное открытие Музея боевой славы 512-го зенитного ракетного полка, который являлся продолжателем боевых традиций сформированного в ходе героических боев в Белоруси 779-го Краснознаменного Калининковского ордена Михаила Кутузова бомбардировочного полка. Созданный на его основе Ракетный полк до 1993 г. дислоцировался в Сургутском районе для защиты воздушного пространства центра топливно-энергетического комплекса Западной Сибири [11].

Таким образом, в укреплении союзнических отношений России и Беларуси и гармонизации их экономических, социальных и культурных связей заметный вклад внесло региональное сотрудничество муниципалитетов ХМАО-Югры и областей братской Республики Беларусь. Анализ такого опыта свидетельствует об усилении экономической интеграции в области энергетики, научно-технической сфере, области информационных технологий и цифрового развития, активизации обмена опытом в деле улучшения социального обеспечения граждан, расширения культурного строительства, совершенствования систем образования и здравоохранения, а также воспитательной работы с молодежью.

Принятые совместные межрегиональные проекты призваны ещё в большей мере крепить традиционные дружеские связи двух славянских государств.

Литература

1. Представители Югры и Республики Беларусь договорились о сотрудничестве // Аргументы и факты. UGRA.AIF.RU. 2020. 16 декабря.
2. Воронцов А. В. Союз России и Белоруссии – геополитическая реальность // Вестн. Петровской академии наук и искусств. 2005. № 2; Лапидус В. М. Союзное государство России и Белоруссии в контексте интеграции // Обозреватель = Observer. 2013 № 3. С. 20–26; Пролесковский О. В., Криштапович Л. Е. В основе Союзного государства – национальные интересы двух стран // Рос. Федерация сегодня. 2011. № 18. С. 40–44; Сагиндигов Р. Е. Некоторые проблемы обеспечения экономической безопасности таможенного союза России, Беларуси и Казахстана // Вестн. Моск. гос. обл. ун-та. Сер. История и полит. науки. 2014. № 5. С. 82–90.
3. Югра и Беларусь упрочили сотрудничество в самых разных областях // Новости Югры. 2018. 12 октября. URL: <https://hantimansiysk.bezformata.com/> (дата обращения: 20.01.2023).
4. Как СВО изменила российско-белорусские отношения. URL: <https://www.mk.ru/politics/> (дата обращения: 20.01.2023).
5. Нестеров Г. Лукашенко предложил России выстраивать притягательное сотрудничество. URL: <https://lenta.ru/news/2022/05/12/sotrudnichestvo/> (дата обращения: 20.01.2023).
6. Россия и Беларусь преумножают славные традиции крепкой дружбы. URL: https://ruskline.ru/news_rl/2022/07/01/ (дата обращения: 20.01.2023).
7. Югра и Беларусь – новые пути сотрудничества. URL: <https://ugra-news.ru/> (дата обращения: 22.01.2023).
8. ХМАО и Республика Беларусь налаживают бизнес-связи. URL: <https://news.myseldon.com/ru/> (дата обращения: 28.01.2023).
9. Союзное государство : офиц. сайт Постоянного Комитета Союзного государства. URL: <https://soyuz.by/> (дата обращения: 28.01.2023).
10. Дарьина И. С любовью к Речице. Белорусы-северяне, или Наша диаспора в Югре URL: <https://dneprovec.by/society/2021/12/02/33369> (дата обращения: 20.01.2023).
11. Открытие музея Боевой Славы 512 ЗРП г. Сургут. URL: <http://dosaaf86region.ru/novosti/> (дата обращения: 20.01.2023).
12. «Бывшие» Сургута и Югры. Куда подевались известные экс-депутаты городской и окружной думы. URL: <https://news.myseldon.com/> (дата обращения: 20.01.2023).

УДК 725.8(091)(571.122)

Живаева А. А.
Zhivaeva A. A.

ОБЕСПЕЧЕННОСТЬ ГОРОДА СУРГУТА СПОРТИВНЫМИ СООРУЖЕНИЯМИ В ПЕРИОД ЕГО НЕФТЯНОГО ОСВОЕНИЯ

PROVISION OF THE CITY OF SURGUT WITH SPORTS FACILITIES DURING ITS OIL DEVELOPMENT

В статье представлен анализ обеспеченности спортивными сооружениями города Сургута в период активного освоения нефтяных месторождений в округе, факторов значительного роста строительства спортивных комплексов и становления материально-технической базы физической культуры и спорта в 1980-х годах.

The article presents an analysis of the availability of sports facilities in the city of Surgut during the period of active development of oil fields in the district, factors of significant growth in the construction of sports complexes and the formation of the material and technical base of physical culture and sports in the 1980s.

Ключевые слова: спортивные сооружения и оборудование, материально техническая база, физическая культура

Keywords: athletic facilities, sports equipment, material and technical base, physical culture

Обращение к теме, связанной с развитием физической культуры и спорта в г. Сургуте, обусловлено рядом обстоятельств. Во-первых, наша страна на протяжении существования Советского Союза, Российской Федерации и на современном этапе одним из приоритетных направлений государственной политики определяет физическую культуру и спорт как способ формирования здоровой нации, укрепления здоровья населения. За последние десятилетия принято несколько важнейших документов, позволяющих проследить эту тенденцию [2, 8, 10].

Во-вторых, несмотря на тот факт, что развитие физической культуры и спорта в Советском Союзе было чрезвычайно идеологизированным, проходило часто на принудительной основе и было крайне консервативно, несомненен факт, что само приобщение к физической культуре и спорту имеет очень важное значение [1]. В связи с этим актуален уже накопленный опыт деятельности государства, общественных структур, связанных с развитием физической культуры, тем более на местном уровне в обозначенных хронологических рамках.

После того как Сургуту был присвоен статус рабочего посёлка в 1958 г., руководство физкультурно-спортивной работой начинает приобретать организованные формы. Так, в 1959 г. в Сургуте состоялась первая районная физкультурно-спортивная конференция, в ходе которой был заслушан доклад Долгушина (председателя районного комитета физической культуры и спорта) о состоянии физкультурно-спортивной работы в районе и задачах дальнейшего развития. По итогам проведённой конференции были выбраны руководящие органы [7]. Однако необходимо отметить, что это не повлекло за собой значительных качественных изменений в области спортивного развития города.

Учитывая климатические особенности Сургута, местные жители отдавали предпочтение зимним видам спорта. В 1960 г. проводилась Первая районная зимняя спартакиада, в ходе которой был зафиксирован факт низкого уровня спортивной работы в рабочем посёлке, наблюдалось отсутствие системной деятельности по привлечению к занятиям физической культуры взрослого населения.

По итогам окружной летней спартакиады в Ханты-Мансийске в 1964 г., были выявлены крупные промахи в спортивной работе района. Причиной тому было отсутствие систематиче-

ских тренировок у спортсменов и спортивных залов в городе для занятий физкультурой [9]. В 1965 г. материальная база сургутского спорта была представлена одной баскетбольной и семью волейбольными площадками [6, с. 310].

Спортивный зал в городе числился только в средней школе [5, л. 122]. В первой половине 1960-х гг. из-за дефицита школьных площадей под классные комнаты было переоборудовано помещение при школе № 8, первоначально планируемое как спортивный зал. Вследствие отсутствия финансирования и недостатка специалистов не была реализована инициатива комсомольцев нефтеразведочной экспедиции построить спортивный зал «собственными силами».

Так, на собрании областного спортивного актива 9 января 1967 г. в рамках доклада «О задачах спортивных организаций области по выполнению постановления ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О мерах по дальнейшему развитию физической культуры и спорта» заведующий отделом пропаганды и агитации Ханты-Мансийского окружкома КПСС Ишакин отметил, что Сургут с 1963 г. вырос в 4 раза, произошло прибывание все большего числа молодежи в районы новостроек, но в городе так и нет ни одного спортивного сооружения. Он подчёркивал, что необходимо их строить на общественных началах, и включать строительство спортивных залов в титульные списки, поскольку вопрос должен решаться и на государственном уровне [3, с. 205].

Наиболее существенные изменения в сфере городского строительства объектов спортивного сооружения стали проходить после Постановления Совета Министров РСФСР от 26 мая 1978 г. № 259 «О мерах по дальнейшему развитию физической культуры и спорта в РСФСР». В качестве одного из пунктов предложенных мероприятий по выполнению постановления было указание о начале строительства общегородского спорткомплекса с плавательным бассейном, трех спортзалов, двух отдельных плавательных бассейнов производственными объединениями «Сургутнефтегаз», «Сургуттрансгаз», институтом ЛенЗНИИЭП, трестами «Сургуттрубопроводстрой», «Сургутгазстрой» [4, л. 227].

В дальнейшем, в 1985 г., был издан приказ, в соответствии с которым утверждалось создание пяти городских культурно-спортивных комплексов (КСК) по территориально-производственному принципу: нефтяников, строителей, геологов, энергетиков, железнодорожников. Принято решение о комплектовании состава городского координационного Совета для руководства культурно-спортивными комплексами [4, л. 6].

Руководителям предприятий и организаций предписывалась необходимость в отчислении процентов ежегодных фондов на счета КСК. Для организаций, имевших на балансе клубные учреждения, процент отчислений составлял 5 %, для неимевших – 8 % (это являлось неким стимулированием к строительству социально-культурных учреждений) [4, л. 104].

Городская комиссия в 1986 г., проверив работу пяти КСК, отметила, что отраслевыми КСК совместно с партийными, комсомольскими и общественными организациями проделана значительная работа по улучшению культурного обслуживания населения и развитию спортивно-массовой работы с учётом возрастных особенностей и категорий работающих. В каждом отраслевом КСК были разработаны комплексные планы сферы досуга своей зоны обслуживания на основе предложений всех учреждений и организаций.

Если в 1972 г. в городе насчитывалось всего 7 спортивных залов, то на начало 1990 г. вошло в строй более 70. Именно тогда были построены комплексы, которые по сей день являются крупнейшими в городе: СОК «Энергетик» – 1982 г., УСС «Факел» – 1983 г., лыжная база «Олимпия», первый плавательный бассейн «Дельфин» – 1985 г., СОК «Геолог» – 1986 г., ФОК «Нефтяник» – 1987 г., СК «Локомотив» и конноспортивная база УСС «Факел» – 1988 г., СК «Олимпиец» – 1990 г. [6, с. 313].

Также к 1987 г. была завершена постройка спортивного комплекса «Дружба» за счёт финансирования треста «Сургутремстрой». Во второй половине 1990-х гг. спортивный комплекс полностью был предоставлен студентам Сургутского государственного университета

и других вузов. Его универсальный игровой зал считался лучшим в городе. Именно здесь проводились все самые крупные спортивные мероприятия, такие как всероссийские соревнования по баскетболу, волейболу и мини-футболу [4, л. 204].

Но вместе с тем, городским координационным советом указывалось на то, что отраслевым КСК еще не удалось добиться полной перестройки физкультурно-спортивной работы на предприятиях и в организациях по месту жительства. Медленно решались вопросы строительства стадионов, плавательных бассейнов, простейших сооружений. Серьезные недостатки имелись в физическом воспитании населения, особенно школьников. Из-за отсутствия кооперирования средств внутри фондов социально-культурных мероприятий городские предприятия не оборудовались зонами массового отдыха, базами прокатов спортивно-культурного инвентаря. Отмечалось недостаточное количество отделов по торговле спортивным снаряжением в специализированных магазинах. Актовые и спортивные залы общеобразовательных школ использовались не в полной мере населением по месту жительства.

В целях ликвидации данных проблем исполкомом городского Совета народных депутатов от 16 октября 1986 г. был предложено: городскому координационному совету ряд разработать конкретные мероприятия по устранению отмеченных недостатков; руководителям отраслевых КСК создать хозрасчетное бюро досуга, базы проката культ- и спортивного инвентаря в каждом районе города; пересмотреть режим работы спортивных залов общеобразовательных школ для улучшения их использования в работе с различными группами населения на договорных условиях; сургутским отделениям Госбанка СССР, Стройбанка СССР в соответствии с типовым положением о КСК предоставить право централизации средств за счет целевого участия предприятий и организаций и профсоюзных комитетов [4, л. 107].

Результаты проведенного исследования позволяют сделать вывод, что благодаря работе исполнительного комитета городского Совета народных депутатов была создана достаточная материально-техническая база для занятий физической культурой. За период с начала 1970-х гг. до начала 1990-х количество сооружений выросло почти в 15 раз. Необходимо отметить, что период наиболее интенсивного строительства культурно-спортивных сооружений приходится на 1980-е гг. в связи с активной реализацией Постановления «О мерах по дальнейшему развитию физической культуры и спорта в РСФСР», которое оказало положительное влияние на результаты тренировочного процесса и физического воспитания населения в целом.

Литература

1. XXII съезд Коммунистической партии Советского Союза. 17–31 октября 1961 года : стенограф. отчет. Т. 1. Москва : Политиздат, 1962. 603 с.
2. О регулировании отдельных вопросов в сфере физической культуры и спорта в ХМАО-Югре : закон ХМАО-Югры от 27 февраля 2020 г. № 1-оз.
3. История физической культуры и спорта в Тюменском регионе 1863–2000 гг. : сб. док. и материалов. Тюмень : Вектор Бук, 2003. 443 с.
4. МКУ «Муниципальный архив г. Сургута» (далее – МКУ «МАГС»). Ф. 3. Оп. 1. Д. 362.
5. МКУ «МАГС». Ф. 116. Оп. 1. Д. 17.
6. Прищепа А. И. Возрождение Сургута. Вторая половина XX века : моногр. Сургут : Дефис, 2015. 238 с.
7. Распопова Н. Физкультурно-спортивная конференция // К победе коммунизма. 1959. № 29. 20 марта.
8. Об утверждении Стратегии развития физической культуры и спорта в РФ на период до 2030 г. : распоряжение Правительства РФ от 24 ноября 2020 г. № 3081-р.
9. Руку, дружище спорт! // К победе коммунизма. 1964. № 94. 7 августа.
10. О физической культуре и спорте в Российской Федерации : федер. закон от 4 декабря 2007 г. № 329-ФЗ.

УДК 93/94

Чижик К. В.
Chizhik K. V.

**ПРОПАГАНДА ПЕНСИОННОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА
В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ИСПОЛКОМА СОВЕТА ДЕПУТАТОВ ТРУДЯЩИХСЯ
ХАНТЫ-МАНСИЙСКОГО ОКРУГА В 1964–1985 ГГ.**

**PENSION LEGISLATION PROPAGATED IN ACTIVITIES OF THE EXECUTIVE BOARD
OF THE WORKERS DEPUTES OF KHANTY-MANSI OKRUG IN 1964-1985**

В статье представлен анализ основных аспектов деятельности отделов социального обеспечения исполнительного комитета Совета депутатов трудящихся Ханты-Мансийского округа в период активного развития в рассматриваемый период пенсионного законодательства, его реализации и форм пропаганды.

The article presents an analysis of the main aspects of the activities of the social security departments of the Executive Committee of the Council of Workers' Deputies of the Khanty-Mansiysk District during the period of active development in the period under review of pension legislation, its implementation and forms of propaganda.

Ключевые слова: пенсионное законодательство, социальное обеспечение, государственная политика, собесы, общественные советы, инспекторы, пропаганда

Keywords: pension legislation, social security, state policy, social security offices, public councils, inspectors, propaganda

История органов социальной защиты Ханты-Мансийского автономного округа (ХМАО) берет начало в 1931 г. В этом году был образован отдел социального обеспечения исполнительного комитета Остяко-Вогульского окружного Совета РК и КД – окрсобес. В дальнейшем изменялись лишь названия, а функции оставались прежними: отдел социального обеспечения исполнительного комитета Совета депутатов трудящихся Ханты-Мансийского национального округа – с 23 октября 1940 г.; отдел социального обеспечения исполнительного комитета Совета народных депутатов Ханты-Мансийского автономного округа – с 7 октября 1977 г.

Главной обязанностью окружного отдела социального обеспечения было проведение единой государственной политики в области социальной защиты населения округа и осуществление руководства городскими и районными отделами соцобеспечения и социальной защиты. В его ведомстве находились собесы, созданные во всех крупных городах и районах округа: Нижневартовский, Советский, Кондинский, Березовский, Нефтеюганский, Сургутский, Ханты-Мансийский районы и города Урай, Сургут, Нижневартовск, Нефтеюганск, Ханты-Мансийск. К концу изучаемого периода появляются сведения также о Когалымском и Мегионском городских отделах соцобеспечения.

Существовавшая в СССР система социального обеспечения предусматривала осуществление выплат пенсий и пособий различных видов, разнообразные формы социального, медицинского обслуживания трудящихся, содержание и обслуживание престарелых и нетрудоспособных граждан [1]. Анализируя архивные источники, можно выделить следующие аспекты в деятельности собесов на местах: своевременная подготовка документов уходящим на пенсию, контроль за исполнением законов и приказов подконтрольными отделами в виде документальных ревизий и за деятельностью почтовых отделений, совершающих выплаты, сам процесс пенсионных выплат, а также взаимодействие с организациями и предприятиями, с общественностью, реализуемое в создании общественных советов, внедрении внештатных инспекторов

на местах, в публичных выступлениях работников собесов в форме бесед, лекций на радио, в периодических изданиях по вопросам пенсионного законодательства и публичных отчетов об итогах работы отделов собесов. Практиковались и собрания-встречи с пенсионерами, инвалидами, ветеранами труда и другими социально-уязвимыми слоями населения.

К примеру, в 1964 г. работники окргоррайсо округа провели 66 бесед на предприятиях, в организациях, колхозах по вопросам пенсионного законодательства, 11 раз выступили в газетах, 4 – по радио [2].

В последующие годы эта деятельность продолжала набирать обороты. За 1967 г. работниками отделов соцобеспечения округа было проведено 122 доклада и беседы по разъяснению пенсионного законодательства, на которых присутствовало 932 человека. С этой же целью было проведено 11 выступлений в печати и 7 – по радио [3].

Каждый отдел соцобеспечения готовил соответствующие отчеты. Так, в п. Октябрьском с февраля 1974 г. по март 1975 г. году были опубликованы две статьи в газете: «Новое в пенсионном обеспечении», «Перерасчет пенсий в соответствии с Указом ПВС от 21 ноября 1973 года» [4]. Урайским горсо было проведено 3 отчета перед населением, 2 выступления в печати, 1 выступление по радио, что свидетельствует о низкой активности отдела в данном вопросе [5].

Березовским райсо за 1974 г. были подготовлены 11 выступлений в печати на темы: «Оплата работающим пенсионерам», «Порядок оформления на пенсию», «Выплата пенсий», «Льготы инвалидам войны», «В интересах матери и ребенка» и др., организовано 9 отчетов перед населением [6]. Недостаточный уровень пропаганды пенсионного законодательства отмечен в Сургутском районе в 1974 г.: выступлений в печати – 3, по радио – 1, лекций и бесед – 13, отчетов перед населением – 2, кустовых семинаров – 2; в Новооганском и Тром-Аганском сельских Советах в 1975 г.: выступление в печати – 1, отчетов перед населением – 2 [7].

За 1981 г. сотрудниками собесов округа было проведено 77 отчетов перед населением о проделанной работе, из них 75 отчетов городскими и районными отделами и 2 – окружным. На собраниях присутствовало 5 630 человек, было задано 508 вопросов. Направленность вопросов была в основном по пенсионному законодательству, а также о льготах инвалидам и участникам Великой Отечественной войны, работающим пенсионерам, а также по постановлению ЦК КПСС и Совета Министров СССР, предусматривающему улучшение социального обеспечения и усиления государственной помощи семьям, имеющим детей [8].

Большое внимание уделялось пропаганде и разъяснению документов по социальному обеспечению: прочитано 105 лекций и докладов перед населением и в трудовых коллективах, в т. ч. по теме «Социальное обеспечение в СССР», проведено 1 670 бесед. На лекциях и докладах присутствовало 5 720 человек, на беседах – 5 300 человек [8].

В местной печати было опубликовано 30 статей, из них по разъяснению постановлений ЦК КПСС и Совета Министров СССР «По повышению минимальных размеров пенсий и пособий» – 15, о порядке надбавок работающим пенсионерам – 3, «На благо советского человека» – 5, по другим вопросам – 7; 24 выступления по радио, из них 1 – по областному, 1 – по окружному, 22 – в городах и районах [9].

К концу изучаемого периода работа собесов в вопросе реализации пропаганды пенсионного законодательства становилась все более интенсивной. Только за первые полгода 1985 г. сотрудниками отделов соцобеспечения округа было проведено 259 лекций и бесед, что в 2,5 раза больше, чем в 1981 г. Больше всего провели подобных встреч Березовский (81) и Нефтеюганский (70) райсо, Урайским горсо и Кондинским райсо опубликовано 14 статей – по 3 статьи каждым. В Сургуте, Ханты-Мансийске, Ханты-Мансийском и Сургутском районах не было опубликовано ни одной статьи; собесами Сургута, Сургутского и Октябрьского районов было проведено всего 7 выступлений по радио и телевидению, некоторые отделы за полгода совсем не использовали эту форму публичных выступлений [10].

В первой половине 1985 г. собесами округа было проведено 29 отчетов перед населением, на которых присутствовало 1 747 человек. Лидером по проведению отчетности перед

населением на 1985 г. являлся Березовский райсо. На отчётах присутствовало 241 человек [10]. Отчетность перед населением за первую половину 1985 г. существенно ниже, чем за 1981 г.

Таким образом, за исследуемый период отделы соцобеспечения использовали СМИ в реализации связи с общественностью. В период с 1964 г. по 1985 г. количество публичных выступлений выросло в 2,5 раза, что говорит о повышении уровня компетенции кадров собесов. К концу периода появляются выступления сотрудников по телевидению, но этот вид связи, как и радио на протяжении всего времени не пользовался популярностью среди сотрудников, по сравнению с ними в печатных СМИ публикаций было в 2 раза больше. Это объяснялось тем, что подготовка просветительских публикаций в газетах и журналах не требовала таких усилий, как в случае выступления на радио или телевидении.

В практической работе собесы опирались на помощь общественных советов и внештатных инспекторов. Они осуществляли контроль над деятельностью органов социального обеспечения, а также оказывали им помощь в материально-бытовом обследовании пенсионеров, инвалидов, выявление их нужд и проведении инвентаризации отделов социального обеспечения. Состав совета и его план работы утверждался на городских и районных советах.

В 1964 г. в округе было утверждено 9 общественных советов, в состав которых вошли 105 человек – партийные, советские, профсоюзные работники и пенсионеры [11]. За 1964 г. в округе внештатные инспекторы обследовали на дому 1 250 пенсионеров, многодетных и одиноких матерей. Нуждающимся была оказана необходимая помощь [12].

В 1967 г. в округе при отделах социального обеспечения было создано 10 общественных советов, в них принимало активное участие 113 человек 164 внештатных инспекторов из числа советских, профсоюзных работников и пенсионеров [13]. В течение 1967 г. ими было обследовано на дому 1 120 пенсионеров, многодетных матерей и матерей-одиночек, подготовлено документов для оформления пенсий и пособий 67 гражданам, проверено 13 предприятий на правильность ведения 954 трудовых книжек рабочих и служащих [14].

Общественные советы работали и в других городах Ханты-Мансийского округа – Нефтеюганске, Березовском, Нижневартовском. Члены общественного совета проверяли отделения связи по вопросам правильности и своевременности выплат пенсий и пособий, вели разъяснительную работу по пенсионным вопросам, следили за своевременным приготовлением документов о назначении пенсий [15].

Для осуществления функций собесов и общественных советов в отдаленной местности из числа активных граждан назначались внештатные инспекторы. В 1978 г. в округе их насчитывалось 175, а в 1981 г. – 189 человек. Они проводили значительную работу на местах как по поручениям отделов, так и по собственной инициативе. Так, внештатные инспектора Березовского райсо в количестве 29 человек дали 170 консультаций по пенсионным вопросам, обследовали материально-бытовые условия 35 пенсионеров, оказывали помощь в проверке почтовых отделений и документов о стаже и заработке [16]. Внештатные инспекторы помогали в выявлении бывших колхозников, не получающих пенсии в связи с новым законом о колхозниках в 1978 г. Так, в Октябрьском районе ими было выявлено 8 человек, которым были назначены пенсии с 1 января 1980 г. [17]. Активно работали внештатные инспекторы Октябрьского, Ханты-Мансийского, Кондинского райсо [18].

На предприятиях, в учреждениях, организациях были созданы комиссии по пенсионным вопросам, которые активно взаимодействовали с работниками окргоррайсо округа. В Сургутском, Нижневартовском, Ханты-Мансийском районах в 1967 г. было создано 58 комиссий по пенсионным вопросам при местных комитетах, в которых состояло 226 человек актива.

Комиссии подготавливали пенсионные дела, несли ответственность за работающих пенсионеров и инвалидов, разъясняли пенсионный закон, помогали гражданам в оформлении документов на пенсию и в дома престарелых и инвалидов. Работники собесов, в свою очередь, контролировали данный процесс, организовывали беседы с целью разъяснения пенсионного законодательства, а также проверяли выплату пенсий на предприятиях, проводили встречную проверку документов о стаже и заработке.

В целом, в 1978 г. в Ханты-Мансийском округе насчитывалось 829 предприятий, организаций и учреждений, с которыми работали отделы социального обеспечения по подготовке пенсионных документов, а в 1981 г. – уже 974 предприятия.

Подводя итоги, нужно отметить, что органы социального обеспечения активно взаимодействовали с населением в различных формах. Важным аспектом деятельности окргоррайсобесов являлись публичные выступления сотрудников. Особенно популярными были организованные отчёты, лекции и беседы, что выражалось как в их количестве, так и в числе присутствующих на них людей, которое с годами выросло практически в 2 раза. Но данная деятельность осуществлялась не всегда и не везде, чему причиной, по данным архивов, были недостаточная квалификация специалистов и халатное отношение самого руководства отдела к информированию населения о нововведениях в пенсионном законодательстве.

Литература

1. Архипов А. П. Социальное страхование. Здоровье, пенсии, профессиональные риски. М. : Юрайт, 2014. 387 с.
2. Казенное учреждение «Государственный архив Югры» (далее – КУ «ГАЮ»). Ф. Р11. Оп. 3. Д. 47. Л. 13.
3. КУ «ГАЮ». Ф. Р11. Оп. 3. Д. 74. Л. 3.
4. КУ «ГАЮ». Ф. Р11. Оп. 3. Д. 121. Л. 15.
5. КУ «ГАЮ». Ф. Р11. Оп. 3. Д. 130. Л. 21.
6. КУ «ГАЮ». Ф. Р11. Оп. 3. Д. 130. Л. 47.
7. КУ «ГАЮ». Ф. Р11. Оп. 3. Д. 130. Л. 79.
8. КУ «ГАЮ». Ф. Р11. Оп. 3. Д. 187. Л. 159.
9. КУ «ГАЮ». Ф. Р11. Оп. 3. Д. 187. Л. 160.
10. КУ «ГАЮ». Ф. Р11. Оп. 3. Д. 223. Л. 99.
11. КУ «ГАЮ». Ф. Р11. Оп. 3. Д. 47. Л. 12.
12. КУ «ГАЮ». Ф. Р11. Оп. 3. Д. 40. Л. 13.
13. КУ «ГАЮ». Ф. Р11. Оп. 3. Д. 74. Л. 4.
14. КУ «ГАЮ». Ф. Р11. Оп. 3. Д. 74. Л. 3.
15. КУ «ГАЮ». Ф. Р11. Оп. 3. Д. 130. Л. 66.
16. КУ «ГАЮ». Ф. Р11. Оп. 3. Д. 155. Л. 2.
17. КУ «ГАЮ». Ф. Р11. Оп. 3. Д. 164. Л. 1.
18. КУ «ГАЮ». Ф. Р11. Оп. 3. Д. 155. Л. 3.

УДК 338.439(091)(571.122)

Магарамов А. А.
Magaratom A. A.

ОТРАЖЕНИЕ ИСТОРИИ РАЗВИТИЯ СИСТЕМЫ ПРОДОВОЛЬСТВЕННОЙ ТОРГОВЛИ В ПЕРИОДИЧЕСКОЙ ПЕЧАТИ И ВОСПОМИНАНИЯХ СОВРЕМЕННОКОВ (1965–1988 ГГ.)

REFLECTION OF THE HISTORY OF THE DEVELOPMENT OF THE FOOD TRADE SYSTEM IN PERIODICALS AND MEMOIRS OF CONTEMPORARIES (1965–1988)

В статье представлен историографический анализ за период с 1965 по 1988 гг. повседневных практик сургутян по материалам газеты «К победе коммунизма» и социологическим опросам. Установлено, что состояние сети продовольственной торговли не было в этот период для жителей первостепенной проблемой даже при дефиците некоторых продовольственных товаров.

The article presents a historiographical analysis for the period from 1965 to 1988 of the daily practices of Surgut residents based on the materials of the newspaper “To the Victory of Communism” and sociological surveys. It was found that the state of the food trade network was not a primary problem for residents during this period, even with a shortage of some food products.

Ключевые слова: СССР, торговля, повседневность, розничная торговля, продовольственная торговля, ЗСНГК, ХМАО, история торговли, 1960–1980-е годы, воспоминания

Keywords: USSR, trade, everyday life, retail trade, food trade. ZSNGK, HMAO, trade history, 1960–1980s, memories

Тема повседневной жизни сургутян в период нефтегазового освоения Тюменского Севера, безусловно, сохраняет свою актуальность. О важности изучения быта северян пишут выдающиеся исследователи Западно-Сибирского нефтегазового комплекса (ЗСНГК) В. П. Карпов и Н. Ю. Гаврилова [7, с. 14]. В региональной историографии, в основном, рассматривалось сразу много аспектов повседневности – от трудностей с жильем до нехватки одежды. Так, например, в статье Е. В. Семеновой «Локальные проявления советской повседневности 1950–1960-х гг. (на примере г. Сургута)» повседневность сургутян была рассмотрена в общесоюзном контексте, выявлены общие и особенные черты в жизни сургутянина и среднего гражданина СССР [16]. Множество аспектов повседневной жизни сургутских геологов и нефтяников в 1950–1960-е годы описаны в работе А. И. Прищепы «Страницы истории повседневности сургутских нефтяников» [14]. Особое внимание исследователи повседневности уделяют геологам, например, в работе В. В. Рашевского и Н. Н. Володиной о роли геологической экспедиции в развитии здравоохранения в Сургуте [4]. Отдельные интересные сведения о повседневности геологов содержатся в статье В. П. Карпова, посвященной критике газеты «Тюменский геолог» как исторического источника – об особенностях распределения наград, условиях быта и пр. [8]. По результатам исследования «Продовольственное обеспечение г. Сургута в 1970–1980-е гг. в современной историографии» установлено, что история продовольственной торговли в Сургуте рассматривается в основном в контексте других проблем [10].

Быт покорителей Севера рассматривается, как правило, очень широко, в связи с чем необходимо обратить внимание на отдельные аспекты повседневности, в частности, повседневные практики сургутян в период с 1965 по 1988 гг., связанные с системой розничной торговли.

Как указывают многочисленные источники, жителей города Сургута действительно волновали проблемы организации системы городской торговли. В местной газете «К победе коммунизма» характер жалоб граждан, в целом, не меняется. Периодически публиковались сообщения о нарушении культуры торговли, призывы ее повышать [5, 12, 13], в них отмечалось, что сургутяне часто сталкивались с обсчетом, отказом выдать жалобную книгу и продажей дефицита «из-под прилавка» [20, 19], встречаются жалобы, касающиеся нехватки некоторых продуктов [17], качества материальной базы [3, 16].

В середине 1980-х гг. после начала политики гласности социальным проблемам в целом и проблемам торговли в частности в сургутской печати стали уделять больше внимания. Число публикуемых писем и статей этой тематики заметно возросло, но их содержание, как уже говорилось выше, значимо изменилось.

Что касается воспоминаний покорителей Тюменского Севера, то их авторы, как правило, почти не уделяли внимания тяготам быта. Помимо трудовой деятельности пионеры нефтегазового освоения, как правило, рассказывали о людях, с которыми вместе жили и трудились, об атмосфере дружбы и взаимопомощи, царившей в поселках нефтяников, и про то, как эти поселки постепенно превращались в города, а место вагонов-домов и балков занимала многоэтажная городская застройка [1, 2, 11].

Очевидно, люди, по тем или иным причинам придававшие большое значение бытовым условиям, не задерживались на Севере надолго. В этой связи уместно привести воспоминания Г. И. Михайловой. Этот рассказ – один из немногих, где значительное место отведено описа-

нию трудностей быта. Галина Ивановна – учитель, приехала в Сургут в 1978 г. вслед за мужем, из-за целого ряда бытовых неудобств едва не покинула Сургут, но передумала, когда ее семье выделили квартиру [11, с. 218–229].

У нас нет воспоминаний тех, кто работал на Севере и несмотря на высокую зарплату покинул территорию ЗСНГК, однако имеющиеся воспоминания очень показательны. По данным социологического обследования 1969 г., плохие жилищные условия были названы главной причиной обратной миграции из районов нефтегазового освоения. Именно ее назвали 43,7 % респондентов. Плохое снабжение продовольственными и промышленными товарами, по данным обследования, являлись второй по значимости причиной, ее назвали 37,2 % респондентов [6, с. 55].

Основываясь на воспоминаниях старожилов, можно сделать вывод о том, что для тех, кто оставался работать на Севере в течение долгого времени, житейские трудности, такие как необходимость делить тесное жилье с посторонними людьми, терпеть дефицит товаров, особенно обострившийся весной, и т. п. не были критически важны. Новые знакомства, атмосфера рабочих поселков, природа и интересная работа – все это побуждало людей остаться в городах нефтяников, куда они часто приезжали только на время, как, например, Р. М. Шагабутдинова – «решили мы с мужем поехать на Север года на три – подзаработать и вновь вернуться в город Артемовский Свердловской области, но, как здесь говорят, «болото засосало» [11, с. 368].

Конечно, в некоторых воспоминаниях старожилов есть рассказы о дефиците промышленных и продовольственных товаров и о том, как жители города приспосабливались к такому положению вещей. Например, если удавалось выстоять очередь за дефицитным товаром, то его брали сразу много, чтобы хватило надолго. Это приводило к тому, что дефицитные товары разбирали в течение короткого времени. Здесь уместно будет привести воспоминания И. Сердюковой. Отстояв длинную очередь за плавлеными сырками, сметаной и колбасой, она набрала их целую сумку и пошла в другой магазин, в которой у нее украли сумку с продуктами. Магазин возместил ей денежный ущерб, но восполнить потерю продуктов оказалось невозможно – к этому времени их уже разобрали [1, с. 17–18].

Для преодоления затруднений с покупкой дефицитных товаров горожане могли также занять место в очереди для коллег или друзей. О такой практике упоминает опрошенный нами старожил В. Л. Гуменюк [15]. По данным Д. В. Кирилюка, среди учителей округа была развитой система взаимного оповещения о прибывших в конкретный населенный пункт или микрорайон города новых товарах [9, с. 225].

Нередко необходимые товары «добывались» через личные знакомства в Отделе рабочего снабжения – ОРСе. Так, учителя при знакомстве с новым классом спрашивали, кем работают родители их учеников, чтобы получать дефицитные товары через родителей, работающих в торговых организациях. Особенно «везло» тем классным руководителям, у которых родители учащихся занимали должности заведующих магазинами [9, с. 226].

Подобными связями пользовалась и опрошенная нами В. Л. Гуменюк. Она работала в вечерней школе, где обучали взрослых. Одна из учениц школы, работавшая в ОРСе, используя служебное положение, приписала ее к магазину «Ветеран», где два раза в месяц Валентина Леонтьевна покупала дефицитные продукты – гречневую крупу, мандарины, пастеризованное молоко, копченую колбасу и др. Помимо, многие жители города стремились завести дружбу с работниками торговли для получения дефицита. Так, например, подруга Валентины Леонтьевны, работавшая в магазине «Рассвет» ОРСа НГДУ «Сургутнефть», тоже периодически приносила ей колбасу и другие продукты [15].

По словам Валентины Леонтьевны, летом некоторые строительные управления выделяли работникам машину, чтобы они могли поехать на рыбалку. Вернувшись в город, строители раздавали улов всем желающим. Также продукты привозили приезжавшие из отпусков, родственники, проживавшие в сельских районах [15]. Нужно отметить, что по продовольственной программе, действовавшей в 1982–1990 гг., сургутяне получали дачные участки для выращивания основных овощей [16].

Результаты проведенного исследования показывают, что развитие торговой сети и товарный дефицит были хотя и важной, но не первостепенной проблемой, и она не была критичной для тех, кто оставался на Севере на долгое время. К тому же горожане знали множество способов получения дефицитных товаров, в основном, через личные знакомства.

Литература

1. Атаманенко А. Л., Атаманенко П. А., Атаманенко Т. М. Сургутские были восьмидесятых. Тюмень : Тюмен. дом печати. 2011. 351 с.
2. Атаманенко А. Л., Атаманенко П. А. Атаманенко Т. М. Сургутские были. Сургут : Сургут. тип. 2004. 352 с.
3. Бобров А. Где зимуют овощи? // К победе коммунизма. 1976. № 116. 25 сентября.
4. Володина Н. Н., Рашевский В. В. Деятельность геологов сургутской нефтеразведочной экспедиции по развитию местного здравоохранения в 1957–1965 гг. // Вестн. Том. гос. ун-та. 2015. № 396. URL: <https://cyberleninka.ru/> (дата обращения: 28.11.2022).
5. При исполнении служебных обязанностей: газета выступила, меры приняты // К победе коммунизма. 1973. № 74. 21 июня.
6. Карпов В. П. Антропология подвига. Человек в советской модели индустриализации Тюменского Севера. Тюмень : ТюмГНГУ, 2014. 184 с.
7. Карпов, В. П., Гаврилова Н. Ю. От макро- к микроистории: смещение приоритетов в изучении процесса индустриализации Тюменского Севера // Человек в условиях интенсивного нефтегазового освоения Севера : материалы Всерос. науч. конф., Тюмень, 17–18 ноября 2010 г. Тюмень : Тюмен. гос. нефтегаз. ун-т, 2010. С. 14–25.
8. Карпов В. П. О чём не писали в газете: заботы тюменских геологов. 1960-е годы // Тюменская область: историческая ретроспектива, реалии настоящего, контуры будущего : сб. ст. междунар. науч. конф. Тюмень – Тобольск, 20–21 сентября 2019 г. Тюмень ; Тобольск : Тюмен. индустриал. ун-т, 2019. С. 88–96.
9. Кирилюк Д. В. Развитие школьного образования в Югре. 1945–1991 гг. Курган : Курган. Дом печати, 2019. 400 с.
10. Магарамов А. А., Кирилюк Д. В. Продовольственное обеспечение г. Сургута 1970–1980-е гг. в современной историографии // Наука 60-й параллели : тез. докл. XXV Молодеж. конф. им. Г. И. Назина. Сургут, июнь 2021 г. Сургут : ИЦ СурГУ, 2021. С. 123–124.
11. Моя судьба в истории Югры: история развития Ханты-Мансийского автономного округа – Югры в воспоминаниях его жителей. 1930–2005 гг. : сб. док. / сост. Е. М. Брагина, Л. В. Набокова. Тюмень : Тюмен. дом печати. 2005. 414 с.
12. От вас, от вашего труда во многом зависит благосостояние и настроение советских людей // К победе коммунизма. 1976. № 117. 28 сентября.
13. Письмо не опубликовано, но меры приняты // К победе коммунизма. 1988. № 94. 17 мая.
14. Прищепа А. И. Страницы истории повседневности сургутских нефтяников // Российская нефть: история и современность : сб. ст. Всерос. науч. конф. Сургут, 27 ноября 2015 г. Сургут : Курган. дом печати, 2016. С. 261–274.
15. Полевой материал автора: Магарамов А. А. Интервью с В. Л. Гуменюк: записано 07.05.2022 г.
16. Семенова Е. В. Локальные проявления советской повседневности 1950–1960-х гг. на примере г. Сургута // Россия и мир: история и современность : тез. VII Всерос. конф. студентов и молодых учёных. Сургут, 26 апреля 2019 г. Сургут : Сургут. гос. пед. ун-т, 2019. С. 44–46.
17. Тимофеев Т. Продовольственная программа – дело всенародное. Строим цех // К победе коммунизма. 1988. № 10. 15 января.
18. У летнего прилавка // К победе коммунизма. 1988. № 107. 3 июня.
19. Яновская Л., Коротаева Н. Копеечное дело // К победе коммунизма. 1970. № 80. 4 июля.
20. XIX городская партийная конференция // К победе коммунизма. 1974. № 8. 17 января.

Раздел IV
**СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ
РОССИЙСКОЙ И РЕГИОНАЛЬНОЙ ИСТОРИИ**

УДК 316.34(091)

Магель А. А.
Magel A. A.

**КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ОСНОВЫ «ИСТОРИИ ДЕТСТВА» И ПЕРСПЕКТИВЫ
ИХ ПРИМЕНЕНИЯ В НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ РАБОТЕ**

**CONCEPTUAL FOUNDATIONS OF THE “HISTORY OF CHILDHOOD”
AND PROSPECTS FOR THEIR APPLICATION IN RESEARCH WORK**

Статья посвящена истории детства и детской повседневности, которые вызывают большой интерес зарубежных и отечественных историков, педагогов и культурологов в рамках междисциплинарных исследований.

The article is devoted to the history of childhood and children's everyday life, which arouse great interest of foreign and domestic historians, teachers and cultural scientists in the framework of interdisciplinary research.

Ключевые слова: история детства, концепция, методология, зарубежные авторы, отечественные авторы

Keywords: childhood history, concept, methodology, foreign authors, domestic authors

Детство в современном обществе признается самым ценным периодом жизни человека, в котором происходят важнейшие процессы становления личности, а главное – будущего поколения в целом. Обращение к истории детства связывают с масштабным переосмыслением прошлого во всех областях знания.

Появление и актуализация такого феномена, как «детство» происходит в 1960-е гг. и связано с появлением фундаментальной монографии родоначальника изучения детской повседневности – Ф. Арьеса. В своем труде «Ребенок и семейная жизнь при Старом порядке» Арьес выдвигает концепцию, что «Средневековье не знало детства», отсутствию внимания к общественному феномену «детства», выделяя при этом функции и факторы, влияющие на становление человека в этот период [1, с. 44].

М. Мид детство исследует с точки зрения этапов культурного развития человека: пост-фигуративный – дети учатся всему у своих предков; кофигуративный – дети и взрослые учатся у сверстников; префигуративный – взрослые учатся у своих детей [8, с. 322].

В отечественной историографии проблема детства большую актуальность приобрела в постсоветский период в начале 1990-х гг., когда стали оформляться первые обобщенные труды историков и психологов, в том числе И. С. Кона и А. Сальниковой. В работе И. С. Кона «Ребенок и общество» в основном освещаются вопросы антропологии и этнографии детства как категория, понятие и проблема становления [7, с. 10]. В работе «Российское детство в XX веке: история, теория и практика исследования» А. Сальникова рассматривает теоретико-методологические и источниковедческие проблемы, в частности выдвигает концепцию о существовании феномена «вымышленного ребенка», т. е. видение «в детях взрослых, которыми они сами хотели бы быть» [10, с. 47].

Как в любом историческом феномене разрабатываются различные аспекты, так и в исследовании детства появляется своя проблематика: беспризорность и преступления детей, детские игры и досуг, государственная политика по защите детства.

Наибольший интерес привлекала проблема беспризорности детей, которую в отечественной историографии изучали в контексте государственной политики, а в зарубежной Д. Кароли выдвинула концепцию о «дефектных детях» с описанием учреждений, повседневных практик и реформ, проводимых в отношении детей-инвалидов [5, с. 139].

Другой проблемой в рамках беспризорности стал концепт М. Гальмарини – «право на помощь», который выражался в изучении маргинальной группы детей, имеющей права на помощь государства и методах этой помощи [3, с. 137].

Совместно с классическими работами издаются результаты современных междисциплинарных исследований, где наиболее выражена «историческая память», «психоистория» и повседневность.

Большинство работ в рамках «исторической памяти» посвящены «эпохе катастроф», или двум мировым войнам как наиболее травмирующим событиям. Историк А. Б. Асташов по детским воспоминаниям и письмам исследует побудительные мотивы к «бегству» на войну: «помощь родителям», «воссоединение семьи», «приобретение нового статуса», «интерес к противнику» [2, с. 106–111].

С позиций «психоистории» детство исследует Л. Де Моз в своей работе «Эволюция детства: психоистория», выдвигая концепцию «ужасов детского возраста», проявляющуюся в жестоком отношении к ребенку, физическом и моральном насилии [4, с. 39], и формирует классификацию воспитания детей в соответствии с определенным периодом исторического развития: *инфантицидное* – характерное для античности; *оставляющее* – отказ от ребенка для его же безопасности вплоть до XIII в.; *амбивалентное* – воспитание в ребенке нужных качеств, придание ему нужной «формы», характерное для XIV–XVII вв.; *навязывающее* – исследование души и активная забота в XVIII в.; *социализирующее* – наставление на «правильный путь» и приобщение к обществу в XIX – середине XX вв.; *помогающее* – дозволение ребенку распоряжаться своей жизнью, характерное для современного типа воспитания.

Направление исследований детской повседневности является наиболее перспективным, поскольку повседневность представляет собой конструкт внешнего и внутреннего воздействия путем приобщения детей к основным идеям общества. К внешним воздействиям относится школьное и «уличное» окружение. В статье «Школьный вальс»: повседневная жизнь школы в послесталинское время» К. Келли исследует уровень образованности и влияние на ребенка учителей – негативных эмоций и беспомощности, отхода от учебных программ и учебников, отсталости и ослабления начальной школы [6, с. 129–131]. Анализ «учительского» фактора, открывает перспективы в развитии истории образования:

1. Изучение самих детей, их внутреннего мира, ценностей и интересов, а не безликий «школьный контингент».
2. Выявление причин и мотивов действий учащихся как в школьной среде, так и в обществе.
3. Отражение эмоций, переживаний учащихся, которые позволяют оценить результаты воздействия советской педагогики на школьников.

К внутренним факторам относятся внутрисемейные отношения в воспитании детей. В частности, в советском периоде существовал конструкт «идеального человека», описание которого исследует М. В. Ромашева: воспитание воли будущего гражданина страны с такими качествами, как самостоятельность, дисциплинированность, умение преодолевать трудности и препятствия, выносливость [9, с. 156]. Анализ образа «идеального человека», присущего поколению родителей этого периода, дает перспективы для изучения его влияния на современного ребенка в рамках социологии:

1. Изучение концепции «идеального человека» и результатов ее влияния на воспитанное с ее помощью поколение.
2. Анализ позитивных и негативных влияний семьи на детей, что позволит разработать новые методики взаимодействия между членами семьи.

Методологической основой исследований зарубежных и отечественных авторов по истории детства помимо общенаучных и специально-исторических методов являются также

междисциплинарные: анкетирование, интервьюирование и контент-анализ. Наибольший интерес вызывает именно последний метод, который позволяет провести качественную обработку нарративных источников, по которым и конструируется детская повседневность: воссоздание социально-психологической картины жизни детей, моделирование психологического портрета ребенка, реконструкция ментальности различных эпох.

Таким образом, на наш взгляд, самыми перспективными направлениями являются междисциплинарные направления – «историческая память», «психоистория», а также повседневность в связи с развивающейся методологией и большим массивом нарративов как источников, которые еще недостаточно исследованы. Междисциплинарность позволяет комплексно рассмотреть феномен «детство» как российское, так и советское с привлечением социологических и педагогических исследований.

Литература

1. Арьес Ф. Ребенок и семейная жизнь при старом порядке. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 1999. 416 с.
2. Асташов А. Б. Дети идут на войну: из истории «детского вопроса» в России в годы Первой мировой войны. // Какорея. Из истории детства в России и других стран : сб. ст. и материалов. М. : Науч. книга, 2008. С. 101–113.
3. Гальмарини М. Было ли у советских людей право на помощь? Проблемы методологии, историографии и корпуса источников в изучении социальной помощи и прав человека в Советском Союзе в 1917–1953 гг. // Вестн. Пермск. ун-та. Сер. История и политология. 2009. № 2. С. 123–131.
4. Де Моз Л. Эволюция детства: психоистория. Ростов-на-Дону : Феникс, 2000. 512 с.
5. Кароли Д. Малолетние подданные большой империи // История детства как предмет исследования: наследие Ф. Арьеса в Европе и России : материалы Междунар. науч. конф. РГГУ, 1–2 октября 2009 г. М. : РГГУ, 2012. С. 138–196.
6. Келли К. «Школьный вальс»: повседневная жизнь школы в послесталинское время // Антропологический форум. 2004. № 1. С. 104–155.
7. Кон И. С. Ребенок и общество : учеб. пособие. М. : Академия, 2003. 336 с.
8. Мид М. Культура и мир детства. Избран. произведения. М. : Наука, 1988. 430 с.
9. Ромашева М. В. Журнал «Работница» как источник по истории советского детства (1945–1953 гг.) // Источниковедческие исследования / отв. ред. А. О. Чубарьян. М. : ИВИ РАН, 2008. Вып. 4. С. 154–171.
10. Сальникова А. А. Российское детство в XX в.: история, теория и практика исследования. Казань : Казан. гос. ун-т им. В. И. Ульянова-Ленина, 2007. 256 с.

УДК 930

Заикин Д. С.

Zaikin D. S.

ВИЗУАЛЬНЫЕ ОБРАЗЫ В ФОРМИРОВАНИИ РЕГИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В ЮГРЕ В ПОСТСОВЕТСКИЙ ПЕРИОД

VISUAL IMAGES IN REGIONAL IDENTITY POLITICS IN YUGRA IN THE POST-SOVIET PERIOD

Рассмотрение специфики, динамики отношений сложноустроенного субъекта, политического курса и предпринимаемых усилий в рамках политики идентичности актуально для исторической науки. Одной из специфик является использование визуальных образов на новейшем этапе формирования идентичности. В статье предпринята попытка изучить и выстроить типологизацию визуальных образов, в том числе с учетом краеведческого аспекта.

Consideration of the specifics, the dynamics of the relations of the complex subject, the political course and the efforts made in the framework of identity politics is relevant for historical scholarship. One of the specifics is the use of visual images in the latest stage of identity formation. The article makes an attempt to study and build a typology of visual images, including the local lore aspect.

Ключевые слова: символическая политика, визуальные образы, югорская идентичность
Keywords: symbolic politics, visual images, Ugra identity

Для Ханты-Мансийского автономного округа – Югры (ХМАО-Югры) тема региональной идентичности актуализируется особенностями территориально-государственного устройства Тюменской области и сложностями отношений между элитами этих субъектов федерации. Автономные округа по Конституции 1993 г. получили правосубъектность, но при этом продолжали оставаться частью «большой» Тюменской области. В 2003 г. после очередных попыток все же разрешить вопрос принимается программа «Сотрудничество», которая и поныне остается основой в отношениях между субъектами.

Так, в конце 1990-х – начале 2000-х годов обращение региональной власти к смысловому содержанию топонима «Югра» стало одним из основных инструментов формирования югорской идентичности. Ключевым моментом данного процесса стало принятие решения о присоединении топонима к официальному названию региона на правовом – конституционном уровне.

В 2004 г. Дума автономного округа утвердила гимн региона [4]. Позднее была разработана программа ХМАО-Югры «Развитие системы массовых коммуникаций на 2007–2010 годы», принятая в 2007 г. Целями программы обозначалось: «формирование единой исторической и социокультурной среды населения Ханты-Мансийского автономного округа – Югры; укрепление региональной идентичности населения; повышение эффективности взаимодействия органов государственной власти, органов местного самоуправления муниципальных образований Югры» [3].

Следующий четко выраженный этап обращения к символической политике в формировании югорской идентичности можно выделить, анализируя процессы и события 2018 г. Можно с полной уверенностью утверждать, что 2018 г. стал знаковым для региона в этом вопросе. В этот период политической элитой региона был дан старт реализации целенаправленной политики идентичности, продолжение которой мы наблюдаем и ныне. Маркером уникальности стало обращение к историческому прошлому, в результате чего 2018 г. стал годом 900-летия Югры с момента первого упоминания в русских исторических летописях [1, 2].

Новейший этап формирования идентичности (с 2018 г.) характеризуется использованием визуализации. Визуальные образы являются важными средствами символической политики, в том числе в ходе формирования региональной идентичности. Однако они зачастую не имеют четко устоявшегося в публичной сфере смыслового «наполнения», отсюда и неоднозначная оценка состояния югорской идентичности со стороны части экспертного пула и слабость идентичности «внутри». Само по себе, создание памятника или скульптуры, в том числе с использованием регионального контента не обеспечивает его эффективности в качестве инструмента символической политики.

Для решения этой проблемы используем такой инструмент анализа, как типологизация визуальных образов. В качестве метода исследования использованы результаты фокус-группы из числа жителей г. Сургута, проведенной в 2022 г., в ходе которой респондентам задавали вопрос о том, какой смысл в тот или иной памятник вложили или хотели вложить его создатели. Участникам предлагалось изображение в качестве визуальных объектов памятники, расположенные на территории города. В результате исследования выделены три группы образов в восприятии граждан.

Первая – объекты, образы которых не несут или несут незначительные смыслы формирования региональной идентичности. К первой группе можно отнести памятники, создаваемые на базе природного контента, например, в образе зверей, например, скульптуру лиса на

территории историко-культурного центра «Старый Сургут». Она визуализируется наблюдателями, судя по отзывам, исключительно как элемент украшения и скульптура развлекательного характера, особенно для детей. То есть представление, что любой визуальный образ, наполненный местным колоритом, выступает эффективным средством символической политики по формированию региональной идентичности, не подтверждается.

Вторая – несущие ограниченные смыслы, например, памятники известным людям – Пушкину, Шевченко, Высоцкому и пр. Они несут определенные смыслы для формирования идентичности, но, как правило, не привязаны к местности. То есть, первая группа привязана к местности, но не несет смыслов (точнее, они не расшифровываются как носители идентичности), вторая – несет смыслы, но не привязана к местности.

Третья группа визуальных образов – несущие смыслы региональной идентичности в наибольшей мере. Это скульптуры, которые сочетают и то, и другое, например, памятник основателям, памятник рыбакам, «Мамонты» в Археопарке в Ханты-Мансийске, мост через р. Обь, Вечный огонь, памятник первопроходцам-комсомольцам, памятный знак в честь нефтяников и газовиков и т. д. Мы фиксируем две основные составляющие, определяющие их эффективность в рамках символической политики – героическое начало и трудовое начало, а также самостоятельность и экономическая сила региона. Это то, чем граждане гордятся, что отождествляют с историей, деятельностью, частью которой себя считают. В то же время, как выяснилось, далеко не все участники фокус-групп смогли описать смыслы, вкладываемые в эти памятники.

Сделанные выводы на основании исследования, проведенного в Сургуте, а также ранее проведенные исследования позволяют говорить о недостаточной институализации использования визуальных образов в символической политике по формированию региональной идентичности.

Во-первых, на сегодняшний день в ней преобладает увлечение декоративными образами, которые обеспечивают топологическую узнаваемость, но не несут существенной региональной смысловой нагрузки. Региональная идентичность не является синонимом знаний о достопримечательностях региона, гордости за него или за конкретные объекты («Мамонты» и пр.). При этом остаются без подобной визуализации образы многих известных людей, осваивавших северные территории или защищавших страну на фронтах войны (Ф. Я. Показаньев, Н. Б. Мелик-Карамов, Ф. К. Салманов, П. А. Мунарев и др.). Их именами названы многие улицы, но без необходимой визуализации эти образы не попадают в пространство политической и исторической памяти горожан, не становятся предметом эмоционального восприятия. Между тем, региональная идентичность во многом – это совокупность психоэмоциональных представлений и политического поведения.

Но еще более существенной проблемой, связанной с недостаточной институализированностью использования визуальных образов, является их недостаточная включенность в содержание краеведческой работы.

Ведь памятник не только нужно создать, но и включить его в систему символической политики. Связанные с ним смыслы должны быть донесены до аудитории. Отметим, что символическая политика с использованием скульптурных визуальных образов отнюдь не должна заканчиваться созданием памятника, как сегодня обычно происходит. Скульптура должна быть именно включена в политику, быть элементом дискурса, иметь своё «наполнение».

Например, не институализируются должным образом эти образы в системе образования, к ним не обращаются методические рекомендации по историческому краеведению, предназначенные для учебных заведений. Не предусматривается посещение большинства памятников экскурсионными программами. Не случайно о существовании, например, памятника рыбакам, как показал опрос, горожане даже не знают, не говоря уже о его смыслах.

Таким образом, характеристикой новейшего этапа формирования региональной идентичности (с 2018 г.) можно определить неинституализированность, в первую очередь, в части символизма. Казалось бы, существенное место визуальные образы должны занимать в про-

граммах туристической отрасли. Однако туристическая отрасль рассматривается прежде всего как коммерческая сфера. Хотя перед ней тоже ставятся задачи формирования региональной идентичности, но на самом деле символическая политика в рамках туристических проектов ограничивается использованием «декоративных» образов, направленных лишь на «узнавание» местности. Отсутствуют памятники героям-первопроходцам, они частично увековечены лишь в названиях улиц. У молодежи также наблюдается запрос на открытые «исторические пространства» (возможные «тропы», парки и т. п.), то есть формат классических музейных пространств уже не вызывает никакого интереса.

Литература

1. Конкурсные мероприятия «Югре-900» // Открытый регион – Югра : портал открытого Правительства Югры. URL: <https://myopenugra.ru/yugre-900> (дата обращения: 12.11.2022).
2. Напишем нашу историю вместе! // «ugra-news.ru» = «Новости Югры» : информ.-аналит. интернет-портал. URL: <https://ugranews.ru/> (дата обращения: 22.11.2022).
3. Развитие системы массовых коммуникаций на 2007–2010 годы : Программа Ханты-Мансийского автономного округа – Югры // Сайт Думы Ханты-Мансийского автономного округа – Югры. URL: <https://www.dumahmao.ru/> (дата обращения: 22.11.2022).
4. Символика // Единый офиц. сайт гос. органов ХМАО-Югры. URL: <https://admhmao.ru/ob-okruge/simvoly> (дата обращения: 28.11.2022).

УДК 323: 947(57)

Сердюков Д. В.
Serdyukov D. V.

К ВОПРОСУ О ФОРМИРОВАНИИ ДОГОВОРНОГО МЕХАНИЗМА МЕЖРЕГИОНАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ МЕЖДУ ТЮМЕНСКОЙ ОБЛАСТЬЮ, ХАНТЫ-МАНСИЙСКИМ АВТОНОМНЫМ ОКРУГОМ – ЮГРОЙ И ЯМАЛО-НЕНЕЦКИМ АВТОНОМНЫМ ОКРУГОМ

TO THE QUESTION OF THE FORMATION OF A CONTRACTUAL MECHANISM INTERREGIONAL RELATIONS BETWEEN THE TYUMEN REGION, KHANTY-MANSIYSK AUTONOMOUS OKRUG – UGRA AND YAMALO-NENETS AUTONOMOUS OKRUG

Представлены история переговорного процесса и этапы формирования договорного механизма с начала 1990-х годов до актуальной договорной конструкции между Тюменской областью, Югрой и Ямалом по перераспределению государственных полномочий и поиску сбалансированной конструкции взаимоотношений в рамках сложнопостроенного региона.

The article presents the history of the negotiation process and the stages of the formation of the contractual mechanism from the early 1990s to the actual contractual structure between the Tyumen region, Yugra and Yamal on the redistribution of state powers and the search for a balanced structure of relations within a complex region.

Ключевые слова: Тюменская область, Югра, Ямал, договорный механизм, межрегиональные отношения, органы власти

Keywords: Tyumen region, Ugra, Yamal, contractual mechanism, interregional relations, authorities

Современная конструкция межрегиональных отношений между Тюменской областью, Югрой и Ямалом держится на договоре 2004 г., который с учётом оговорок федерального законодательства, позволил установить сбалансированный механизм перераспределения и исполнения полномочий между органами власти трех субъектов сложнопостроенного региона. Однако мало кто помнит долгую историю сложного переговорного процесса и этапы формирования его договорного механизма.

Отправной точкой формирования нового подхода в межрегиональных отношениях «тюменской матрешки» стал подписанный в марте 1992 г. Федеративный договор, что запустило межрегиональный договорный процесс. Так, уже 2 октября 1992 г. было заключено «Соглашение о разграничении полномочий между Тюменскими областными, Ханты-Мансийскими и Ямало-Ненецкими окружными органами представительной и исполнительной власти в сфере экономических отношений» [18, с. 11; 21].

Двусмысленность статуса автономных округов, заложенная в Федеративном договоре и Конституции 1993 г., определила основную «интригу» коллизий дальнейшего политического развития макрорегиона [16]. Толчком к возобновлению спора с областью послужили решения, принятые на совещании депутатов трех Дум в 1994 г., проходившем в отсутствие кворума. Дискуссия возникла вокруг документа «О предложениях по делегированию полномочий Тюменской областной думе», в соответствии с которым область хотела получить полномочия по взаимодействию с федеральным центром, недропользованию, общерегиональной налоговой политике, транспорту и связи. Депутаты Думы Югры высказались против такого сценария [9, с. 17]. В 1994 г. при Думе Югры была сформирована специальная экспертная группа по разработке договора о взаимоотношениях между округами и областью [1].

В сентябре 1995 г. главами администраций области и автономных округов был подписан, а представительными органами власти ратифицирован договор, закрепивший принципы и порядок отношений между органами государственной власти. Договор имел три приложения:

1. Положение об Административном совете Тюменской области, Ханты-Мансийского автономного округа, Ямало-Ненецкого автономного округа.
2. Положение о порядке формирования, управления и финансирования общеобластных программ.
3. Положение о Региональной энергетической комиссии Тюменской области, Ханты-Мансийского автономного округа, Ямало-Ненецкого автономного округа [8, 15, с. 112].

Тем не менее, в ноябре 1995 г. вновь обострились отношения с Тюменской областью. Поводом послужило принятие Госдумой РФ в первом чтении федерального законопроекта «Об основах отношений края, области и автономного округа, находящегося в их составе». Законопроект был подготовлен и внесён при участии Тюменской областной Думы по инициативе фракции ЛДПР [9, с. 22–23]. Реализация этого документа грозила лишить округа важнейших полномочий. Управление энергосистемой, связью, транспортом, даже собственным бюджетом должно было перейти к областным структурам. Председатель Думы Югры Сергей Собянин тогда так обозначил позицию автономного округа: «В таком виде он нежизнеспособен, он содержит явные нарушения Конституции, поэтому будет оспорен в Конституционном суде» [13]. В спешном порядке принятый Госдумой РФ закон был отклонён Советом Федерации [9, с. 22–23].

Взаимоотношения округов с Тюменской областью в первом полугодии 1997 г. можно охарактеризовать как умиротворённые, чему способствовало заключение в апреле этого года между органами власти трех субъектов РФ нового договора о сотрудничестве, а также соглашения о его реализации [4]. В соответствии с положениями договора создавались координационные органы из представителей законодательных и исполнительных органов власти регионов. В дополнение к Административному совету (в 1998 г. переименован в Совет Губернаторов) появились такие формы взаимодействия, как совместные заседания трех Дум и Совет Дум [1]. Договором были определены сферы сотрудничества: выработка согласованных нормативных документов по вопросам общеобластного значения; природопользование,

недропользование; охрана окружающей среды; развитие систем жизнеобеспечения населения; обеспечение населения продовольствием; здравоохранение, образование, культура, спорт; обеспечение занятости населения; социальная защита населения; общественная безопасность; связь, теле-радиокommunikация и т. д. Взаимоотношения должны были строиться на основе взаимной передачи части полномочий, разработки и реализации общеобластных программ, образовании координационных органов и т. д. [6].

В течение последующих нескольких лет на созданных площадках протекали поступательные переговорные процессы по различным вопросам, где требовались совместные усилия трех субъектов. Так, например, в августе 1998 г. на совместном трехстороннем совещании в Салехарде в ходе подготовки материалов для реализации постановления Конституционного суда был утверждён текст Соглашения органов законодательной (представительной) власти Тюменской области и округов о порядке разработки согласованных проектов законодательных актов автономных округов и области, регулирующих их общие интересы. Тем самым готовилась законодательная основа для выработки и, в случае необходимости, реализации нормативных актов, имеющих общую юрисдикцию в границах Тюменской области, включая автономные округа [14].

Итоги выборов губернатора Тюменской области 2001 г. дали надежду на конструктивный диалог между органами власти «тюменской матрёшки» и создание эффективного механизма координации общих задач. Так, 14 мая 2001 г. руководители трёх субъектов Федерации обсудили возможности разработки комплексной программы в социально-экономической сфере. Губернаторы подписали соглашения об основных направлениях согласованной политики в социально-экономической сфере, в сфере инвестиционной деятельности, социальной защиты населения, управления трудом, занятостью и миграционными процессами, составе Экономического совета [11]. Созданные механизмы согласования совместных решений начали показывать свою эффективность. В апреле 2002 г. был пролонгирован договор между органами государственной власти Тюменской области, Ханты-Мансийского и Ямало-Ненецкого автономных округов [5]. Предполагалось, что это исключит возможность принятия в одностороннем порядке решений, отрицательно сказывающихся на взаимодействии трех субъектов РФ [15].

Однако только начали притираться новые механизмы совместных решений на региональном уровне, как федерация вновь вернула в повестку тему сложнопостроенных субъектов. Комиссия во главе с заместителем руководителя Администрации Президента РФ Д. Н. Козаком подготовила проект закона «Об общих принципах организации законодательных и исполнительных органов госвласти субъектов РФ», в последующем – 95-ФЗ [22]. Этот документ был призван определить взаимоотношения субъектов Федерации с центром, но в последний момент там появилась дискуссионная ст. 26 о разграничении полномочий между органами власти сложнопостроенных субъектов. Согласно ст. 26 все важнейшие полномочия должны были отойти Тюмени. Но в результате сложных переговоров, имея ввиду уже имеющийся положительный опыт, редакция ст. 26 дополнилась оговоркой о возможности урегулирования вопроса о перераспределении полномочий с помощью договора между субъектами и отдельным федеральным законом, и часть полномочий (17 из 41) всё-таки вернули округам [10].

Летом 2003 г. законопроект был принят в данном виде, а осенью была создана трехсторонняя рабочая группа по выработке механизмов делегирования полномочий, состоящая из представителей исполнительных и законодательных органов власти трех субъектов. Члены группы поочередно встречались в Тюмени, в Ханты-Мансийске, в Салехарде. Была поставлена цель не только определиться с «ценой» полномочий, договориться кому и чем руководить, но и подготовить проекты соглашения и федерального закона, где нужно было отразить все нюансы взаимоотношений трех субъектов [9, с. 85, 104].

В 2004 г., на апрельском, пятом по счёту заседании сопредседатели рабочей группы, наконец подписали протокол согласия [19]. По проекту договора предполагалось, что органы власти Тюменской области осуществляют 24 полномочия, установленные 95-ФЗ, на террито-

рии области за исключением территорий северных округов, а органы госвласти последних, в свою очередь, осуществляют все эти полномочия на своих территориях самостоятельно [12]. Но в соответствии с условиями договора автономные округа передавали в бюджет области доходы от ряда налогов, в частности, от налога на прибыль предприятий, зарегистрированных в Югре и на Ямале (29,5 %), а также от налога на добычу полезных ископаемых в размере 100 % от региональной доли [9, с. 110–11; 20].

Таким образом, долгий переговорный процесс и поступательное внедрение договорного механизма сформировали необходимые условия для заключения в июле 2004 г. исторического договора о взаимодействии трёх субъектов «тюменской матрёшки», без которого автономные округа могли утратить важнейшие государственные полномочия [17]. В совместном заявлении губернаторов говорилось: «Достигнутые договорённости создают предпосылки для увеличения возможностей Тюменской области, Ханты-Мансийского автономного округа – Югры и Ямало-Ненецкого автономного округа в развитии производительных сил, транспортных и коммуникационных систем, элементов социальной инфраструктуры... Найденные решения придадут новый импульс социально-экономическому развитию региона» [16, 21]. В последующем региональные власти, оценивая позитивную роль договора в оптимальном упорядочении полномочий, несколько раз продляли его действие, весной 2008 г. [7] и в 2013 г. [2], даже несмотря на изменения экономической ситуации и федерального законодательства в части отчисления НДС. Последний раз договор был досрочно пролонгирован в 2018 г. со сроком реализации до 31 декабря 2025 г. [3].

Литература

1. Государственный архив Тюменской области. Ф. 814. Оп. 1. Д. 7666. Л. 87.
2. Договор между органами государственной власти Тюменской области, Ханты-Мансийского автономного округа – Югры и Ямало-Ненецкого автономного округа о продлении (пролонгации) действия договора между органами государственной власти Тюменской области, Ханты-Мансийского автономного округа – Югры и Ямало-Ненецкого автономного округа от 9 июля 2004 года и отдельных вопросах взаимодействия между органами государственной власти Тюменской области, Ханты-Мансийского автономного округа – Югры и Ямало-Ненецкого автономного округа // Официал. портал Тюмен. обл. Думы. URL: <http://duma72.ru/> (дата обращения: 25.11.2022).
3. Договор между органами государственной власти Тюменской области, Ханты-Мансийского автономного округа – Югры и Ямало-Ненецкого автономного округа о продлении (пролонгации) действия договора между органами государственной власти Тюменской области, Ханты-Мансийского автономного округа – Югры и Ямало-Ненецкого автономного округа от 9 июля 2004 года // Официал. сайт Тюмен. обл. Думы. URL: <https://duma72.ru/> (дата обращения: 25.11.2022).
4. Договор между органами государственной власти Тюменской области, Ханты-Мансийского автономного округа, Ямало-Ненецкого автономного округа (подписан 10.04.1997) // Кодекс. URL: <https://docs.cntd.ru/> (дата обращения: 25.11.2022).
5. Договор между органами государственной власти Тюменской области, Ханты-Мансийского автономного округа, Ямало-Ненецкого автономного округа (подписан 11.04.2002) // Кодекс. URL: <https://docs.cntd.ru/> (дата обращения: 25.11.2022).
6. Договор между органами государственной власти Тюменской области, Ханты-Мансийского автономного округа, Ямало-Ненецкого автономного округа // Новости Югры. 1997. 27 марта. С. 2.
7. Договор от 14 июля 2008 года № 40 между органами государственной власти Тюменской области, Ханты-Мансийского автономного округа – Югры и Ямало-Ненецкого автономного округа о продлении (пролонгации) действия Договора между органами государственной власти Тюменской области, Ханты-Мансийского автономного округа-Югры и Ямало-Ненецкого автономного округа // Кодекс. URL: <https://docs.cntd.ru/> (дата обращения: 25.11.2022).

8. Об отношениях органов исполнительной власти Тюменской области, Ханты-Мансийского автономного округа, Ямало-Ненецкого автономного округа : договор от 27.09.1995 // Официал. портал органов гос. власти Тюмен. области. URL: <https://law.admtyuмен.ru/> (дата обращения: 25.11.2022).
9. Никитина Е. И. Дума: взгляд сквозь годы. Ханты-Мансийск : Полиграфист, 2006. 152 с.
10. Копнов В. 26.6. по Козаку // Новости Югры. 2003. 5 апреля. С. 3.
11. Копнов В. Вместе жить легче // Новости Югры. 2001. 15 мая. С. 1.
12. Никитина Е. И. Югра и Ямал – за Тюмень? // Новости Югры. 2004. 5 июня. С. 1.
13. Никитина Е. И. В попытке изменить статус округа Тюменская Дума идёт рука об руку с жириновцами // Новости Югры. 1995. 28 ноября. С. 1–2.
14. Никитина Е. И. С тропы войны на путь переговоров // Новости Югры. 1998. 9 августа. С. 4.
15. Павленко А. Н. Правовые аспекты взаимоотношений Ямало-Ненецкого автономного округа с Тюменской областью // Право и управление. XXI век. 2008. № 1. С. 113.
16. Петров Н. В. Федерализм по-русски // Pro et contra. 2000. Т. 5. № 1. С. 16.
17. О Договоре между органами государственной власти Тюменской области, Ханты-Мансийского автономного округа – Югры и Ямало-Ненецкого автономного округа : постановление Тюмен. обл. Думы от 12 августа 2004 г. № 1570 // Официал. портал Тюмен. обл. Думы. URL: <https://duma72.ru/> (дата обращения: 25.11.2022).
18. Представительные и исполнительные органы государственной власти, органы местного самоуправления в Ханты-Мансийском автономном округе. 1930–2001 гг.: полномочия, функции, структура : сб. док. Ханты-Мансийск, 2002. 228 с.
19. Пресс-служба Думы Ханты-Мансийского автономного округа. Качественный скачок // Новости Югры. 2004. 17 апреля. С. 2.
20. Совместное заявление Губернаторов Тюменской области, Ханты-Мансийского автономного округа – Югры, Ямало-Ненецкого автономного округа. Договор подписан // Новости Югры. 2004. 10 июля. С. 1.
21. Соглашение о разграничении полномочий между Тюменскими областными, Ханты-Мансийскими и Ямало-Ненецкими окружными органами представительной и исполнительной власти в сфере экономических отношений (подписано 1992 г.) // КонсультантПлюс.
22. О внесении изменений и дополнений в Федеральный закон «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» : федер. закон // Офиц. интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru/> (дата обращения: 25.11.2022).

УДК 070:654.197(571.122)

Вайветкина А. М.

Vayvetkina A. M.

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ТЕЛЕЭФИРА «СУРГУТИНФОРМТВ»

IMPROVEMENT OF TV AIR SURGUTINFORMTV

В статье представлена эволюция и анализ тематики программ телекомпании «Сургут ИнформТВ» от изначальной направленности на создание коротких новостных сюжетов до расширения поля деятельности и появления с течением времени серьезных проектов.

The article presents the evolution and analysis of the topics of the programs of the Surgut InformTV company from the initial focus on the creation of short news stories to the expansion of the field of activity and the appearance of serious projects over time.

Ключевые слова: Сургут, телевидение, «СургутИнформТВ», программы, зрители, новости, Нефть Приобья, Сургутские видеонОВОСТИ

Keywords: Surgut, television, SurgutInformTV, programs, viewers, news, Oil Priobye, Surgut video news

На первых этапах своей деятельности телекомпания «СургутИнформТВ» занималась выпуском единственной программы – «Сургутских видеонОВОСТЕЙ». Она представляла собой освещение общественно важных политических событий. Так, первой темой для репортажа, зафиксированной редакцией, была партийная конференция Сургута [12, с. 26]. Это были первые попытки телетрансляции с интервьюированием ее участников. Уже в перерыве заседания все присутствующие могли увидеть себя на большом экране. В 1992 г. «Сургутские видеонОВОСТИ» становятся «Новостями Сургута». Кроме того, изначально они выходили с периодичностью один раз в неделю, а в 1995 г. стали ежедневными. Позже появлялись обобщающие программы, к примеру, программа «Дубль-2», представляющая собой обзор событий за прошедший месяц, и «Резонанс», являвшаяся итоговой программой недели. [10, с. 2]. На первых порах наполнение программ характеризовалось контингентом их зрителей: в основном, это были родственники и друзья. Поэтому иногда в эфире звучали поздравления в честь юбиляров с музыкальной заставкой. С изменениями имиджа компании от них пришлось отказаться [11, с. 7].

В 1991 г. вышла новая программа, которая впоследствии стала называться «Пик коммунизма» – видеоприложение к газете «Нефть Приобья» [3]. Деятельность ее была напрямую связана с этой газетой и представляла собой сюжеты, дополняющие содержание газетных статей. Наличие столь тесной связи с газетными новостями, на наш взгляд, являлось свидетельством недостатка у телекомпании в первые годы существования собственного контента.

Появление первых проектов характеризовалось энтузиазмом первопроходцев, сочетавшимся с отсутствием должного опыта и финансовых средств. В первые годы отмечена тенденция создания авторских программ по инициативе автора, желавшего доходчиво рассказать о своем увлечении, и привлечении спонсора, увидевшего в ней коммерческий интерес, например, программы «Кауфер» (1992 г.), представлявшей собой «телеучебник» для женщин о привлекательности; ВВС «Маззи» (1992 г.) – об уроках английского языка; «Пива нет» (1992 г.) – о зарубежной эстраде и проблемах растущего поколения [4].

В 1993 г. с появлением новой программы «АЛЮ» телекомпания вышла на новый уровень, открывая эпоху интерактивных эфиров в масштабе региона [5]. Суть заключалась в том, что зритель звонил в студию для ответа на вопросы ведущего и участия в розыгрыше. Участником этой программы мог стать любой желающий телезритель [11, с. 5]. Так, в ночь на 31 декабря 1993 г. телефонная связь города не работала два часа в связи с перегрузкой из-за звонков в эфир «СургутИнформТВ».

Дальнейшее развитие жанра общения с аудиторией произошло в 1996 г., когда начинают выходить программы, предполагающие живое общение в эфире с гостями (чиновники, эксперты, зрители) на интересующие темы. Любой желающий мог позвонить в эфир и задать вопрос на программы «Горячая линия», «Перед лицом четвертой власти», «Женское любопытство» [6], «Такие дела» (в 1999 г.) [8]. Благодаря появлению подобных интерактивных телепередач в телеэфире компании «СургутИнформТВ» все чаще появлялись важные общественно-политические вопросы с обсуждением способов их решения между важными гостями эфира и населением.

В 1994 г. тематика телепрограмм вновь была расширена за счет спортивной тематики, пропагандировавшей здоровый образ жизни. Так появился цикл программ «Свободный удар», представлявший собой ток-шоу по футбольной теме. Первый ее выпуск был приурочен к чемпионату мира по футболу. Далее, появились программы: «Ступени мастерства», «Фан-Джим», «Спорт» [11, с. 6]. В 2000 г. телекомпания стала приглашать в студию известных спортсменов, делившихся своим опытом и событиями, произошедшими за кадром. Данная программа получила название «Спорт-Итоги» [9].

Программы сургутской телекомпании охватывали таким образом определенный пласт проблем, существовавших в городе, в том числе социальных, экологических, политических. Так, в 1993 г. стартовала программа «Хронос», повествующая о жизни незащищенных слоев населения [5]. Проблему преступности освещали в программе «Излом», созданной в 1996 г. по инициативе местного отдела милиции [1]. В 1998 г. выходит программа «Эхо» об экологической ситуации в городе и районе [7]. Также, по словам генерального директора «СургутИнформТВ» Игоря Викторович Яроша, «выходила программа «Официальный отдел», которую вела Ирина Ивановна Сердюкова, где выдавались все особо важные постановления, принятые за неделю» [2].

В 1993 г. появились программы об истории родного края: программа «Романтики и Земляки» – об истории освоения нефтяного края, о старожилах и первопроходцах; программа «Истоки» – об истории и жизни финно-угорских народов [5].

В октябре 1996 г. «СургутИнформТВ» подписала договор с Всероссийской государственной телерадиокомпанией (ВГТРК), по которому де-факто стала корреспондентским пунктом в Ханты-Мансийском автономном округе – Югре. Но за неимением в Ямале и юге Тюменской области корреспондентских пунктов ВГТРК, спектр освещения проблем телекомпании был расширен за счет новостей и из этих территорий. Особое внимание получили сюжеты о газовом выбросе на Федоровском месторождении, о «чумовой» акции ассоциации аборигенов Севера «Спасение Югры», привлекая внимание к проблемам ханты и манси, о судьбе Самогтора, о сургутских балках и их обитателях [11, с. 7].

В 1995 г. «СургутИнформТВ» выпустила пилотный выпуск детской программы «Засыпайка», подготовку которой осуществляли вместе с театром «Петрушка». В условиях недостаточного количества детского контента на телевидении программа быстро набрала популярность, что обусловило создание новых проектов такой тематики. Так, в 1996 г. появилась программа «Карусель», расширялись возрастные рамки и в 1998 г. появились программы для подростков – «Творительный падеж», «Полигон», «STAR-старт» со спортивным уклоном и «Планета Икс» с интеллектуальной составляющей [2].

Таким образом, явно прослеживается эволюция телекомпании «СургутИнформТВ» от коротких новостных сюжетов до расширения поля деятельности и появления с течением времени серьезных проектов.

Литература

1. «Излом» рождался дважды // СургутИнформ-ТВ : сайт. URL: <https://sitv.ru/arhiv/> (дата обращения: 06.06.2022).
2. Игорь Ярош «Я в думе – нормальный депутат» // СИА-Пресс : сайт. URL: <https://siapress.ru/> (дата обращения: 06.06.2022).
3. История СТВ. 1990–1991 // СургутИнформТВ : сайт. URL: <https://sitv.ru/> (дата обращения: 06.06.2022).
4. История СТВ. 1992 // СургутИнформТВ : сайт. URL: <https://sitv.ru/> (дата обращения: 06.06.2022).
5. История СТВ. 1993 // СургутИнформТВ : сайт. URL: <https://sitv.ru/> (дата обращения: 06.06.2022).
6. История СТВ. 1996 // СургутИнформТВ : сайт. URL: <https://sitv.ru/> (дата обращения: 06.06.2022).
7. История СТВ. 1998 // СургутИнформТВ : сайт. URL: <https://sitv.ru/> (дата обращения: 06.06.2022).
8. История СТВ. 1999 // СургутИнформТВ : сайт. URL: <https://sitv.ru/> (дата обращения: 06.06.2022).
9. История СТВ. 2000 // СургутИнформТВ : сайт. URL: <https://sitv.ru/> (дата обращения: 06.06.2022).

10. Стоянова Л. Олег Урушев в жизни и на экране// Нефть Приобья. 27 сентября 1991 г. № 77. 10 с.
11. СургутИнформТВ. Сургут, 2000. 9 с.
12. Телевидение Сибири : моногр. / А. Е. Ярославцева, В. С. Байдина, Э. В. Блинова и др. Изд. 2-е, доп. и испр. Томск : Изд-во НТЛ, 2011. 208 с.

УДК 316.334.2(091)(571.122)

Мартынов М. Ю.

Martynov M. Yu.

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ СИТУАЦИЯ И ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА В ХАНТЫ-МАНСИЙСКОМ АВТОНОМНОМ ОКРУГЕ В НАЧАЛЕ 1990-Х ГГ.

SOCIO-ECONOMIC SITUATION AND STATE POLICY IN THE KHANTY-MANSI AUTONOMOUS OKRUG IN THE EARLY 1990S.

Рассматривается социально-экономическая ситуация в Ханты-Мансийском автономном округе в результате экономических и политических реформ в начале 1990-х гг., факторы, осложняющие ситуацию, и меры государственного регулирования, направленные на решение проблем высокой стоимости жизни, дефицита товаров и продовольствия. В результате ухудшения материального положения и условий жизни численность занятого населения в ХМАО к середине 1990-х гг. сократилась, что стало тревожным сигналом для региона, имеющего для экономики страны стратегическое значение.

The article considers the socio-economic situation in the Khanty-Mansi Autonomous Okrug as a result of economic and political reforms in the early 1990s, factors complicating the situation, and government regulation measures aimed at solving the problems of high cost of living, shortage of goods and food. As a result of the deterioration of the financial situation and living conditions, the number of employed people in the Khanty-Mansi Autonomous Okrug decreased by the mid-1990s, which became an alarming signal for the region, which has strategic importance for the country's economy.

Ключевые слова: Ханты-Мансийский автономный округ, государственная политика, социально-экономическая ситуация

Key words: Khanty-Mansi Autonomous Okrug, state policy, socio-economic situation

Сегодня Ханты-Мансийский автономный округ – Югра является одним из крупнейших нефтедобывающих регионов мира и, обладая развитой промышленной базой, занимает передовые позиции среди субъектов Российской Федерации по ряду параметров экономического развития [3]. Однако основным богатством и ресурсом края всегда были не газ, машины и механизмы, а люди, осваивавшие Югру в непростых природных условиях северных широт на протяжении многих поколений. И именно этот основной – человеческий ресурс, оказался под ударом в условиях распада СССР, экономического кризиса и трансформационных процессов рубежа 1980–1990-х гг.

В условиях реформ и перехода на рыночные рельсы социально-экономическая обстановка в ХМАО, несмотря на его относительное «благополучие» по сравнению с другими регионами России, была весьма сложной. Предприятия нефтегазового комплекса из-за взаимных неплатежей, высоких цен на энергоносители, высоких тарифов на железной дороге, отсутствия инвестиций для замены оборудования находились в тяжелом положении. Следствием

стали огромные долги предприятий по выплате заработной платы работникам, снижение жизненного уровня населения. У предприятий возникли проблемы по отчислениям в бюджеты всех уровней и во внебюджетные фонды.

Существовавшая система оплаты труда в ХМАО, опиравшаяся на принятый еще в 1972 г. Кодекс законов о труде РСФСР, в котором появилась статья «О льготах в области труда для рабочих и служащих, работающих в районах Крайнего Севера и в приравненных к ним местностях» [4], обеспечила здесь в последние десятилетия СССР высокий уровень заработной платы и компенсационных выплат работникам, большую социальную защищенность, наличие перспектив в карьере и т. д.

К началу 1990-х гг. этот относительно высокий по сравнению с другими регионами России уровень заработной платы в ХМАО формально сохранился, однако на деле, в связи с систематическими задержками заработной платы, данное преимущество оказалось во многом нивелировано. Например, в 1993 г. она насчитывала по округу 201,1 тыс. руб., в 1994 г. – 646 тыс. руб., тогда как физиологический прожиточный минимум в ХМАО в эти годы составлял 76,2 и 249,7 тыс. рублей соответственно [8].

Тем более, что стоимость жизни в этом регионе продолжала оставаться гораздо выше среднероссийского уровня. Так, согласно данным социологического исследования, проведенного в октябре 1993 г. Российской академией управления, если стоимость минимальной потребительской корзины в расчете на душу населения по Российской Федерации тогда составила 32 400 руб., то в ХМАО почти втрое больше – 85 000 руб. [6, с. 16]. Прекращение после распада СССР государственного регулирования цен привело к тому, что приобретение продуктов питания и промтоваров по коммерческим ценам обходилось для жителей ХМАО гораздо дороже, чем в среднем по России [8, с. 72].

Имела место и нарастающая поляризация в доходах жителей ХМАО. По данным социологических наблюдений, доля доходов 10 % наиболее обеспеченной группы населения в 1993 г. в ХМАО составила 26,8 % в общем фонде доходов населения округа, а на долю 10 % наименее обеспеченных граждан приходилось только 2 % доходов округа. В следующем 1994 г. доля доходов богатого меньшинства выросла еще на 2 %, составив 28,8 %, а на доходы 10 % наименее обеспеченного населения приходилось лишь 2,3 % от общих доходов населения округа [11]. Поэтому, если для одних семей задержки заработной платы не были столь существенны, то других они ставили на грань выживания.

С периода перестройки серьезной проблемой для жителей округа оставался дефицит товаров. Так, в ходе проведенного осенью 1989 г. социологического исследования «Социальная справедливость, выборы и структура ожиданий населения Ханты-Мансийского автономного округа накануне выборов в местные Советы», в котором приняли участие более 2 тысяч респондентов, 97 % опрошенных югорчан отнесли продовольственную проблему (наряду с жилищной) к наиболее острым [1, с. 32].

В январе 1990 г. участники расширенного пленума Тюменского областного комитета КПСС в связи с резким ухудшением социально-экономической обстановки в регионе направили обращение в Политбюро ЦК КПСС и в Президиум Верховного Совета СССР. В нем, в частности, говорилось, что население Тюменской области, являющейся главной топливно-энергетической базой страны, оказалось перед лицом все возрастающего несоответствия между вкладом области в экономику, с одной стороны, и обеспечением продовольствием, товарами первой необходимости, решением социальных проблем – с другой [10, с.1]. Обращение заканчивалось беспрецедентным требованием к руководству СССР – направлять в областной бюджет определенный процент денежных средств, полученных от продажи добываемых в регионе ресурсов, – нефти, газа, леса и др. [10, с. 1]. Данное обращение отражало характерное для того времени стремление регионов добиться большей хозяйственной самостоятельности от центра, а также пересмотреть порядок распределения доходов в пользу местных бюджетов.

Ситуация в ХМАО не была оставлена без внимания. Так, в ходе поездки в автономный округ в апреле 1991 г. курировавшего ТЭК заместителя премьер-министра СССР Л. Д. Рябова

и министра нефтяной и газовой промышленности СССР Л. И. Филимонова было заявлено, что правительство предпримет все «меры по поддержанию условий жизни северян на приемлемом уровне» [7, с. 1].

Тем не менее, правительство не согласилось регулярно отчислять в бюджет региону процент от нефтегазовых доходов, добытых в ХМАО, как ранее просил Тюменский обком партии, но согласилось на такую разовую акцию в порядке исключения. В частности, была одобрена продажа за границу 1 млн тонн нефти целевым порядком, чтобы на вырученные деньги закупить мясо и другие продовольственные товары для жителей Тюменской области [7, с. 1]. Подобные меры несколько смягчали потребительскую ситуацию в округе, но кардинально улучшить ее были не в состоянии.

Следствием ухудшения в начале 1990-х гг. социально-экономической ситуации стал отток населения из округа и отрицательное сальдо миграции, что и являлось отражением общей северной тенденции начала 1990-х годов [13, с. 5].

Поскольку основная доля населения проживала в городах и поселках городского типа, именно в них снижение численности населения оказалось достаточно заметным. Это, в свою очередь, обостряло вопрос обеспечения предприятий рабочей силой. Так, за период 1990–1996 гг. численность постоянного населения в г. Нижневартовске сократилась с 249,3 до 239,4 тыс. человек, в г. Урае – с 39,7 до 38,3 тыс. человек, в Ханты-Мансийске – с 35,8 до 35,6 тыс. человек, в г. Белоярском – с 20 до 16,9 тыс. человек, в г. Лангепасе – с 41 до 36 тыс. человек [12, с. 58].

Другим негативным демографическим фактором стало снижение рождаемости, рост смертности и, как следствие, сокращение естественного прироста населения в ХМАО. Показатель естественного прироста населения в целом по округу ухудшился в период социально-политических трансформаций 1990-х гг. Так, если в 1989 г. население округа увеличилось за счет естественного прироста населения почти на 20 тыс. человек, то в 1997 г. – только на 6 255 человек. Число родившихся ежегодно уменьшалось в эти годы на 9–17 %. Стабилизация рождаемости наметилась лишь к началу 2000-х гг. [5].

Исследование социально-экономического положения семей Ханты-Мансийского автономного округа, проведенное Академией народного хозяйства при Правительстве РФ в 1993 г., показало, что почти третья часть населения ХМАО (33 %) вследствие «шоковой терапии» начала 1990-х гг. оказалась за чертой бедности. Граница «крайней бедности» с учетом стоимости жизни в регионе, за которую попали 10 % населения ХМАО, была обозначена ежемесячным доходом в 43 тыс. руб. Среди этих «крайне бедных», которым требовалась срочная социальная поддержка, преобладали югорчане трудоспособного возраста [6, с. 56].

В качестве причины ухудшения социально-экономического положения семей авторы исследования называли кризис платежей на многих предприятиях, который разрушил сложившееся в прошлом соотношение между минимальной, средней и высокой заработной платой, между пенсией и заработной платой, а также между заработной платой, стипендиями и пособиями на детей. Кроме того, работник любого предприятия и любой квалификации мог оказаться в ситуации невыплаты или значительной задержки выплаты зарплаты.

Анализ величины душевого дохода семьи в сочетании с наличием у нее недвижимого имущества и качеством жилья позволил выделить в ходе упомянутого исследования шесть разных групп семей:

- 1) «крайне бедные» – низкий доход, плохие жилищные условия, нет недвижимости – 10,6 %;
- 2) «низкодоходные» (относительно бедные) – низкий доход, но есть недвижимость, жилищные условия выше средних – 16,0 %;
- 3) «среднедоходные, но малоимущие» – средний доход, но нет недвижимости, плохие жилищные условия – 23,3 %;
- 4) «среднеобеспеченные» – средний доход, есть недвижимость, жилищные условия выше средних – 38,3 %;

5) «высокодоходные» – высокий доход, но плохие жилищные условия и нет недвижимости – 4,4 %;

б) «богатые» – высокий доход, есть недвижимость, жилищные условия выше средних – 6,7 %.

Система социального обеспечения населения в первой половине 1990-х гг. оказалась не готова к столь сильным колебаниям в социальном положении семей. Так, согласно данным упомянутого социологического опроса 1993 г., только 24 % семей с детьми указали, что уже имеют дополнительное пособие, льготы в обеспечении лекарствами – 5,2 %, льготы в оплате жилья и коммунальных услуг – 8,4 % [6, с. 56].

По результатам исследования, проведенного в следующем 1994 г. социологическим центром Администрации ХМАО, был сделан вывод, что «абсолютное большинство населения округа выражает острую тревогу по поводу ухудшения экономического положения, всерьез опасается массовой безработицы, озабочено обнищанием» [2, с. 9].

Оценивая свое социально-экономическое положение в 1994 г., 43,4 % опрошенных жителей округа указали, что им «денег едва хватает от зарплаты до зарплаты», а каждый десятый заявил, что «денег не хватает на питание и предметы первой необходимости» или даже – «живу в нищете». Как «вполне сносную» ситуацию оценили 43,3 % респондентов. Небольшая группа – 3,2 %, заявили, что «живут в полном достатке». При этом если 38,6 % опрошенных относились к ситуации «с пониманием», то для 44,5 % она выглядела «источником беспокойства и тревоги», а еще 7,3 % были «подавлены и расстроены». Причины беспокойства для большинства опрошенных крылись в опасениях потерять работу, а значит и источник содержания семьи. Об этом заявили 67,5 % респондентов [2, с. 19-22]. Почти половина югорчан – 49,7 %, судя по результатам опроса, были «полностью недовольны условиями жизни», а еще 37,8 % – «частично довольны». В сумме этот «проблемный» для власти электорат, недовольный результатами экономических реформ, составлял почти 90 % жителей Югры. Среди причин неудовлетворенности люди выделяли жилищные проблемы [2, с. 33–34], гиперинфляцию и рост цен [2, с. 29].

В целом, в результате негативных процессов в экономической сфере, ухудшения материального положения и условий жизни численность занятого населения в ХМАО к середине 1990-х гг. сократилась по сравнению с 1991 г. на 38,7 тыс. чел. (на 5,3 %) [9, с. 84], что для региона, имеющего для экономики страны стратегическое значение, было тревожным сигналом.

Литература

1. Государственный архив ХМАО-Югры. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1769.
2. Государственный архив ХМАО-Югры. Ф. 516. Оп. 1. Д. 5.
3. Ханты-Мансийский автономный округ – Югра : единый офиц. сайт гос. органов. URL: <https://admhmao.ru/>.
4. Кодекс Законов о труде РСФСР 1972 г. URL: http://www.libussr.ru/doc_ussr/usr_7723.htm
5. Федеральная служба государственной статистики : офиц. сайт. URL: <http://www.perepis2002.ru/>.
6. Аналитический отчет по программе социологического исследования социально-экономического потенциала семей Ханты-Мансийского автономного округа / науч. руководитель проекта Е. Б. Корняк.
7. Жизнь стала дороже, но вряд ли веселее // Сургут. трибуна. 12.04.1991.
8. Зоткин Р. А. Особенности положения городского населения Ханты-Мансийского автономного округа в условиях социально-экономических реформ 90-х гг. XX в. // Вестн. Томск. гос. ун-та. 2008. № 310. С. 72–73.
9. Корепанов Г. С. Социальное воспроизводство региона: экономико-социологический анализ : дис. ... д-ра социолог. наук. Тюмень, 2010. 126 с.

10. О социально-экономической обстановке в округе // Сургут. трибуна. 24.01.1990.
11. Социальные проблемы Югры : сб. аналит. и стат. материалов. Ханты-Мансийск : Социолог. центр Администрации Ханты-Мансийского автономного округа, 1997. 98 с.
12. Стась И. Н. Кризис урбанизации и системы городского расселения Ханты-Мансийского автономного округа в первой половине 1990-х гг. // Вестн. Югорск. гос. ун-та. 2013. Вып. 1. С. 56–60.
13. Успенская Т. Н. Миграционное поведение населения Ханты-Мансийского автономного округа. М. : ЦСП, 2006. 208 с.

УДК 94(57) + 908.571.122

Veselov S. I.
Veselov S.I.

**УСЛОВИЯ СОЗДАНИЯ И СТАНОВЛЕНИЯ ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОГО ЦЕНТРА
«СТАРЫЙ СУРГУТ»: К ПРОБЛЕМЕ СОХРАНЕНИЯ ИСТОРИЧЕСКОЙ
ЗАСТРОЙКИ (КОНЕЦ 1960-х – НАЧАЛО 2000-х гг.)**

**CONDITIONS FOR THE CREATION AND ESTABLISHMENT OF THE HISTORICAL
AND CULTURAL CENTER “OLD SURGUT”: ON THE PROBLEM OF PRESERVING
HISTORICAL BUILDINGS (LATE 1960s – EARLY 2000s)**

Статья посвящена анализу исторических условий возникновения историко-этнографической зоны – современного историко-культурного центра «Старый Сургут» как решения проблемы сохранения деревянных домов города Сургута, представлявших историческую ценность. Отмечается, что в конце 1960-х – начале 1980-х гг. стремительное возведение новых микрорайонов города привело к сносу исторической застройки. По инициативе сургутского краеведа Флегонта Яковлевича Показаньева и общественности города в 1983 г. началось строительство историко-этнографической зоны, которая должна была воспроизвести старое деревянное зодчество рубежа XIX–XX вв.

The article is devoted to the analysis of the historical conditions of the emergence of the historical and ethnographic zone – the modern historical and cultural center “Old Surgut”. The author of the article explores the problems of preserving wooden houses of Surgut, which were of historical value. It is noted that in the late 1960s – early 1980s, the rapid construction of new neighborhoods of the city led to the demolition of historical buildings. On the initiative of Surgut local historian Phlegont Yakovlevich Pokazanyev and the public of the city in 1983 the construction of a historical and ethnographic zone began, which was supposed to reproduce the appearance of the old wooden architecture of the turn of the XIX–XX centuries.

Ключевые слова: Старый Сургут, деревянное зодчество, историко-этнографическая зона, музейно-этнографический комплекс, историко-культурный центр, ведомственность, историческое пространство, городская интеллигенция

Keywords: Old Surgut, wooden architecture, historical and ethnographic zone, museum and ethnographic complex, historical and cultural center, departmental, historical space, urban intelligentsia

Созданию любого учреждения предшествуют уникальные события, формирующие предпосылки для его образования. У историко-культурного центра (ИКЦ) «Старый Сургут»

также есть своя уникальная и неповторимая история. Проблема сохранения исторического облика старого Сургута восходит ко второй половине 1960-х гг., когда с началом нефтегазового освоения Севера Западной Сибири в Сургуте развернулась интенсивная застройка земель, на которых четыре столетия назад был основан один из старейших городов. Уже тогда было ясно, что новое строительство может привести к полному уничтожению всех исторических памятников, если не побеспокоиться заранее об их целостности.

Именно с этой целью известный краевед Сургута, заслуженный работник культуры РСФСР Ф. Я. Показаньев, с начала 1970-х гг. стал поднимать вопрос перед Сургутским горисполкомом о сохранении части старого города на берегу р. Бардыковки, где ул. Советская примыкает к ул. Республики. Он был известен общественности как создатель краеведческого музея и активный популяризатор знаний об истории края. У истоков создания Сургутского отделения Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры (далее – ВООПиК) в 1966 г. также стоял Ф. Я. Показаньев.

19–21 января 1972 г. в Сургуте состоялась конференция по градостроительству северных городов при участии проектных организаций Госстроя РСФСР. На конференции Ф. Я. Показаньев представил краткую историческую справку о Сургуте и внес предложение о создании небольшой историко-этнографической зоны. Его инициативу дружно поддержали все участники конференции [4, с. 37]. На тот момент в исторической части города еще стояли старые деревянные дома, сохранившие следы работы искусных мастеров резьбы по дереву конца XIX – начала XX веков [11, с. 3].

Необходимость масштабных работ по созданию культурного и исторического облика Сургута Ф. Я. Показаньев объяснял так: «любой гражданин ещё до приезда представляет его как старейший город Сибири и как город бурно развивающейся социалистической индустрии. Лицо города должно быть отмечено знаками истории и новизны» [8, с. 2]. Таким образом, сохранение историко-культурного наследия и его преумножение являлось основным лейтмотивом деятельности «неистового» Флегонта (так его называли в среде творческой интеллигенции города).

Во второй половине 1970-х гг. Сургут продолжал интенсивно застраиваться. Основной чертой, присущей градостроительству в Ханты-Мансийском автономном округе, являлась ведомственность [9, с. 237]. В это время энергетики в центральной части города завершали 8-й микрорайон, и буквально через дорогу начинался район Старый Сургут. Рядом с ним находился поселок строителей, в северо-западной части – поселок нефтяников, в восточной – поселок геологов и др. Согласно генеральному плану и документации, разработанной институтом «УралГЭП», «Тюменьэнерго» должно было продолжить застройку исторической части Сургута (10-й микрорайон). С инженерной точки зрения эта часть города была расположена на возвышенном месте, где не требовалось производить дорогостоящие работы по отсыпке заболоченной территории.

К началу 1980-х гг. в общественном сознании города зрела и укреплялась мысль о сохранении памятников истории и культуры. Ф. Я. Показаньев, не теряя надежды, продолжал продвигать идею создания историко-этнографической зоны. 10 ноября 1982 г. он подготовил обоснование о необходимости сохранения исторической застройки г. Сургута, с которым обратился в отдел культуры Сургутского горисполкома. В дальнейшем инициативу Ф. Я. Показаньева и отдела культуры рассмотрели и поддержали в Министерстве культуры РСФСР [7].

В конце ноября – начале декабря 1983 г. проблема сохранения района Старый Сургут на своем историческом месте обсуждалась в исполкоме городского Совета народных депутатов. В защиту исторической части Сургута выступали: директор Сургутского краеведческого музея Л. В. Степанова, член президиума совета Томского отделения ВООПиК М. М. Гарипов и др. К обсуждению проблемы подключились журналисты И. П. Захаров, А. Ф. Ярошко.

Но их предложение не получило поддержки. Главный архитектор Сургута А. П. Аболонин разработал новый вариант – перенос домов из исторической части города на новое место. А все то, что еще оставалось в районе Старый Сургут подлежало сносу.

В итоге, после бурных обсуждений в местной прессе 22 декабря 1983 г. горисполком принимает решение № 241 «О размещении историко-этнографической зоны» [6, л. 127–128]. Согласно решению, к 400-летию г. Сургута (к 1993 г.) ее предполагалось разместить по правую сторону от ул. Энергетиков (восточнее улицы), где находился городской рынок и станция технического обслуживания автомобилей «ВАЗ». С этой целью планировалось осуществить перенос исторических домов Сургута на новое место. Заказчиком по строительству историко-этнографической зоны выступало РЭУ «Тюменьэнерго», а подрядчиком – трест «Сургутэнергострой».

Однако начало общестроительных работ по размещению историко-этнографической зоны совпало с интенсивным сооружением ГРЭС-2 и вводом в эксплуатацию в феврале 1985 г. первого энергоблока. В связи с этим реализация решений горисполкома сдерживалась в силу объективных и субъективных обстоятельств. Но уже к концу 1987 г. из 22 зданий – памятников местного значения, включенных в список на перенос, сохранились только 17. Например, среди снесенных домов было здание, в котором в 1920–1921 гг. жил А. П. Зырянов – секретарь Сургутского уездного комитета РКП(б), командир партизанского отряда, погибший в период Западно-Сибирского восстания [3].

Решением Сургутского горисполкома от 30 ноября 1987 г. № 380 «О создании историко-этнографического комплекса в г. Сургуте» генеральным пользователем историко-этнографического комплекса был утвержден Сургутский филиал областного краеведческого музея. Тем не менее, заказчиком строительства комплекса оставалось РЭУ «Тюменьэнерго». Таким образом, организатором его строительства выступало предприятие, главной целью которого являлось возведение и эксплуатация электростанций, а также сооружение нового жилого микрорайона на историческом месте города.

К 1988 г. проектно-сметная документация историко-этнографического комплекса была подготовлена сургутским филиалом «ЗапСибЗНИИЭП» и московским кооперативом «Эргос». Активные работы начались только в 1990 г., когда «Тюменьэнерго» привлекло к воссозданию «старого» Сургута местный кооператив «Комплекс». В начале мая 1990 г. сгорело здание бывшей детской музыкальной школы, которое было известно сургутянам как «белая школа».

В феврале 1989 г. был вторично сорван план организации площадки для складирования материалов от снесенных домов. Ответственными были назначены руководители треста «Запсибэнергожилстрой» (Немцов и Судаков). Для организации работ резчиков кооператива было подготовлено и отселено 4 жилых дома [10]. О сохранении бывших домов купцов Клепикова и Н. П. Тетюцкого (они были известны впоследствии как «белая» и «красная» школы) писал в своей статье председатель Сургутского отделения ВООПиК П. А. Мунарев [5, с. 3].

Судя по эмоциональной статье журналиста Т. Самборского, со стороны ответственных лиц они не встречали никакой поддержки. В результате пожар в ночь с 5 на 6 мая 1990 г. нанес школе непоправимые повреждения. Подобная судьба постигла не только это историческое здание. Из 18 домов, подлежащих переносу в музейно-этнографический комплекс (к 1990 г. стало ясно, что это уже не историко-этнографическая зона), в то время сохранилось только 4 [5, с. 3]. Собственно, впечатляет и сам список домов Старого Сургута, которые, как отмечал Т. Самборский, стали жертвами безразличия властей и ведомств:

1. Советская, 3 – построен в конце XVIII в., уничтожен пожаром.
2. Просвещения, 19 – снесен в восьмидесятых годах.
3. Советская, 10 (бывшее здание первой музыкальной школы) – построен в начале XX века купцом Тетюцким, памятник архитектуры республиканского значения. Сгорел в 1990 г.
4. Республики, 16 (здание бывшей аптеки) – разобрано для переноса в этнографическую зону.

5. Гагарина, 8 – бывший дом священнослужителя Троицкого собора, построен в конце XIX века.

6. Красноармейская, 3 – построен в начале XIX века, уничтожен пожаром перед переносом в этнографическую зону.

7. Просвещения, 5 – красивейшее здание снесено при строительстве общежития.

8. Республики, 45 – снесен при строительстве нового здания.

9. Республики, 17 – снесен.

10. Кайдалова, 3 – снесен при строительстве 8-этажного дома.

11. Мостовая, 5 – сгорел.

12. Республики, 12 – снесен.

13. Республики, 8 – снесен в начале восьмидесятых годов.

14. Просвещения, 1 – разобран.

15. Свободы, 18 – снесен.

16. Республики, 7 (бывший дом купца Силина, в котором позже размещалась «Скорая помощь») – памятник архитектуры местного значения [12, с. 3].

Тем самым, к концу 1990 г. в микрорайоне Энергетиков почти не осталось зданий, которые можно было переносить на новое место. Вскоре Администрация г. Сургута принимает решение строить новые деревянные дома, используя остатки старых построек в качестве прототипов.

В 1991 г. из-за внутриведомственных противоречий между заказчиком – объединением «Тюменьэнерго», и подрядчиком – трестом «Сургутэнергострой», перестали финансироваться строительные-монтажные работы по непосредственному возведению историко-этнографического комплекса. Новый управляющий трестом «Сургутэнергострой» С. И. Ершов на заседании президиума городского Совета народных депутатов встал и заявил: «Зону строить не буду! Не моё это дело, так как я не специалист в строительстве этнографических зон, до зоны никому нет дела, а все шишки хотят свалить на трест...» [12, с. 3].

В целом, контуры новых строений, по мнению ряда краеведов и журналистов, были довольно невысокого качества и ничего общего с прежним обликом Старого Сургута не имели. В начале февраля 1995 г. Ф. Я. Показаньев на заседании, где обсуждалась концепция Сургутского общества русской культуры, кафедры философии Сургутского государственного университета, Школы русской культуры им. А. С. Знаменского, отметил, что «ничего от Сургута тех лет в сегодняшнем строительстве зоны не видит, и предложил приостановить его с тем, чтобы найти мастеров и начать воссоздавать местный "рисунки"» [2, с. 1]. Подобное мнение формулировали в общественном сознании города и сургутские журналисты. «Нет там ни исторической правды, ни традиций деревянного зодчества», – писал журналист А. Андреев [1, с. 1]. На тот момент историко-этнографический комплекс, стилизованный под старину, открывал возможности сохранения хотя бы некоторой части историко-культурного наследия г. Сургута.

Однако в 1990-е гг. часто менялись подрядные организации, строившие историко-этнографический комплекс. Глава Администрации г. Сургута А. Л. Сидоров считал, что «жизнь на стройке теплится лишь потому, что энергетики чувствуют ответственность за «старый» Сургут, который они снесли, построив на его месте новые кварталы» [13, с. 2].

К середине 1996 г. 14 домов комплекса уже были построены. Оставалось завершить отделочные работы, построить еще 3 дома и подключить их к инженерным сетям. Для координации работ 10 октября 1996 г. была открыта дирекция строящегося комплекса, которую возглавила В. Ф. Пастухова.

9 апреля 1999 г. Глава города А. Л. Сидоров подписывает акт о приемке в эксплуатацию 14 деревянных домов комплекса. А 29 апреля 1999 г. вследствие иного видения дальнейшего развития учреждения Департамент культуры, молодежной политики и спорта города включил этнокультурный центр в качестве структурного подразделения МУ ГКДО «Сургут». 12 июня 1999 г. состоялось открытие ИКЦ «Старый Сургут».

В течение строительства объекта постепенно формировалась концепция ИКЦ «Старый Сургут». Его дальнейшая стратегия развития была выработана общественным советом, в который входили краеведы, историки, журналисты и старожилы города (14 октября 2000 г. в Доме творческой интеллигенции был создан общественный совет ИКЦ «Старый Сургут». В состав совета вошли: Н. К. Молодьков, В. И. Николаенко, Е. П. Коваленко, А. О. Давыдова, А. П. Зубарев, Ю. Б. Неруш, С. В. Кондаков, Г. В. Кондрякова, А. И. Прищепа и др.). Утверждена она была 6 июня 2002 г., что и послужило основой для преобразования «Старого Сургута» в самостоятельное учреждение.

Таким образом, в условиях нефтегазового освоения сложился особый тип ведомственной «производственной» культуры освоения территории, которая во многом была противопоставлена и в некоторой степени враждебно настроена по отношению к традиционной культуре, которую стремилась сохранить городская интеллигенция (краеведы, журналисты, работники учреждений культуры и т. д.), исповедовавшая и формировавшая новую модель исторического пространства Сургута и мемориализации остатков прежней застройки города. Эту инициативу в целом поддерживали городские власти.

Однако ведомства порождали «консамматорную» культуру – индустриальную, реализованную в многоэтажной панельной застройке, скорейшем освоении капиталовложений по строительству микрорайона энергетиков и обеспечении работников комфортабельным жильем. Таким образом, на практике «производственная» культура строительно-монтажного треста энергетиков была невосприимчива к инновациям в развитии городского пространства. До 1991 г. эти глубинные противоречия между инициаторами создания историко-этнографической зоны и подрядчиками, а затем уже музейно-этнографического комплекса, позднее преобразованного в ИКЦ «Старый Сургут» преодолевались Сургутским горисполкомом, а в 1992–2002 гг. – Администрацией города и его департаментами в непростом, но относительно конструктивном диалоге с Сургутским отделением ВООПиК и общественностью города.

В заключении отметим, что несмотря на все трудности, в городе появился уголок «старого» Сургута, воссозданный в конце 1990-х гг. благодаря усилиям местных властей, городской интеллигенции и подрядных организаций. Он дает наглядное представление об историческом облике «старого» Сургута на рубеже XIX–XX вв.

Литература

1. Андреев А. Зона. Она будет совсем не лишней в городе // Новый город. 1994. № 51. 28 сентября.
2. Бокова Л. Прообраз древнерусского посада // Сургутская трибуна. 1995. № 23. 7 февраля.
3. Информация о ходе создания историко-этнографической зоны в г. Сургуте от 13.11.1987 // Текущий архив МБУ ИКЦ «Старый Сургут».
4. Кондрякова Г. В. Сургут и сургутяне: рассказ о людях и времени. Тюмень : Ю. Л. Мандрика, 1998. 256 с.
5. Мунарев П. В замкнутой цепи разговоров // К победе коммунизма. 1990. № 100. 26 мая.
6. МКУ «Муниципальный архив г. Сургута». Ф. 3. Оп. 1. Д. 265.
7. Письмо Минкультуры РСФСР в адрес отдела культуры Сургутского горисполкома от 09.02.1983 // Текущий архив МБУ ИКЦ «Старый Сургут».
8. Показаньев Ф. К лицу нашего города // К победе коммунизма. 1973. № 10. 23 января.
9. Прищепа А. И. Возрождение Сургута. Вторая половина XX в. Сургут : Дефис, 2015. 240 с.
10. Протокол по организации строительно-монтажных и реставрационных работ по созданию «Историко-этнографической зоны» от 14.11.1988 // Текущий архив МБУ ИКЦ «Старый Сургут».
11. Разина Л. Слово о памятниках // К победе коммунизма. 1972. № 12. 29 января.
12. Самборский Т. Резервация // Сургутская трибуна. 1991. № 143. 30 июля.

13. Сенькина З. Александр Сидоров: «нам удалось сделать все, что намечали» // Сургутская трибуна. 1996. № 1. 4 января.

УДК 39(091)(571.122)

Ляхов М. И.

Lyakhov M. I.

ЭТНИЧЕСКИЙ АСПЕКТ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРЕОБРАЗОВАНИЙ: КЕЙС СУРГУТА 1985–1995 ГГ.

ETHNIC ASPECT OF SOCIO-POLITICAL TRANSFORMATION: SURGUT CASE 1985-1995.

В статье реконструировано этническое историко-демографическое развитие Сургута в 1985–1995 гг., причины и итоги динамических изменений численности населения города в период социально-политических реформ, и целесообразность использования исторического опыта развития межнационального диалога культур в Сургуте на современном этапе.

The article reconstructs the ethnic historical and demographic development of Surgut in 1985-1995, the causes and results of dynamic changes in the population of the city during the period of socio-political reforms, and the expediency of using the historical experience of the development of interethnic dialogue of cultures in Surgut at the present stage.

Ключевые слова: перестройка, урбанизация, нефтегазовое освоение, Ханты-Мансийский автономный округ, Сургут, этнический состав, историческая демография

Keywords: perestroika, urbanization, oil and gas development, Khanty-Mansi Autonomous Okrug, Surgut, ethnic composition, historical demography

Период промышленного освоения территории Западно-Сибирской равнины является одним из ключевых событий экономической истории СССР. Создание топливно-энергетического комплекса на слабообжитой территории Севера Тюменской области дало государству не только огромный запас природных ресурсов, но и серьёзно повлияло на развитие урбанизации в регионе, необходимым элементом которого является динамика этнических изменений. С середины 1960-х годов выделяются несколько промышленных центров в автономном округе, одним из которых стал Сургут. Поскольку данный город является крупнейшим населённым пунктом в ХМАО-Югре, именно в нём проходили наиболее существенные изменения в демографии, в том числе в проблематике этничности.

Стоит упомянуть отличительные стороны строительства Сургута от «великих строек» 1930–1950-х годов. Дело в том, что Сургут, как и округ в целом, преобразовывали люди позд-несталинского поколения, родившиеся и жившие в иную эпоху. Более того, для исследования важен тот факт, что развитие индустрии на Севера Западной Сибири происходило силами союзных республик.

Приток в регион квалифицированных кадров из союзных республик СССР способствовал изменению его этнического состава. В 1960-х годах доминирующее положение среди прибывших специалистов занимали кадры из уже традиционных регионов нефтедобычи – Татарской АССР, Башкирской АССР, Чечено-Ингушской АССР, Азербайджанской ССР, Белорусской ССР. Среди прибывающих этнических групп особо выделялись татары и азербайджанцы, численность которых составляла: в 1970 г. – 1 617 и 19 чел., в 1979 г. – 5 364 и 325 чел., в 1989 г. – 1 3672 и 2 992 чел. соответственно [9, с. 119–121]. Всего же по

последней Всесоюзной переписи насчитывалось 51 513 представителей народов Кавказа, что составляло примерно 2 % от общей численности населения города [10, с. 17].

Кроме того, в Сургуте начитывались представители таких народов, как украинцы (1970 г. – 1 615 чел., 1979 г. – 10 499 чел., 1989 г. – 32 849 чел.), белорусы (1979 г. – 1 820 чел., 1989 – 4 735 чел.) [9, с. 119], молдаване (1979 г. – 450 чел., 1989 г. – 2 820 чел.), чувашаи (1979 г. – 850 чел., 1989 г. – 2 609 чел.), мордва (1979 г. – 480 чел., 1989 г. – 1 148 чел.), марийцы (1979 г. – 273 чел., 1989 г. – 950 чел.), казахи (1979 г. – 150 чел., 1989 г. – 657 чел.) [4, с. 38], коми-пермяки (1989 г. – 326 чел.), коми (1989 г. – 160 чел.) [7, с. 106], поляки (1990 – 118 чел., 1991 – 136 чел.) [10, с. 63]. Необходимо учесть, что материалы переписи зафиксировали лишь один народ из среднеазиатского региона (казахи), в то время как иные этнические группы советских республик Средней Азии не были зафиксированы [10, с. 17].

В середине 1970-х гг. в Западную Сибирь начали прибывать отряды болгарских строителей. Основными городами, в которых имелись рабочие этой этнической группы, являлись Сургут, Урай и Нефтеюганск. В 1987 г. в Сургуте насчитывалось 784 болгарина [11, с. 136]. Настроение молодых болгар, работающих на стройках Приобья Сибири, можно найти в речи члена общестроительного комитета ДКМС при болгарской строительной группе: «Мы, молодые болгарские строители, горды, что бок о бок с советскими братьями вносим свой посильный вклад в освоение богатств Западной Сибири» [6, с. 2].

Немаловажную роль в жизни советского общества играла партийная организация, имеющая неоднородный этнический состав. Так, на 1 января 1989 г. в городском комитете партии состояло 14 398 членов и кандидатов, из них: русских – 9 454 чел. (65,7 %), украинцев – 2 621 чел. (18,2 %), татар – 630 чел. (4,4 %), белорусов – 390 чел. (2,7 %), чувашей – 136 чел. (0,9 %), башкир – 182 чел. (1,3 %) [5, с. 5].

Численности представителей коренных малочисленных народов Севера (КМНС) период становления нефтегазового комплекса в городе согласно последним Всесоюзным переписям – ханты, манси, ненцы, насчитывала в 1979 г. – 150, 85, 31 человек; в 1989 г. – 397, 118, 59 человек соответственно [4, с. 38]. Из данных видна тенденция увеличения численности жителей Сургута, идентифицирующих себя как представители КМНС вследствие ассимиляции их в результате смешанных браков с пришлым населением, снижением смертности в результате грамотной политики в области здравоохранения и медицины [8, с. 29].

В период осваивания нефтегазовой индустрии в Среднем Приобье также возрастало число русских. Если в 1959 г. из наличного населения численностью 5 952 человека русскими себя считали 5 333 человека (89,6 %), то последующие переписи дают нам следующую картину: в 1970 г. – 28 524 чел. (83,8 %), в 1979 г. – 81 910 чел. (76,1 %), 1989 г. – 17 2611 чел. (68,7 %) [4, с. 28; 9, с. 120]. Как видно, в указанный период численность русского населения постоянно увеличивалась, однако в разрезе этничности горожан проявлялась противоположная тенденция.

При этом какого-то дискомфорта из-за огромного количества людей разных этнических групп в городской среде не испытывалось. Вот что говорит электромонтер строительства ГРЭС Г. Болотова в номере газеты «К победе коммунизма»: «Многонациональная семья строителей ГРЭС дружелюбно встречает каждого. Поэтому я могу сказать, что дружба всех народностей моей многонациональной Родины помогает строить коммунизм» [3, с. 2].

События конца 1991 г. и их последующие итоги привели к колоссальным изменениям в структуре населения бывшего СССР. Уничтожение социально-политического базиса страны закономерно привело к необходимости искать новые ответы на вопросы в области экономической, политической, социально-культурной сферах. Идентичные проблемы и пути их решения возникли и в городах Севера Западной Сибири.

Ввиду этого продолжал меняться этнический состав населения города. Сургут, как и большинство городов, основной отраслью которых является нефтяная и газовая промышленность, оставался местом притока рабочей силы. Главным стимулом прибытия на территорию Севера являлась достаточно высокая оплата труда. Так, в 2000 г. средняя заработная плата

в Азербайджане и Армении составляла 49,5 и 42,1 доллара соответственно, в то время как в России по стране цифры были больше – 79,1 доллара [10, с. 99].

В 1990-х годах в России появилась тенденция прибытия нелегальных мигрантов из стран бывшего СССР, главным образом из среднеазиатского региона. Ранее упоминалась мизерная доля лиц в Сургуте представителей Таджикистана, Узбекистана, Кыргызстана и Казахстана. Ситуация в первые десятилетия послесоветского периода стала меняться. Возникло явление сезонных трудовых миграций, лидирующие позиции которой занимали гастарбайтеры из Таджикистана. Таковых в 1994 г. из 2 017 человек официально зарегистрированных иностранных рабочих было 57 (2,8 %). В дальнейшем эта группа рабочих только увеличивала свои количественные показатели: в 1997 г. из 2 702 официально зарегистрированных рабочих таджиков было 252 (9,3 %) а в 2000 г. – 590 из 1 830 (32,2 %) [10, с. 134].

Однако точность информации о численности мигрантов на территории Сургута и региона в указанный период представляется не вполне достоверной по причине массового характера нелегальной миграции.

Тем не менее, легально проживающие в городе мигранты практически всегда старались держаться сообща, организуя помощь по любым вопросам лицам одной этнической группы. Одним из простых способов объединения стало формирование общины мигрантов на региональной или на районной основе. Таким образом, в город могли прибывать родственники и/или знакомые, с которыми намного проще взаимодействовать на новом далеком от родины месте.

Однако процесс группирования различных этносов в объединения и взаимодействие между ними происходил не только с прибывшими в Сургут из стран СНГ. В 1998 г. появился Татаро-башкирский культурный центр, разделившийся в 2002 г. на татарское и башкирские общества [10, с. 86]. Проходили фестивали, посвященные финно-угорским народам [1, с. 1], выставки и встречи украинцев и белорусов [2, с. 1] и другие формы межэтнического диалога.

Таким образом, несмотря на внутрисполитические изменения в стране, демографическая ситуация на территории Сургута успешно развивалась, а основными причинами переезда в округ в этот период являлись: экономический фактор, распределение после окончания учебного заведения, прибытие в составе комсомольских студенческих отрядов. В период восстановления рыночных отношений в миграции преобладал экономический фактор, поэтому сегодня необходимо использовать сложившийся в прошлом принцип межэтнического диалога на территории Югры для реализации социально-экономических и культурных проектов региона. В этом заключается важность использования накопленного исторического опыта.

Литература

1. Бокова Л. Сургут приветствует фестиваль // Сургут. трибуна. 1995. 29 июня.
2. Бокова Л. У народов своя цель – сблизиться // Сургут. трибуна. 1998. 16 января.
3. Болотова Г. И расскажем внукам... // К победе коммунизма. 1971. 1 апреля.
4. Город Сургут в цифрах : юбилейн. стат. сб. 1965–1995. Сургут : Нефть Приобья, 1995. 148 с.
5. Город Сургут и Сургутский район в одиннадцатой пятилетке. Сургут, 1986. 38 с.
6. Евтимова С. Растет вклад молодых // К победе коммунизма. 1985. 11 января.
7. Опыт органа местного самоуправления по взаимодействию с национально-культурными автономиями, этническими и религиозными организациями : сб. матер. межмуниципал. семинара 30 сентября 2011 г., Сургут. Сургут : ОЖК, 2011. 132 с.
8. Филипенко А. В., Западова Н. Л., Успенская Т. Н. Демографическое развитие Ханты-Мансийского автономного округа: ситуация, прогноз, политика. Москва ; Ханты-Мансийск : ИСПИ, Правительство ХМАО, 2002. 213 с.
9. Шаймиева Л. И. Миграционные процессы и национальный состав жителей г. Сургута в 60–90 гг. XX в. // Сургут в отечественной истории : сб. тез. докл. и сообщ. Второй межрегион. науч. конф. 26–27 февраля 2003 г., Сургут ; СурГУ. Сургут : Изд-во СурГУ, 2003. С. 118–121.

10. Тен В. А., Делицой А. И., Шкаревский Д. Н. и др. Эволюция этнокультурного облика Югры в конце XX – начале XXI века: на материале сургутского региона. Сургут : Изд-во СурГУ, 2007. 248 с.
11. Яцук К. С. Болгарские строители в Тюменской области (1976–1991 гг.) как пример организованной трудовой миграции // Динамика миграции населения и проблемы современного развития Западной Сибири : сб. тез. док. регион. науч.-практич. конф. 21–22 ноября 2002 г., Сургут ; СурГУ. Сургут : Изд-во СурГУ, 2002. С. 133–137.

УДК 93/94; 394.014; 316.48

Боровинская Д. Н., Медведев В. В., Пяткова С. Г.
Borovinskaya D. N., Medvedev V. V., Pyatkova S. G.

УПРАВЛЕНИЕ ЭТНОКУЛЬТУРНЫМИ ПРОЕКТАМИ И ГЕОБРЕНДИНГ КАК НОВОЕ НАПРАВЛЕНИЕ ПОДГОТОВКИ КАДРОВ ДЛЯ РЕГИОНА

ETHNOCULTURAL PROJECT MANAGEMENT AND GEOBRANDING AS A NEW DIRECTION OF TRAINING FOR THE REGION

О научной обоснованности и фундаментальных аспектах содержательного наполнения образовательных программ в соответствии с запросами обучающихся и органов управления, формах их реализации, актуальности создания качественно новых, соответствующих духу времени региональных образовательных программ в системе высшего образования.

About the scientific validity and fundamental aspects of the content content of educational programs in accordance with the requests of students and management bodies, the forms of their implementation, the relevance of creating qualitatively new, relevant to the spirit of the times regional educational programs in the higher education system.

Ключевые слова: этнокультурный проект, этнопроект, геобрендинг, проектирование, компетентность

Keywords: ethnocultural project, ethnoproject, geobranding, design, competence

Анализируя культурную политику Ханты-Мансийского автономного округа – Югры, особо стоит отметить направленность на сохранение, продвижение этнокультурного наследия региона, артефактов как материальной, так и духовной культуры, а также развитие национальной идентичности, культурного наследия и сохранения благоприятных межэтнических отношений в регионе в целом.

Гармонизация межэтнических и межконфессиональных отношений представляет собой одну из наиболее важных и сложных сфер управленческой деятельности. Особенно актуальны вопросы поддержания стабильности в межнациональной сфере и предотвращении межэтнических конфликтов, создании благоприятных условий для развития этнических культур на муниципальном и региональном уровнях. Грамотно выстроенная политика в сфере межнациональных отношений лежит в основе предотвращения и профилактики межнациональной напряженности и является основой гармонизации межэтнических и межконфессиональных связей.

Этим и обусловлен основной тезис данного исследования, вынесенный в заголовок, который в дальнейшем позволит сформировать научно обоснованную модель разработки актуализированных образовательных программ для повышения конкурентоспособности региона.

Обозначим несколько направлений реализации поставленной задачи – это область научного знания, связанная с вопросами этнокультурного проектирования и этнокультурного

образования, и знания, связанные с использованием возможностей геобрендинга и потенциала этнокультурного проектирования в продвижении региона.

Итак, аналогом понятия «этнокультурный проект» является дефиниция «этнопроект», применённая А. В. Головнёвым в отношении «персонально мотивированной инициативы, направленной на активацию этничности». Подобные проекты способствуют импульсу, подпитывающему и актуализирующему этничность [2, с. 142–143]. Этнопроекты могут быть этнополитическими и этнокультурными. С данным понятием соотносятся также этнокультурное возрождение, ревитализация, национальное движение, культурное выживание [7, с. 168].

В целом концепт «проектирование» является одним из популярных в социально-гуманитарных науках и применяется для объяснения управляемых процессов в экономической, политической, социальной и духовной сферах общественной жизни. Каждая сфера имеет свои особенности и ориентиры, что накладывает отпечаток и на реализуемую проектную деятельность. Такой спецификой обладает и этнокультурное проектирование [3]. Научное обоснование и внедрение новых подходов в сфере этнокультурного проектирования актуализирует развитие образовательной составляющей в этом направлении, прежде всего, относительно терминологической и понятийной проработки проблемы, определения ее перспектив. В этом отношении под этнокультурным проектированием понимается научно обоснованный процесс разработки будущих изменений в теории, методике и организации этнокультурной деятельности [5]. Поэтому важным является рассмотрение таких аспектов:

- «этнокультурная компетентность субъектов этнокультурного проектирования», включающая комплекс личностных и профессиональных качеств, которыми должны обладать разработчики и руководители этнокультурных проектов;

- «этнокультурное сетевое взаимодействие», под которым понимается взаимодействие различных социально-культурных и образовательных учреждений и организаций, участвующих в этнокультурном проектировании, обеспечивающее каждому из них возможность использования ресурсов других учреждений и организаций.

Как отмечают современные исследователи, «этнокультурное образование является наиболее действенной формой трансляции в современное общество традиционной народной культуры» [5]. «Этнокультурное образование рассматривается как целенаправленный непрерывный педагогический процесс приобщения учащихся к этнической культуре (или культурам) в учреждениях дошкольного, общего, дополнительного и профессионального образования, на основе взаимодействия с семьей, учреждениями культуры и средствами массовой информации. Этнокультурное образование нацелено на освоение учащимися тех национально-культурных традиций, в которых воплощены высшие духовно-нравственные ценности, как отдельных этносов, так и всего человечества, имеющие особую значимость для духовно-нравственного воспитания и гражданского становления современного человека, а также позитивного развития и консолидации современного российского общества и его интеграции в мировое сообщество. Такое образование формирует, прежде всего, ценностное отношение к Родине, к природе, к семье, родному дому и родителям, к труду, к творчеству по законам красоты, к культурному наследию и традициям своего и других народов» [6].

При этом важно говорить о развитии регионального подхода к этнокультурному проектированию с учётом региональной специфики. Данные аспекты задают ориентиры для развития эффективной организации и управления этнокультурными проектами посредством внедрения новых образовательных программ.

Учитывая изученный опыт и практику реализации этнокультурных проектов, целесообразно рассматривать управление этнокультурными проектами в связке с геобрендингом как важным инструментом формирования и развития брендинга территорий. На сегодняшний день одной из главных причин такой актуализации геобрендинга является активный рост и развитие городов. В такой ситуации необходимо для руководства регионов определить и эффективно развивать свой культурный код, встраиваемый и в общую национальную концепцию. «Маркетинг, убранистика как основные инструменты, помогающие интегрировать

экономические, социальные, культурные и политические аспекты управления территориями составляют основу геобрендинга» [4], главная цель которого – «создание привлекательного образа местности и донесения до широкой общественности информации об уникальности конкретно взятого региона» [8]. «Следствием развития процессов геобрендинга является и завоевание внешних рынков, привлечение инвесторов, туристов, новых жителей и квалифицированных мигрантов» [1].

Более того, использование имиджевых и культурологических возможностей геобрендинга и потенциала этнокультурного проектирования способствует реализации конкретных идей на практике. Проекты могут быть интегрированы в образовательное пространство, носить просветительский характер или же иметь социальную направленность. Вовлечённость в подобные проекты обучающихся школ, колледжей, университетов и других категорий участников предоставляет возможность регулирования межэтнических и межконфессиональных взаимоотношений, а также определения профилактических мер среди молодёжи по противодействию экстремистских воззрений.

В Ханты-Мансийском автономном округе – Югре ведется работа по разработке и реализации этнокультурных проектов [9], накоплен определенный опыт в данном направлении, в том числе относительно брендинга территории. Однако требуется более системная работа в части развития кадрового потенциала для реализации данного направления.

Исторические, культурологические и антропологические знания – необходимый компонент профессиональной компетенции специалистов в сфере межнациональных и межрелигиозных отношений, реализующих государственную национальную политику в субъектах Российской Федерации, специалистов в области медиации, музееведов и экскурсоводов.

Безусловно, успешная реализация ранее обозначенных направлений – сохранение и продвижение этнокультурного наследия, ресурсов и потенциала этнической культуры народов региона или же более конкретизированного локуса, зависит не только от профессиональных установок и стандартов, но прежде всего, от фундаментальных знаний и опыта в области профессиональной специализации.

Опыт проектирования образовательной программы в этом направлении показал, что целесообразно ориентироваться на связь понятий «этнокультурное проектирование и образование», «управление и геобрендинг» как системообразующих и взаимодополняющих элементов; получение практического результата – успешного этнокультурного проекта; перспективные области профессиональной деятельности и сферы профессиональной деятельности; прикладной характер подготовки кадров.

Литература

1. Арпентьева М. Р. Геобрендинг в индустрии туризма // *Соврем. проблемы сервиса и туризма*. 2015. № 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/geobrending-v-industrii-turizma> (дата обращения: 21.09.2022).
2. Головнёв А. В., Перевалова Е. В., Белоруссова С. Ю., Киссер Т. С. Этнопроект, или персонализация этничности: по материалам Уральской этноэкспедиции // *Урал. историч. вестн.* 2016. № 4. С. 142–148.
3. Горбачев М. В. Концепт «этнокультурное проектирование» в системе проектной методологии интерпретации социально-политической реальности. URL: <https://phsreda.com/e-publications/e-publication-126.pdf>. (дата обращения: 21.09.2022).
4. Корнилова К. С. Геобрендинг в контексте проблем медиатизации // *Цифровые трансформации СМИ: региональный, национальный и глобальный аспекты : материалы X междунар. чтений ; фак. журналистики Моск. гос. ун-та им. М. В. Ломоносова*. Москва. 2018. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=38177847> (дата обращения: 21.09.2022).
5. Королева Г. М. Этнокультурная деятельность в регионах: педагогическое проектирование и реализация : автореф. дис. ... д-ра пед. наук. URL: <http://www.dissers.ru/> (дата обращения: 21.09.2022).

6. Мубинова З. Ф. Этнонациональное воспитание в общеобразовательной школе посредством преподавания искусства: сущность и возрастные особенности. URL: <http://www.art-education.ru/electronic-journal/> (дата обращения: 21.09.2022).

7. Перевалова Е. В., Киссер Т. С. Таймыр: этнопроекты и лидеры // Этнография. 2021. № 2. С. 166–193.

8. Скрипникова Н. Н., Мироненко К. В. Теоретические основы брендинга региона // Профессиональные компетенции государственных служащих: формирование и развитие : материалы Всерос. науч.-практич. конф. Воронеж : Науч. книга. 2019.

9. Этнокультурные проекты в Югре // Агентство социальной информации : офиц. сайт. URL: <https://www.asi.org.ru/> (дата обращения: 21.09.2022).

Научное издание

«РОССИЙСКОЕ МОГУЩЕСТВО ПРИРАСТАТЬ БУДЕТ СИБИРЬЮ...»

Сборник статей

Ответственный редактор
Веселов Севостьян Игоревич

Редактор
Л. И. Манаева

Верстка
Е. А. Мельниковой

Дата опубликования 30.06.2023. Формат 60 × 84/8
Уч.-изд. л. 9,7. Заказ 174

Оригинал-макет подготовлен
в Издательском центре СурГУ
Тел. (3462) 76-31-79

БУ ВО «Сургутский государственный университет»
628400, Россия, Ханты-Мансийский автономный округ,
г. Сургут, пр. Ленина, 1
Тел. (3462) 76-31-00